

МЭТТ
БРОНЛИВИ

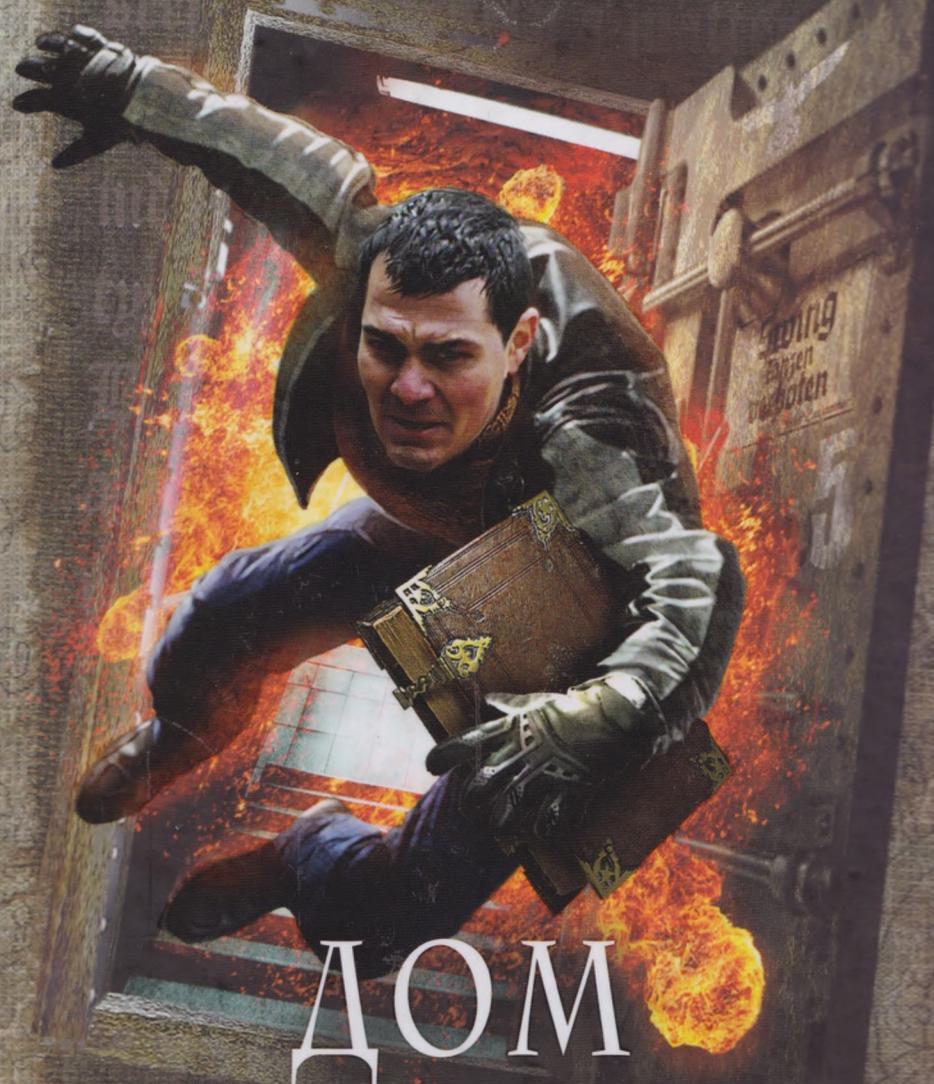
В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

МЭТТ БРОНЛИВИ

ДОМ ВОЛКА

ЭКСМО

ДОМ ВОЛКА

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТSELLER

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

МЭТТ БРОНЛИВИ

ДОМ
ВОЛКА

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 88

Matt Bronleewe

HOUSE OF WOLVES

Copyright © 2008 by Matt Bronleewe

All rights reserved

This Licensed Work published under license

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Оформление *А. Саукова*

Бронливи М.

Б 88 Дом волка / Мэтт Бронливи ; [пер. с англ. Н. В. Рейн]. —
М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-64497-1

Торговец редкими книгами Август Адамс неожиданно получил почтовую посылку от отца, с которым он не разговаривал уже двадцать лет. В ней оказалось «Евангелие от Генриха Льва», написанное в конце двенадцатого века, — невероятный раритет огромной ценности. У Августа нет сомнений — это копия, ведь оригинал надежно укрыт в одном из германских книгохранилищ. Но сразу же после неожиданной посыпки в жизнь Адамса врываются странные и опасные люди, цель которых — отобрать у него эту книгу, причем неважно, у живого или мертвого. Неужели фолиант подлинный?.. Август еще не знает, что это «Евангелие» — не просто букинистическая редкость. Ибо на его страницах зашифрована древняя тайна, которой поистине нет цены...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-64497-1

© Рейн Н. В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Моим родителям,
Тому и Бев Бронливи,
которые вырастили меня в доме,
где жила любовь*

Пролог

1181 год н. э.

Вестфалия, Германия

Генрих по прозвищу Лев чувствовал, как чьи-то глаза сверлят ему череп. Сам он практически ничего не видел, мешала повязка, но воображение услужливо подсказало сцену — прямо перед ним золотая статуя Девы Марии, а вокруг — укутанные в длинные, с головы до пят, угольно-черные плащи, собрались члены «Черных Фем». Уши улавливали дыхание в унисон — точно некие мехи ада раздувались и опадали в вечном жалобном ритме. Никаких других звуков в этом вонючем подземном помещении не было. Никому не позволялось говорить, за исключением Председателя трибунала.

— Что ты сказал, Лев?

Генрих сразу же узнал низкий гудящий голос. Холодок пробежал по коже.

С лица сорвали повязку. Моргая глазами, он разглядел великана. Тот приблизился и остановился так близко, что край огненно-рыжей бороды царапал лицо Генриха.

— Вижу, удивлен моим присутствием? — спросил Барбаросса.

— Твое присутствие меня не волнует, — ответил Генрих. — Куда больше удручают мое положение. Мне часто доводилось стоять перед этим судом, но ни разу в столь паршивой позиции.

И он не кривил душой. Теперь главное место, прежде принадлежавшее Генриху, занимал рыжебородый великан. Видно, пропустил, прохлопал момент, когда наметилась тенденция к смене власти. Да, ему сильно не повезло. Они скоро его прикончат, в том нет сомнений. Ведь суд этот ставил перед собой однуш-единственную цель — избавлять общество от тех, кто осмелился нарушить десять заповедей. И разумеется, со временем суд счел эти заповеди сильным ограничением и добавил к ним собственный длинный список поправок, соответствующих святым законам Божиим, в том числе шесть грехов, считавшихся самыми страшными.

1. *Фресь*
2. *Джесвидетельство*
3. *Жычество*
4. *Колдовство*
5. *Раскрытие тайн «Священных Фем»*
6. *Раскрытие тайн Карла Великого*

Шестнадцать лет тому назад Барбаросса канонизировал Карла Великого, первого императора Священной Римской империи. И с тех пор был поглощен одной идеей — сохранить наследие великого правителя. И Генрих прекрасно понимал, что его собственное возвышение, любой шагок к власти путают карты Барбароссе.

— Почему меня привели на это судилище, князь Швабии? — возмущенно воскликнул Генрих. Та-

ким обращением он как бы ставил под сомнение легитимность высокого поста великана, намекал, что тот никак не может называться новым императором Священной Римской империи. И едва успел вымолвить эти слова, как острый кончик меча уперся ему в ямочку под подбородком.

— Будешь называть меня императором, как и все простолюдины, — сказал Барбаросса и слегка шевельнул рукой, отчего кончик меча еще сильнее впился в мягкую плоть под подбородком.

— Ты убедил меня, император, — ответил Генрих, вкладывая в обращение все свое презрение, на какое только осмелился. Потом отстранился немного, и Барбаросса опустил меч. Но Генрих успел заметить, как блеснули выгравированные на лезвии четыре буквы. SSGG. При виде этих инициалов кровь так и застыла в жилах Генриха. Он откашлялся, попытался взять себя в руки. — Я требую объяснений. Почему меня привели сюда?

— Требуешь? — насмешливо спросил Барбаросса. Развернулся и направился к статуе Девы Марии, в складках туники которой отражались и танцевали отблески пламени факелов. — Что ж, раз требуешь... — Взмахом руки он приказал ввести еще одну жертву с черной повязкой на глазах. Несчастного подтащили и бросили к ногам Барбароссы два помощника судьи, которых называли здесь фрейсхоффен. — Узнаешь этого человека?

— Узнаю, — ответил Генрих Лев. — Звать его Беркхард. Преданный слуга, работает в одной из моих конюшен. От него-то что вам надо? Он не нарушил ни одного закона братства.

— Я задам ему тот же вопрос, что хотел задать тебе, Лев, — сказал Барбаросса. И наклонился к

пленнику — так, что лица их оказались на одном уровне. — Где реликвия?

Мужчина удивленно разинул рот. Потом покачал головой.

— Не знаю, о чём это вы! — взмолился он.

— Где реликвия? — повторил Барбаросса.

— Умоляю вас, император! Я ничего такого не знаю! — И несчастный задергался из стороны в сторону, но фрейскоффен надежно держали его.

— Отпусти его! — воскликнул Генрих.

— Молчать! — рявкнул Барбаросса. Затем обернулся к пленнику, сорвал черную повязку с его глаз. — Последний раз тебя спрашиваю: где реликвия?..

Несчастный крепко зажмурился от страха, видно, хотел, чтобы на глазах вновь оказалась повязка.

— Не знаю, ваша светлость.

Барбаросса раздраженно отступил.

— Лжец! Священный Суд приказывает тебе подойти к Деве Марии и поцеловать ее ступни!

Пленный был потрясен.

— Так меня... оставят в живых?..

— Целуй ступни Девы, — приказал Барбаросса. — Теперь твоя судьба зависит только от нее.

Мужчина, дрожа всем телом, опустился на колени перед статуей. Нервно огляделся по сторонам, точно ожидая, что на голову ему вот-вот обрушится меч и лишит его жизни. Но ничего подобного не случилось. И он улыбнулся и разрыдался от облегчения, а затем наклонился поцеловать ступни статуи. И как только губы его коснулись холодного металла, откуда-то из глубины статуи раздался жалобный стон. Он вздрогнул и отпрянул, лицо его исказилось от страха. Он бы с радостью бежал из этой пещеры, если бы его не удерживали двое фрейскоффен.

— А Дева-то, похоже, чем-то недовольна, — заметил Барбаросса и кивнул своим подручным.

И тут, словно по волшебству, передние створки статуи распахнулись. И взорам открылось ее чудовищное ужасное нутро. Это был пыточный механизм под названием «Железная Дева», внутри которого находились часто расположенные толстые и заостренные металлические шипы.

— Но этот человек невиновен! — крикнул Лев.

— Нет на свете ни одного ни в чем не повинного человека, — с насмешкой возразил ему Барбаросса. — Ты лучше готовься. Скоро придет и твой черед.

Фрейсхоффен подтащили упирающегося пленника к статуе и затолкали его в эту страшную пыточную камеру. А затем створки плотно закрылись. И было слышно, как изнутри доносятся приглушенные, но от этого не менее страшные крики.

Барбаросса взглянул на членов Священного Суда.

— Дева вынесла свой приговор! Пусть тот, кто с ней не согласен, осмелится возразить!

В пещере повисла напряженная тишина, прерываемая лишь мучительными криками несчастного конюшенного.

— Быть посему! — заключил Барбаросса и направился к статуе, опустив голову и приложив руку к груди в том месте, где находилось сердце. Затем надавил на кнопку со священным символом, и из-под пола донесся скрежещущий звук, точно огромная мясорубка перемалывала кости и мясо. Через секунду-другую крики пленника стихли. Барбаросса развернулся и вскинул вверх руки. — Свершилось! Сегодня, братья мои, Дева быстро приняла и исполнила свое решение!

Его подручные открыли створки статуи. Внутри было пусто. В мрачном отблеске факелов — ни следа Беркхарда, лишь блестящее и темное кровавое пятно.

— Ты за это кровью заплатишь! — угрожающе произнес Генрих, следя за тем, как надвигается на него грозный и огромный силуэт Барбароссы.

— Я мог бы пощадить его, — проворчал Барбаросса. — И тебя тоже. А теперь задам тот же вопрос: где реликвия?

Лев всматривался в лица своих собратьев в надежде уловить хоть какую-то поддержку. Но не увидел ничего, кроме презрения и осуждения.

Змеиные пальцы Барбароссы обвились вокруг его шеи.

— Скажи, где ты ее спрятал, и, так и быть, я не стану отдавать тебя на суд Железной Деве, сам выдавлю из тебя всю жизнь по каплям!

Но Генрих и глазом не моргнул. Не дрогнул. Вся его поза и взгляд излучали спокойствие, сравнимое разве что с вечерними водами Мертвого моря, которое довелось ему увидеть лет десять назад, во время крестового похода на Святую землю. Именно тогда он впервые услышал о реликвии, которую так жаждал заполучить рыжебородый гигант. Но реликвия эта... несет опасность, о которой даже не подозревает этот глупец Барбаросса.

— Смерть будет лучшей наградой за ношу, которую я несу, — произнес Генрих приглушенным, но ровным голосом. — Немало поколений сменится на гречной нашей земле, прежде чем люди вновь обретут эту реликвию. А тому, чья рука ощутит ее священную власть, могу сказать одно: Господь, спаси и сохрани этого человека.

Глава первая

Август Адамс физически ощущал, как чьи-то глаза сверлят ему череп. Он был на их территории, и от него ждали ответов.

— Мистер Адамс?

Август крепко потер виски пальцами, стараясь избавиться от сонливости и отупения. Этой ночью он не спал ни минуты. И теперь мозг напоминал ему миску серой холодной овсянки, оставленную на кухонном столе.

— Мистер Адамс, вы будете говорить или нет?

Он взглянул на настенные часы. Прошло пять минут. Неужели? Всего лишь пять минут?.. Он слышал громкое биение собственного сердца. Еще двадцать пять минут этой пытки, и он не выдержит, умрет.

— Мистер Адамс?

Август крепко зажмурился и попытался сосредоточиться, забыть о том, что услышал накануне ночью. Забыть об этом ужасном полуночном телефонном звонке. О голосе: «Август, мне нужно сказать тебе кое-что». Обычно вслед за такими словами идет какая-то очень плохая новость. Особенно если звонок исходит от бывшей жены. Эйприл.

— Пап?

Август открыл глаза и увидел любопытное личико своего девятилетнего сына Чарли. «Прости», — мысленно сказал он ему и даже свел брови в надежде, что это наверняка позволит передать мысль на расстояние.

Мальчик лишь укоризненно покачал головой. Точно тренер, увидевший, что его лучшая лошадь, фаворит гонок, сбилась с ритма на последнем отрезке беговой дорожки.

— Мистер Адамс, может, вы все-таки объясните классу, чем именно занимается библиопалеонтолог?

Август, тупо моргая, уставился на учительницу Чарли. Суровое выражение ее лица напомнило, зачем он здесь. Ведь сегодня в четвертом классе особый урок — День карьеры. Поначалу Чарли хотел пригласить выступить приятеля Эйприл, Алекса Пирсона. Но из-за вчерашних новостей встречу с Пирсоном пришлось отменить.

— Если я правильно понял, вас интересует термин «археобиблиолог», — сказал Август. — Но я уже давным-давно забросил это дело. — Он обернулся к сыну. — Просто, наверное, Чарли забыл вам сказать.

В классе послышались смешки. Ну что тут смешного? Да ничего! Хотя, может, сам факт, что он так расклейлся, растерялся, показался детям забавным. Какого ребенка не рассмешит взрослый, вдруг потерявший дар речи, впавший в полную растерянность?

Учительница наклонилась к Адамсу, сидевшему на низеньком пластиковом стуле.

— Ну хорошо, — тихо заметила она. — Раз вы больше не археобиблиолог, может, все-таки расскажете ребятам, чем зарабатываете на жизнь теперь? Очень вас прошу, пожалуйста.

Август откашлялся и поправил галстук, тонкий и чрезмерно длинный — кончик его свисал дюйма на два ниже положенного. Он немного ослабил узел, чтобы подтянуть этот нелепый аксессуар, а потом снял его вовсе. Ученики снова захихикали. «Наверное, — подумал Август, — стоит сказать им, что я работаю клоуном. По крайней мере, уж точно поверят».

Он задумчиво почесал густую щетину, которая, подобно темному мху, покрывала подбородок.

— Я покупаю и продаю редкие книги, — пояснил он. — Прошу особо обратить внимание на слово «продаю». — В классе снова послышались смешки, на этот раз от взрослой аудитории. И еще по глазам слушателей было видно: им скучно.

— Вы покупаете и продаете комиксы? — спросил какой-то мальчуган, откинув со лба темную челку прямых волос — она лезла в глаза.

— Иногда и комиксы, — ответил Август, тоном подчеркивая особые обстоятельства, вынуждающие его совершать это действие.

— Потому что у моего папы есть один комикс. И он говорит, что эта книжка стоит кучу денег.

Август явно заинтересовался:

— И что же это за комикс?

Мальчик пожал узкими плечами:

— Не знаю.

— Но ты его видел?

— Да.

— И не помнишь?

Тут вмешалась учительница:

— Мистер Адамс, может, пришло время...

— Вспомнил! — воскликнул мальчик, и улыбка превратила его лицо в правильный овал. — Там

еще была картинка, а на ней парень типа Супермена. Но только это никакой не Супермен...

Август встал. Весь класс провожал его глазами, когда он направился к мальчику.

— Подумай хорошенько, постараитесь вспомнить. Может, это Капитан Марвел?

Мальчик так и раскрыл рот от удивления, изумленный догадливостью этого взрослого.

— Да, точно он!

— Так ты что же, хочешь сказать, что у твоего отца имеется экземпляр «Флэш Комикс # 1 экшн»?¹

Мальчик тупо и непонимающе смотрел на него.

— Ладно, неважно, — сказал Август. Достал из кармана визитку и нацарапал на обратной стороне номер своего мобильного телефона. — Вот, передай отцу. И скажи, чтобы ни с кем больше, кроме меня, об этой книжке не говорил. Ни с кем, ясно?

Мальчик кивнул.

— Вот и славно. — Август снова опустился на стул-недомерок, едва не промахнулся и не шлепнулся при этом на пол, не рассчитав его небольшой высоты. Класс так и покатился со смеху.

— Так, дети, типшина в классе! — скомандовала учительница. — Давайте поблагодарим мистера Адамса, перед тем как он уйдет.

— Да вроде бы еще рано уходить, — возразил Август.

— Ничего, мы сумеем использовать это время, — сказала учительница.

¹«Флэш Комикс # 1 Экшн» — первое печатное издание приключений Капитана Марвела (изд. Fawcett, 1940 г.), считается редчайшим изданием комиксов; существует всего восемь экземпляров.

Дети уже хлопали в ладоши и кричали «до свиданья».

— Прежде чем уйти, я хотел бы показать этим милым детям одну вещь. — Август вопросительно взглянул на учительницу. Потом на Чарли — тот сидел, обхватив голову руками. — Вы позволите?

Учительница вздохнула:

— Ну хорошо. Только обещайте, что не станете продавать здесь книги, договорились?

Август кивнул. Затем положил на колени кейс, щелкнул замками. Поднял крышку и извлек из укрепленного титановой рамой кейса большую книгу.

— Это не настоящая редкая книга, просто ее копия, — пояснил он. Просунул два пальца, медленно раскрыл толстый том на середине.

Дети, завидев сияние, исходившее от страниц, даже привстали, чтобы лучше разглядеть. Послышились восторженные ахи и охи.

— Поможешь мне, Чарли? — обратился к сыну Август.

Тот поднялся из-за парты, поначалу нехотя. Но затем увидел обращенные на него завистливые взгляды школьных товарищек и заметно оживился. И едва сдерживал улыбку, направляясь по проходу к отцу.

— Спасибо, — сказал Август и опустил сыну руку на плечо. — Хочу, чтобы ты подержал эту книгу так, чтобы все могли разглядеть.

Чарли вытянул вперед согнутые руки, и Август положил на них книгу, как на пюпитр.

— Тяжелая... — пробормотал Чарли.

Август подложил руку, помог ему держать.

— Я тебя всегда прикрою, — шепнул он сыну на ухо. Потом обернулся к классу. — Кто-нибудь из вас слышал о человеке по имени Генрих Лев?

Сидевшая в первом ряду девочка со смешными тонкими косичками подняла руку.

— Он нарисован на автоматическом проигрывателе, верно?

— Нет, не думаю, — сказал Август. — Еще версии есть?

Мальчик, рассказавший о редкой книге-комиксе, поднял руку.

— Должен тебя предупредить, — заметил Август. — Это никакой не Супермен.

Мальчик с челкой тут же опустил руку.

— Генрих Лев, — начал Август, — был знаменитым воином знатного происхождения, и жил он в конце двенадцатого века. Он был родом из семьи, известной как династия Вельфов¹. Ну, кто-нибудь догадается, что означает это слово, «Вельф»?

Тут снова вскинула руку девочка с косичками. И выпалила с ходу:

— Это все равно что Бельф, да?

— Бельф? — повторил Август, не уверенный, что правильно расслышал.

— Ну, как это... когда...

Август понял: девочка не знает, просто хочет покрасоваться перед одноклассниками.

— Нет, извини, никакой это не бельф. Ничего общего. Кто-нибудь еще знает?

Ребята захихикали. Даже учительница засмеялась. Август начал чувствовать аудиторию.

И вот в заднем ряду показалась рука. Худенький мальчик поднял ее робко, неуверенно.

¹ Династия Вельфов — согласно легенде, происхождение этого рода возводилось к Эдекону, гуннскому или скифскому вождю времен Атиллы (ок. 450 г. н.э.). Первый достоверно известный представитель рода — Вельф I, имел владения в Баварии и Швабии.

— Может, это эльф? — неуверенным дрожащим голоском спросил он.

Август улыбнулся. Должно быть, этому робкому ребенку стоило немало мужества попробовать ответить на вопрос.

— Не совсем так. Но вообще ты на правильном пути: играешь с буквами, просто пока выбираешь не те.

Застенчивый мальчик прикрыл лицо ладошкой. Август даже подумал: он вот-вот нырнет под парту и будет отсиживаться там. Но тут вдруг он отнял руку от лица, выпрямился и выпалил:

— Волк!

— Ты прав, друг мой! Слово «вельф» означает «волк».

Ему показалось, что дети оживятся, услышав это. Но ничего подобного не произошло. Боясь потерять их внимание, Август поднял голову и взвыл тихонько. Класс разразился восторженными возгласами.

Учительница пыталась их успокоить.

— Мистер Адамс, — сказала она. — Может, вы теперь расскажете нам, какое отношение имеет Генрих Лев к этой книге?

— Эта книга, — начал Август, перелистывая страницы, — называется «Евангелие от Генриха Льва». Принц Генрих и его жена Матильда заказали ее издание в конце двенадцатого века. И как видно по иллюстрациям, что находятся в ней, это больше, чем книга. Это произведение искусства. Настолько ценное и редкостное, что в 1983 году она была продана на аукционе Сотбис в Лондоне почти за двадцать миллионов долларов. А сегодня ушла бы раза в три дороже. Да, точно, думаю, куда как дороже.

В классе послышались изумленные возгласы.

Август приподнял руку, пытаясь утихомирить слушателей.

— Это всего лишь копия, — сказал он, желая несколько умерить их пыл. — Думаете, я позволил бы вам просто взглянуть на нее, если бы то был оригинал? Ничего подобного! Но не расстраивайтесь. Можете любоваться копией хоть весь день.

Ребята столпились вокруг него, стали разглядывать книгу.

Учительница тут же вступила в борьбу с хаосом, велела всем отойти и выстроиться вдоль стены. Потом наклонилась, решила сама рассмотреть книгу.

— Да, копия просто замечательная, — заметила она, перелистывая страницы.

— Согласен. Лучшая из всех, какие я только видел.

— А вы уверены, что это не подлинник?

Август расхохотался.

— Нет, это совершенно невозможно. Подлинник охраняется самым строжайшим образом. И находится очень далеко отсюда, в Вольфенбутtele, в Германии.

— Так как же вам удалось раздобыть копию?

— Досталась от отца, — ответил Август. — Буквально вчера прислал мне ее на день рождения.

Чудесный подарок; замечательный, потрясающий день. По крайней мере так было первые двадцать три часа и пятьдесят пять минут.

Глава вторая

Август пытался выбросить из головы события предыдущей ночи. Если бы он не подошел к телефону... Зачем он только поднял трубку? Едва увидев на определителе номер Эйприл, понял, что снимать трубку не стоит, пусть наговаривает на автоответчик. Но

именно это ей и нужно было. Болтать, чтобы никто не спорил и не перебивал. Вот почему она позвонила так поздно, возможно, в надежде, что празднование закончилось или мобильник где-то затерялся и его гудков не слышно в шуме вечеринки. И вот вопреки собственному желанию он все же поднял трубку. Сoverшил ошибку.

— Мистер Адамс?

— Да? — ответил Август и поднял отсутствующий взгляд на учительницу.

— Спасибо, что уделили нам время. Можете идти.

— Да, конечно.

Он взял книгу из рук Чарли, осторожно уложил ее обратно в кейс. Потом поблагодарил сына за помощь, любовно взъерошил ему волосы.

— Пап?

— Да, понимаю, не стоит перед всеми...

— Я не о том, — сказал Чарли. — Ты получил эту книгу от дедушки Адамса?

— Да.

— А я почему-то думал, ты с ним вообще не разговариваешь.

Август вздохнул:

— Так оно и есть. И вообще, если честно, я совсем не уверен, что именно он прислал мне книгу. Ни открытки, ни предварительного телефонного звонка, ничего такого. Но нас всегда объединяло одно чувство — глубочайшее восхищение этой книгой. А потому считаю, что никто другой прислать ее просто не мог.

Учительница меж тем велела ребятам собрать школьные принадлежности. Учебный день подошел к концу.

— Так это означает, что вы снова с ним разговариваете?

— Понятия не имею, что это означает, — ответил Август. И положил руку Чарли на плечо. — Но ни на секунду никогда бы не подумал, что нечто подобное может случиться между нами. Ведь это тебя беспокоит, верно?

— Может быть.

— Забудь сейчас же, выбрось из головы. У твоего деда куча проблем. И именно из-за них мы и не разговариваем.

— А что, если у меня появятся проблемы? Ты и со мной тоже не будешь разговаривать?

Ученики сложили книжки и тетрадки в ранцы, надели куртки. Учительница выключила лишний свет. Прозвенел звонок.

— Обещаю, этого никогда не случится, — сказал Август.

Чарли отошел, вернулся к своей парте.

— Не очень-то ты держишь свои обещания, — пробормотал он.

Август покосился на учительницу в надежде, что она не слышала этих слов сына, поскольку была занята — собирала карандаши, оставленные на столе.

— Позже об этом потолкуем.

— Позже? Я думал, за мной заедет мама.

— Нет, — сказал Август. — Сегодня я тебя забираю. Мама слишком занята, работает с доктором Пирсоном.

— Это почему?

— Потому... — Тут Август запнулся. — Погоди секунду.

Он достал мобильник и попросил учительницу присмотреть за Чарли минуту-другую. Нашел в

меню нужный телефон, надавил на кнопку и вышел из класса.

Три звонка.

— Алло?

— Эйприл? Это я. Думаю, понимаешь, почему я звоню. Только что говорил с Чарли о том, что он поедет после школы ко мне. И только сейчас сообразил — он понятия не имеет, что происходит. Ни малейшего понятия! Ну скажи, как такое возможно?

Ответа не последовало.

— Ты меня слышишь?

— Да, слышу. Но не собираюсь обсуждать с тобой что бы то ни было, пока не пойму, что ты способен рассуждать разумно!

— Разумно? Ты просто, видите ли, занималась помолвкой вчера вечером и не удосужилась предупредить собственного сына?

— Я должна была дождаться, пока он выберет кольцо.

— Так вот чем ты занимаешься сегодня с Алексом? Шляешься по магазинам в поисках обручального кольца? Но ведь кольцо, насколько мне известно, покупают заранее.

— Он сказал, что дело срочное, не терпит отлагательств. И хотел, чтобы кольцо мне понравилось.

Август с трудом подавил закипающий гнев. Вокруг толпились старшеклассники, бежали к выходу, и их ухмылки и возгласы раздражили еще больше.

— Послушай меня, Эйприл. Я знаю Алекса дольше, чем ты, и он никогда не был человеком спонтанным. И причина, по которой он не выбрал кольца заранее, ясна, как божий день. Он не пережил бы, если бы выбрал не то. Лопнул бы от досады.

— Не желаю дальше разговаривать в таком тоне.

— Просто объясни, что я должен сказать Чарли.
 — Скажи ему... Ну просто скажи, что...
 Август понял: она едва сдерживает слезы.
 — Скажи, что я хочу сделать ему сюрприз. Завтра. И мне надо подготовиться. Так и скажи.

Август сердито сунул телефон в карман и вернулся в классную комнату. Учительница что-то рассказывала Чарли о разноцветной рыбке, плавающей в небольшом аквариуме у стены. Он подошел и вежливо перебил ее:

— Прошу прощения, я сегодня немного не в себе, миссис... э-э?

— Миссис Уолтерс. — Она указала на стол. Там стояла табличка с напечатанными на ней крупными буквами: «МИССИС УОЛТЕРС».

Август хлопнул себя по лбу.

— Я пойму, если вы никогда меня больше не пригласите, — смущенно пробормотал он. Потом покосился на Чарли — мальчик завороженно наблюдал за бурной аквариумной жизнью.

— Судя по рассказам Чарли, вы человек очень занятой, так что ничего удивительного. Я сама частенько забываю собственное имя. — Она протянула Чарли рюкзак и направилась к двери. — Вы уж извините, но мне надо готовиться к завтрашним занятиям.

— И конца этому не предвидится, — заметил Август и взял свой кейс.

— Да уж, — кивнула в ответ миссис Уолтерс.

Август с Чарли вышли из класса в коридор, где звенели голоса школьников, торопящихся домой.

— Ты так и не сказал мне, почему мама занята сегодня с доктором Пирсоном, — укоризненно заметил Чарли.

— Это сюрприз, — ответил Август. — Она все объясnit завтра.

— Сюрприз?

— На многое не рассчитывай, — сказал Август. — А теперь пошли. Пора выбираться отсюда.

Они двинулись по коридору к выходу, за которым на улице располагалась автостоянка, где Август оставил машину.

— Чарли...

— Что, пап?

Все же нехорошо поступает Эйприл, держа сына в неведении. Может, стоит сказать ему? Эйприл, конечно, никогда не простит, но какая разница? Просто прибавится еще одна провинность к миллиону других. Спина у верблюда все равно сломана, так что одной соломинкой больше, одной меньше...

— Что, пап?

— Да нет, ничего. Это я так.

Август толкнул входную дверь. И сразу увидел на стоянке свою машину. Рядом, привалившись спиной к капоту, стоял какой-то парень. Весь в черном, волосы цвета воронова крыла спадают на лоб косой челякой. Поверх сетчатой майки черное кожаное пальто с нашитыми на рукава непонятными иностранными символами, узкие кожаные штаны в обтяжку, заправленные в сапоги.

Сначала Август подумал, что это, должно быть, школьный учитель рисования. О нем рассказывали разные забавные истории. Но вот глаза их встретились, и Август тотчас понял: этот тип, наряженный готовм или панком, не имеет ни малейшего представления о рисовании.

— Пап! — дернул его за рукав Чарли. — Ты собирался мне что-то рассказать?

— Погоди, — ответил Август.

Он наблюдал за тем, как этот тип пересек парковочную стоянку. Панк не бежал, но шагал довольно энергично. Август завел Чарли обратно в здание школы, плотно притворил дверь, убедился, что теперь она надежно заперта.

— Что происходит?

Август обнял и крепко прижал к себе Чарли.

— Просто забыл тут кое-что.

— Что?

— Ключи.

— Я видел у тебя в руках.

— Да не те. Мне нужны другие.

И тут входная дверь сотряслась от ударов. В коридоре — ни души. Одна надежда, что миссис Уолтерс еще не ушла, так что через нее можно вызвать службу безопасности. Может, у него развилась паранойя, но всего лишь год назад он заплатил слишком высокую цену за беспечность. Нельзя допустить, чтобы нечто подобное повторилось.

Август отворил дверь классной комнаты и впустил сына. Сам скользнул следом. Миссис Уолтерс была на месте. Август притворил за собой дверь.

— Что случилось? — спросила учительница.

— Хочу, чтобы вы вызвали охрану. Там на автостоянке у школы болтается какой-то подозрительный тип.

— На стоянке для преподавателей?

— Думаю, да.

— Мистер Адамс, только учителям разрешается ставить там свои...

Тут Август резко перебил ее:

— Я опаздываю! Нет времени спорить по пустякам! Этот парень... У меня возникло четкое ощущение

ние, что он опасен. Не могли бы вы вызвать охрану? Будьте любезны!

Миссис Уолтерс достала мобильный телефон.

— Они непременно начнут задавать вопросы, учите это, мистер Адамс. О том, почему вы оставили свою машину на стоянке для учителей.

Но он не слушал ее. Поставил кейс на парту Чарли, щелкнул замками, открыл. И уставился на книгу внутри.

— Не может быть...

— Что не может быть? — спросил Чарли.

Август выхватил из кармана мобильник, набрал длинный номер. Ему ответил женский голос.

— Добрый день. Я разыскиваю доктора Кливленда Адамса. Нельзя ли позвать его к телефону?

— Извините, — ответила женщина, — но он уже ушел. Совершенно неожиданно. Хотите что-то передать?

— Нет, ничего.

— А ваше имя...

Август отключился. Вопрос вроде бы звучал невинно, но было в ее голосе нечто настораживающее. Он смотрел на кнопки мобильника, затем набрал еще один номер, который помнил, хотя и никогда не звонил по нему. Послышался гудок. А затем — голос. Голос его отца. Он ожидал, что это станет шоком — снова услышать этот голос. Однако ничего подобного. Даже хуже. Он прозвучал так утешительно, почти нежно, словно из далекого детства.

— Отец? Это я.

— Август?..

Он напряг слух, стараясь различить признаки старения. Но нет, голос звучал молодо и бодро, именно таким запомнил его Август. Возможно, память

подвела, а может, отец всегда так говорил и менять манеру не собирался.

— Да. Это я.

— Ага! Так ты, должно быть, получил мой подарок.

Август бережно провел кончиками пальцев по обложке книги.

— Скажи, пожалуйста, что именно ты мне послал?

— Неужели сам не видишь? Твою любимую книжку! По крайней мере раньше она была любимой.

Тут вмешалась миссис Уолтерс:

— Мистер Адамс, охраник пошел проверить, что там творится на стоянке для преподавателей. Ну а затем, когда закончит проверку, хотел бы переговорить с вами на тему того, каким образом ваша машина оказалась именно там.

Но Август не слушал ее. Отец — вот что представляло в данный момент проблему.

— Ведь это копия «Евангелия от Генриха Льва», верно?

Отец не ответил.

— Пап?..

— Давай не будем говорить об этом по телефону.

— Да нет, придется, потому как на улице меня дожидается посыльный госпожи по имени Смерть. И мне хотелось бы знать почему...

— Давай встретимся на Таймс-Сквер через час, и я все тебе объясню.

— Таймс-Сквер? — удивленно воскликнул Август. И тут же попытался взять себя в руки. — Так ты что же, в Нью-Йорке?

— Да, только что прибыл.

— У тебя неприятности?

Голос отца сразу помрачнел:

— Сын, ты единственный, кому я могу доверять. Береги эту книгу, чего бы тебе это ни стоило! Все расскажу, когда увидимся. Ровно через час, не забудь! И убедись, что за тобой нет хвоста.

И, точно призрак, вторгшийся в память и сознание Августа, отец умолк, исчез, растворился.

Глава третья

Лукас Дейрол грохнул кулаком по школьной двери, отчего стальная рама сотряслась, заходила ходуном. Потом закрыл глаза и постарался дышать медленно и ровно. «Осторожней, — сказал он себе. — Нельзя терять контроль. Сосредоточься на решении, а не на проблеме». Даже самым близким своим друзьям он ни за что не признался бы, что занимается аутотренингом, как какой-нибудь слабак. Но ведь помогало, уроки, полученные от советника в высшей школе, не прошли даром.

Некоторые из них. А остальное — муть собачья.

Он направлялся к машине Августа, когда услышал, что сзади распахнулась дверь. Обернулся и тут же пригнулся, спрятавшись за капотом. Какая-то учительница торопливо шла к своей машине. Ее смешная подпрыгивающая походка напомнила лесного фавна или африканскую газель — возможно, роль в этом воспоминании сыграли дурацкие истории и сказки из жизни природы, которыми мать потчевала его в детстве.

Училка была совсем молоденькая; может, всего на год или два старше его. Горячая штучка! Почему у него не было в школе таких учительниц? И он начал медленно и бесшумно подбираться к ней, как какая-нибудь хищная кошка из джунглей.

Девушка заметила его, рука инстинктивно нырнула в сумочку. А глаза измеряли расстояние от машины до входа в здание школы. Наверное, прикидывает, как быстрее смотраться отсюда.

— Я ничего вам не сделаю, — сказал Лукас. Почему она вынесла в его адрес столь скоропалительное суждение? Может, он вообще не собирался трогать ее? Откуда ей знать?

Она вскинула руку, другой же продолжала рыться в сумочке.

— Не подходите, — сказала она. — Если вам нужны деньги...

— Деньги мне не нужны, — сказал Лукас. Вскинул обе руки вверх, но продолжал шагать прямо к ней. — Просто мне нужно попасть в школу.

— Это еще зачем?

— Забыл там кое-что.

— Вы родственник нашего ученика?

Этот вариант ему и в голову не приходил.

— Ага, — ответил он. — Тут у меня мальчик, в начальном классе.

— Как его звать?

— Лукас.

Имя сорвалось с языка, точно гигантский булыжник, привязанный к ноге, который потянул его на дно океана. Имя означало смерть. Ужасная ошибка, но слово не воробей, вылетело — не поймаешь. Если он оставит ее в живых, она наверняка запомнит это имя. Ну а потом они неизбежно узнают, что никакого мальчика у него в школе нет, сопоставят факты и придут к неизбежному выводу, что это его имя. Его судьба, а стало быть, и ее — предопределена.

— Лукас? — переспросила она, точно пытаясь вспомнить, есть ли такой ученик в списке. — И кто же его...

Тут он и набросился на нее. Со стремительностью, которая удивила обоих. Лукас всегда подозревал, что обладает поразительными физическими возможностями, которые до сих пор не удавалось продемонстрировать. И которые вдруг проявлялись в критические моменты, как у Нео в «Матрице» или у Бастера Кейси в фильме «Кутеж».

Она вскрикнула.

— Прекрати, — сказал он, чувствуя всю громкость и пронзительность ее голоса, когда закрыл девушки пальцами рот, точно заклеил куском скотча. А потом опустил ее голову на асфальт, наблюдая за тем, как на глаза у нее наворачиваются слезы, которые вскоре стали стекать по обе стороны лица, смешиваясь с растаявшей тушью, оставляющей грязные полоски на покрытых румянами щеках. — А ты старше, чем я думал, — заметил он. И вся привлекательность девушки для него исчезла. Да ей тридцать, это как минимум.

Он сунул свободную руку в карман пальто в поисках подходящего ножа для работы. Сегодня при нем было тринадцать, отобранных с особым тщанием из целой коллекции. Коллекция, надо сказать, собралась просто потрясающая, не зря он посещал специальные распродажи, аукционы и лавки. Уже не говоря о том, что ему удалось присвоить с дюжину музейных экспонатов.

То, что это преступление, кража, ничуть его не волновало. Ведь ножи созданы с вполне определенной целью — для защиты и разрушения, — а вовсе не для того, чтобы пылиться на стеллажах. Лукас просто

спасал ножи от бессмысленного и жалкого существования. Он даже прикидывал, какой из этих ножей найдет себе применение первым.

Номер один — нож немецкого спецназа фирмы «Гербер» модель 11.

Номер два — кинжал девятнадцатого века фирмы «Уилл и Финк».

Номер три — модель, применявшаяся спецназом стран Восточного блока.

Номер четыре — «Эмерсон СQC-7В», складной нож с рукояткой «G-10».

Номер пять — итальянский стилет семнадцатого века.

Номер шесть — выкидной нож производства фирмы «Микротек» марка «Немезида».

Номер семь — складной охотничий нож марки «Серенгети».

Номер восемь — немецкий армейский метательный нож времен Первой мировой.

Номер девять — немецкий кинжал семнадцатого века с тремя лезвиями.

Номер десять — американский морской кортик девятнадцатого века.

Номер одиннадцать — канадский метательный нож фирмы «Моэллер».

Номер двенадцать — «Эмерсон-CQC», томагавк марки «Хоук».

Номер тринадцать — армейский нож фирмы «Бокер» серии «Специалист» на магнитах.

— Номер пять, — произнес он вслух, точно эта информация могла заинтересовать схваченную им девушку. Интересно, как же ее звать, подумал он. Жаль, что нельзя спросить. Расспрашивать жертву

об имени — это только повергнет ее в смятение, а может, позволит вырваться, ускользнуть.

И вот он вытащил итальянский стилет из тонких и плоских нитяных ножен, которые связал сам и прикрепил с внутренней стороны куртки. До чего же изящное, даже сексуальное лезвие, словно специально предназначено для того, чтобы убивать женщину. Он представил себе Джультетту, как она вонзает себе в грудь именно такой стилет. Нет, он как-то слишком романтично настроен, надо прогнать эти мысли.

И тут вдруг за спиной раздался голос. Он повернулся голову, но ничего не увидел, мешала густая, падающая на глаза челка. Еще один довод в пользу того, что надо бы сменить прическу — носить, например, ирокез.

— Что здесь происходит?

Лукас убрал стилет обратно под пальто и нашупал вместо него нож под номером три. Потом поднялся на ноги, и училка тотчас вырвалась. Только тут он разглядел помешавшего ему человека. Охранник, седеющие виски, круглый животик над ремнем — пожалуй, староват для работы, пусть даже обычно никаких происшествий на ней не случается. Охранник потянулся к переговорному устройству, висевшему на ремне.

— Не надо, — сказал Лукас и вытащил нож.

Если охранник и испугался, то вида не показал.

— Брось на землю, — приказал он.

Вместо ответа Лукас надавил на кнопку, что находилась сбоку на рукоятке. Лезвие, вылетев, с противным чмоканием вонзилось прямо в грудь охранника. Мужчина явно этого не ожидал: откуда ему было знать, что у странноватого на вид парня имеется при себе холодное оружие, созданное в Советском Союзе в

80-е и предназначено для специального подразделения КГБ. До этого момента Лукас успел апробировать его только на магазинных манекенах. И ничуть не удивился, что применение к реальному противнику произведет куда больший эффект.

Охранник рухнул на асфальт, в уголках рта выступила пена. Лукас наклонился над ним, осторожно опустил его на спину, чтобы было удобнее вырвать нож из сотрясаемого судорогами тела. Подумал: «Может, стоит применить другой нож и перерезать горло?» Но едва эта мысль посетила его, как охранник приказал долго жить.

Лукас аккуратно стер кровь с лезвия, особое внимание уделил при этом секции в середине, где были выгравированы четыре буквы: «SSGG».

В «Черных Фемах» пообещали, что когда он вернется с «Евангелием от Генриха Льва», ему тут же объяснят значение этих инициалов. «На каждом ноже должны быть эти буквы, SSGG», — сказали ему. Он спорить не стал. Он бы и так убил, с буквами или без.

И вот, следуя полученным инструкциям, он подложил нож под неподвижное тело охранника. Если бы тот лежал на земле и асфальта не было, он бы воткнул нож, а затем поместил бы тело на торчащую рукоятку. Но с асфальтом и так сойдет. Правилами Священного Суда это разрешается.

Глава четвертая

Ему до сих пор не верилось, что удалось найти их, членов тайного общества «Черные Фемы». Нет, если уж быть честным до конца, это они его нашли. За всю свою историю, насчитывающую двенадцать столетий, ни один из членов никогда не раскрывал

главной тайны своей жизни — принадлежности к братству. И рассказать об их подвигах мог только бесконечный список жертв.

Лукасу всегда хотелось быть членом какого-нибудь тайного общества. Но по каким-то ведомым лишь только им причинам они не раскрывали своего местонахождения. И вот однажды другу по переписке в Интернете — МАРОДЕР1492 — пришла светлая мысль.

Когда-нибудь пытался стать членом средневекового боевого общества Билегарт?

СРЕДНЕ13ВЕК: Чего?

МАРОДЕР1492: Средневекового боевого общества Билегарт. Ты никогда о них не слышал????!!!

СРЕДНЕ13ВЕК: Кончай вопить. Нет, никогда о них не слышал.

МАРОДЕР1492: Правда, что ли?

СРЕДНЕ13ВЕК: Кто они такие???

МАРОДЕР1492: Когда-нибудь ходил на игры Нью-Йоркских драконов?

СРЕДНЕ13ВЕК: Ненавижу футбол. Особенно на большой арене. Отстой!

МАРОДЕР 1492: Я тоже. Но в перерывае между таймами выступает боевое общество.

СРЕДНЕ13ВЕК:???

МАРОДЕР1492: Оружие, конечно, не настоящее, но все очень круто. Все эти парни в стальных доспехах в сеточку. И так мутузят друг друга, мало не покажется.

СРЕДНЕ13ВЕК: Правда, что ли? Круто!

МАРОДЕР1492: Точно тебе говорю. Просто не верится, что раньше не знал.

СРЕДНЕ13ВЕК: Наверное, потому, что это во время долбаного футбола. Так ты говоришь, они здорово лупятся?

МАРОДЕР1492: Все из-за поля. Футбольное, сам понимаешь, есть где развернуться.

СРЕДНЕ13ВЕК: Да. Понял. А можно попасть на их сайт?

МАРОДЕР1492: Думаю, да. Смешно! У средневекового общества есть свой сайт!

СРЕДНЕ13ВЕК: Не говори!.. Ладно, мерси. Я должен все проверить.

Лукас не просто проверил. Он стал лидером местного подразделения — «Вельфлендеров». Для этого пришлось немало потрудиться: поначалу был пеоном, затем — пешкой, поднялся до звания рыцаря и, наконец, стал военным предводителем. Настоящим экспертом в кузнечном деле. Научился конструировать и создавать различные виды боевого оружия и снаряжения. Луки, стрелы, кинжалы, перчатки, метательные копья, цепы с тяжелыми шарами на концах, головки эфеса шпаги, щиты — все это требовало самой кропотливой работы, о чём и не подозревали любители поглазеть на сражение «под старину».

Но дело того стоило, потому что именно благодаря ему он и вышел на «Черные Фемы». Лукас живо помнил первую их встречу.

Этот вечер ничем не отличался от остальных. Команда с нетерпением ожидала конца первого тайма, оглашая воздух грозными криками и снедаемая жаждой взять реванш. В прошлой игре противнику удалось попить их кровушки, они даже отsekли ножом кончик метательного копья, что приравнивалось к позорному поражению. И вот они вышли на поле, приветствуя взмахами рук ревущую толпу. То была

часть игры: зрители бойцов ненавидели, поскольку по большей части являлись представителями среднего класса, а их держали за диких плебеев и придурков.

— Валите домой, уроды! — услышал он крик человека, одетого в спортивную форму нью-йоркских «Драконов». Лукас так и вскипал, ему понадобилось все самообладание, чтобы не прибить этого гада на месте двумя топориками.

Из громкоговорителей над головами раздалась ка-кофония звуков — это запели тысячи рожков, — и битва началась.

— Порвем их, «Вельфлендеры»! — завопил Лукас и бросился вперед.

Он моментально сокрушил первых двух попавшихся под руку противников ударами справа и слева. А потом растопырил руки и начал бешено вращать ими, воображая себя не воином, но некой грозной средневековой машиной уничтожения, пробивающей дорогу, усыпанную мертвыми телами, к предводителю армии противника. Он еще издали разглядел его, этого гиганта в доспехах из черной кожаной чешуи и огромном шлеме в виде бычьей головы, увенчанной сразу тремя рогами.

Лукас выбранил себя за то, что не удосужился придумать такой головной убор первым: три рога — это круто, причем кончик каждого из них покрыт блестящей красной краской, имитирующей кровь, что, конечно, лучше видно зрителям самых дешевых мест в первых рядах. И вот он взревел так громко, что, казалось, голосовые связки вот-вот разорвутся, и рванулся вперед, навстречу жаждущему его крови сопернику.

— Остынь, клоун! — приблизившись, услышал он голос главаря противника.

Остынь? До Лукаса не дошло значение этих слов. Пальцы рук в перчатках впились в рукоятки боевых топориков, он занес их для нанесения смертельного удара. А потом вдруг... упал. Он так сконцентрировался на «Бычье голове», что не заметил, как его со всех сторон обступил целый легион врагов, они-то и повалили его на землю. Просто снесли с ног, навалились всей кучей сверху, издавая дикие крики. Лукас и сам хотел вскрикнуть, но не мог — легкие сдавливали нешуточный вес копошащихся тел.

И тут послышался вой сирены, и воины разбежались в разные стороны. Но Лукас никак не мог найти в себе силы встать. Подбежали санитары, положили его на носилки и понесли, и этот его уход сопровождался свистом и смешками зрителей.

— Послушай, малыш, ты действительно так подвинут на этой игре или просто идиот? — спросил, осматривая его в медпункте стадиона, врач «Скорой». — Ты знаешь, что у тебя сломаны как минимум два ребра? Уверен, что дело того стоит?

Лукас улыбнулся, облизнул языком окровавленные передние зубы.

— Администрация стадиона не покрывает расходов на ваше лечение, — напомнил ему врач. — Помнишь условия договора? Ну, бумагу, которую подписывал перед началом?

— Да ладно, хрен с ним. Предки у меня при деньгах.

— Кто бы мог подумать? — удрученно покачал головой врач. Затем наложил на торс плотную повязку и отпустил.

Лукас вышел из медпункта в длинный, ярко освещенный флуоресцентными лампами коридор. Он был пуст, откуда-то издалека доносился возбужденный рев. Парень слышал отдельные возгласы и привет-

ствия, проявления эмоций, наполненных чувством восторга и удивления. Почему эти странные люди всегда так радостно встречают «Драконов», а не их команду, «Вельфлендеров»? Почему готовы зацеловать, задушить в объятиях этих придурков «Драконов», а не «Вельфлендеров»? Ведь обе команды носят специальные формы. Обе играют с соблюдением определенных правил. Обе проигрывают и выигрывают. Чисто теоретически — разницы почти никакой. Кроме того факта, что арена стадиона предназначена для полных придурков.

— А я тебя видел в деле.

Лукас растерянно заморгал. Прямо перед ним стоял мужчина. Как это он не заметил его всего секунду назад?

— Знаешь, ты почти достал его. Это я о предводителе команды «Королевство Арнора».

Лукас снова растерянно заморгал. На мужчине был костюм. Дорогой костюм. Он сразу понял, что дорогой, потому что примерно в таком же отец ходил каждый день на работу. В нем же выходил, когда потерял работу, а потом в этом самом костюме его нашли мертвым в «БМВ».

Мужчина подошел, протянул руку.

— Кристофер Валодрин, — представился он.

Лукас тоже протянул было руку, но тут же спохватился — ожгла боль в боку.

— Извините, — простонал он.

Похоже, мужчина остался недоволен. И описал рукой в воздухе странное круговое движение. А потом ладонь вновь повисла прямо перед собеседником.

Почувствовав, что напряжение нарастает, Лукас стиснул зубы и, превозмогая боль, все же умудрился пожать протянутую руку. Тот ответил таким крепким

рукопожатием, что в глазах потемнело, и он едва не потерял сознание.

— Тебе больно?

Лукас смотрел в небесно-голубые глаза — два бездонных озера на испещренной морщинками рельефной карте лица — и гадал, что за бессердечная рептилия встретилась ему на пути.

— Сам, что ли, не видишь? — пробормотал он, преодолевая страх перед этим ледяным взглядом. — Меня там чуть насмерть не прибили.

Мужчина порылся в левом кармане пиджака и извлек три круглые белые таблетки.

— Вот, это поможет, — сказал он, встряхивая их в костицом кулаке, отчего они тихонько забренчали, как игральные кости, которые собираются выбросить на стол.

Лукас взял таблетки, закинул в рот. В глотке страшно пересохло, проглотить он их не смог. И тогда он стал пережевывать, для чего понадобилась вся оставшаяся влага. На языке образовался густой налет.

— Спасибо, — давясь, пробормотал он.

— У меня в VIP-ложе есть еще, — сказал Валодрин. — Так что приглашаю.

Место в VIP-ложе означало, что у этого парня, возможно, имеется там и какая-то еда, а Лукас после битвы просто с голода умирал.

— Ага, спасибо, — сказал он и проследовал за мужчиной к лифту, который приводился в действие специальной карточкой-ключом. — А я все думал, откуда это вы появились? — заметил он, когда стальные металлические дверцы бесшумно сомкнулись.

Валодрин улыбнулся:

— Тут имеется целый ряд проходов и лифтов, к которым только у меня доступ.

— Только у вас? Ничего себе! Тогда, должно быть, вы приобрели премиальный пакет услуг.

Валодрин надавил на кнопку, помеченную красной звездочкой, затем прислонил к глазку считывающего устройства свою волшебную карточку.

— Есть уровни, Лукас, значительно превосходящие всякие там пакеты услуг.

Лукас смотрел на свое отражение в отполированной панели дверцы лифта.

— А я так вам и не представился, — прошептал он. И почему-то почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Еще одно преимущество жизни на уровне, превышающем премиальный пакет услуг, — насмешливо заметил собеседник. — Можно выяснить все о ком угодно. Последние несколько месяцев мои люди наблюдают за тобой. Ну и у меня возникло к тебе одно предложение, которое стоит обсудить.

Лифт остановился, Лукас последовал за новым знакомцем, однако придержал ступней край двери, чтобы не закрылась. Предложение? Он наслышался немало историй о богатых пожилых мужчинах, испытывающих особое пристрастие к сексуальным забавам с юношами.

— Послушай, ты, клоун. Я не из тех, ну, ты меня понял... Нет, ты, конечно, парень крутой и все такое, и я очень благодарен тебе за таблетки, которые, кстати, оказались просто супер, но...

Валодрин щелкнул пальцами — тут же, словно из-под земли, возникли два телохранителя.

— Джентльмены, — сказал им хозяин, — вы не покажете парню вид?

Телохранители подхватили Лукаса под руки и потащили по коридору, устланному красной ковровой

дорожкой, к высоким стеклянным дверям. Лукас беспомощно дергался, пытаясь освободиться, но от таблеток мышцы стали вялыми, утратили силу.

— Да отпустите же меня! — взмолился он.

Телохранители, у которых, очевидно, были проблемы со слухом, распахнули двери и вытолкали Лукаса наружу. И его так и обдало волной криков и возгласов толпы, которые доносились откуда-то снизу, из-под роскошно обставленной ложи, в которой он оказался.

— Нет, нет, только не это! — завопил Лукас, поняв, зачем его сюда привели.

— Надеюсь, прогулка тебе понравится, — заметил один из телохранителей. Затем схватил Лукаса за ноги, перекинул через перила и так держал.

Кровь прихлынула к лицу, Лукасу показалось, что кто-то сунул шланг ему в рот и включил воду на полную катушку. Израненное тело откликнулось болью, которая перешла из разряда невыносимой в немыслимую, невероятную. Он старался не смотреть вниз, но вдруг обнаружил, что ему просто недостает воли закрыть глаза. А толпа его не замечала, а если даже кто и заметил, счел бы это за рискованную шутку, а не проявление насилия. Мальчик указывал наверх отцу, а тот лишь отмахнулся, должно быть, объяснил, что беспокоиться не о чем. Просто какой-то придурок хочет развлечь публику.

Тут у самого уха замурлыкал бархатный голос Валодрина:

— Как видишь, отсюда открывается лучший вид на стадион.

— Пожалуйста... — хрипло взмолился Лукас. — Сделаю все, что только не попросите.

Валодрин расхохотался.

— Я уже заставил тебя сделать то, что хотел. Вот только ты неправильно понял. Это была всего лишь проверка, испытание. И пока что... ты провалил экзамен.

— Не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, — заметил Валодрин тоном, каким говорят с трехлетним ребенком, пытаясь научить его работе с калькулятором.

И тут Лукас почувствовал, как тело его втягивают обратно в ложу. И вот он оказался на мягкому плюшевом ковре. Но вместо облегчения испытал при этом почему-то жуткий страх. Телохранители исчезли, вместо них в ложе возник еще какой-то человек, стоял в тени под навесом, и лица его невозможно было разглядеть.

— Это твой шанс, — произнес незнакомец. — Я поставил на игру все, а ты облажался.

Голос... Где он слышал этот голос?..

— Гаррет? Что... как ты?..

— Ты ведь СРЕДНЕ13ВЕК, верно?

Лукасу на миг показалось, что беседа происходит в каком-то безвоздушном пространстве, где есть наблюдатель, некое третье лицо, тень человека, шпион, следящий за всем в бинокль.

— Так ты... ты?..

— МАРОДЕР1492.

Лукас ушам своим не верил.

— Добро пожаловать, брат.

Остальная часть вечера носила столь же сюрреалистический характер. Валодрин объяснил задачи и цели «Черных Фем», необходимость существования этого тайного общества. А потом спросил, не желает ли Лукас присоединиться к ним.

— Но зачем я вам? — удивленно спросил тот. Этот вопрос он задавал потом еще много раз.

И ответ был всегда один и тот же:

— Затем, что ты способен на такое, на что не способны другие.

И вот теперь, стоя рядом с бездыханным телом охранника на парковке перед зданием школы, Лукас вдруг понял, что это означает. Дверь в здание отворилась. Лукас не стал ждать и смотреть, кто оттуда выходит, бросился через стоянку в узкий проулок за школой. Там остановился и увидел, как Август с сыном и кейсом садятся в машину. Цель все еще достижима. Он усмехнулся, увидев, как у соседнего крыла здания притормозил серебристый «Мерседес-Бенц». С откинутой крышей, которая была открыта. За рулем мужчина.

— Самое время порезвиться на солнышке, — пробормотал Лукас, достал нож под номером четыре и бросился к следующей жертве.

Глава пятая

Эйприл Адамс открыла сумочку и достала небольшой блокнот в красной обложке, озаглавленный достаточно незамысловато — «Списки». И стала перелистывать страницы, глядя на заголовки в начале каждой: «Худшие на свете фильмы», «Лучшая в мире еда», «Самые смешные вещи, которые говорил Чарли». Ну и так далее, пока не добралась до раздела с весьма сомнительным заголовком — «Худшие в жизни дни». Она уже пожалела, что вообще начала когда-то составлять этот список, но затем решила, что вести этот своеобразный дневник надо с точностью и неукоснительностью, правильно расставляя акценты.

Верхние три строчки относились к событиям го-
дичной давности, и Эйприл с содроганием в душе
прочла эти заметки из бурной своей биографии.

*1. День, когда мама, Август и Чарли едва не по-
гибли.*

2. День, когда Август подписал бумаги о разводе.

*3. День, когда меня уволили из Библиотеки Кон-
гресса.*

Читать дальше не стала, хотя периферическим
зрением все же уловила цифру тринадцать. Под этим
номером значился весьма неприятный эпизод из ее
жизни — испорченный коктейль из креветок, кото-
рый она как-то имела несчастье съесть. Даже вспо-
минать не хотелось.

Она постучала по страничке авторучкой, словно
гадая, могла ли сегодняшняя катастрофа стать след-
ствием подобного перечисления. Август обвинил ее
в том, что она препятствует его встречам с Чарли.
Почему она позволила бывшему мужу вселить в себя
чувство вины — это было выше ее понимания. Ведь, в
конце концов, он больше не является частью ее жиз-
ни. Он просто отец Чарли, больше никто. По крайней
мере именно это постоянно твердила бабушка Роуз.
И Эйприл склонна верить ей.

Она щелкнула ручкой, убрала наконечник — пере-
думала делать еще одну запись. Может, она поступает
необдуманно? Ведь как раз сегодня они собирались
ехать выбирать кольцо. Это развеселит, и ей сразу
же полегчает, верно? И непременно, обязательно все
изменится самым волшебным образом, и этот день
войдет в список под названием «Лучшие дни моей
жизни». Список, который еще только предстоит на-
чать.

— Все же я ужасная пессимистка, — произнесла она вслух.

— Что-то не так?

Эйприл обернулась и увидела Алекса Пирсона, который отныне являлся ее — секунду она подыскивала нужное слово — женихом. Обстоятельства, при которых они сошлись, до сих пор удивляли Эйприл. Примерно год тому назад Алекс получил пулевое ранение, опасное для жизни. Нет, он не погиб, но превратился в калеку, прикованного к инвалидной коляске. Его жена, дама из высшего общества, весьма удрученная состоянием мужа, забрала троих детей и оставила его навсегда. Месяцами он сражался с ней в судах. Но все попытки вернуть детей закончились полным поражением. Ну и, естественно, Алекс впал в глубокую депрессию и обратился к Эйприл за поддержкой. И вскоре они уже не мыслили жизни друг без друга.

— А я не слышала, как ты вошел, — сказала Эйприл и направилась к нему.

Алекс похлопал по мягким резиновым шинам инвалидной коляски.

— В библиотеке Моргана настояли, чтобы я приобрел самое бесшумное средство передвижения, которое только можно купить за деньги. Но специально для тебя буду привешивать к нему колокольчик или велосипедный звонок, чтобы не заставать врасплох.

Он притянул ее к себе, усадил на колени. Эйприл рассмеялась.

— Может, и стоит.

Она тут же расслабилась в его объятиях, прижалась к мускулистому торсу. Ласково взъерошила волосы цвета перца с солью, нежно коснулась коротко подстриженной бородки, служившей таким прекрас-

ным обрамлением для широкой улыбки. И сидела молча несколько минут, а потом наконец пропшептала нерешительно:

— Обещай, что нам обоим будет легче.

— Обещаю, что будет легче.

— Нет, Алекс, я серьезно. — Она поднялась, разгладила складки на серой юбке. Потом заложила пряди каштановых волос за уши. — Ты же знаешь, я хочу этого больше всего на свете. Но не могу не задать самой себе одного вопроса. Почему я до сих пор ничего не сказала Чарли?

Кресло снова почти бесшумно откатилось в сторону по толстому рубиново-красному ковру Восточного Зала. Большую его площадь зрительно уменьшали застекленные книжные полки высотой этажа в три, не меньше, оставляя между собой лишь узкие проходы. Алекс притормозил возле огромного камина, что располагался против входа.

— Ты говорила, что скажешь ему в свое время, когда сочтешь момент подходящим, — заметил он. — Или я не прав?

— Почему же, прав, конечно, — ответила она. — Но потом я задумалась: а что значит «подходящее» время? И только теперь поняла: это означало подходящее время для меня, не для него.

Алекс сунул руку в камин — он уже давным-давно не использовался по прямому назначению, — достал оттуда кейс, поместил на подлокотник кресла. Потом открыл его и извлек маленькую книгу, бережно опустил ее на колени. Кейс же убрал обратно в камин, так, чтобы его не было видно. И, широко улыбаясь, протянул томик Эйприл.

— Что это? — спросила она, принимая хрупкую вещицу из его рук.

— То, что докажет тебе: никакой ошибки ты не делаешь.

Она открыла обложку и увидела надпись, сделанную внутри рукой Алекса.

— Ты в ней писал?!

— Для тебя, похоже, это потрясение.

— Да, потрясение, — ответила Эйприл. — Не могу поверить, что ты решился обесценить такую книгу!

— Обесценить? — откликнулся он. — Ты говоришь в точности как твой бывший муж.

Эйприл покраснела. Он прав.

— Алекс... извини... я вовсе не...

— Не стоит извинений, — перебил он. — Лучше прочти, что там написано.

Она посмотрела в книгу.

— Я должна прочесть это вслух?

— Ну, это уж как хочешь, — ответил Алекс. Но по глазам она поняла: он ждет этих слов.

Женщина откашлялась.

— Эйприл, — прочитала она и обменялась улыбкой с Алексом, который, шевеля губами, уже проговаривал про себя следующие слова посвящения. — Небольшой талисман в знак моей любви, в самом начале нашей совместной жизни.

«Убить пересмешника». Это была любимая ее книга. Она перевернула титульный лист и увидела, что это не только первое издание. Книга была подпísана автором.

— Ты говорила о ней в тот самый первый день, когда появилась на работе, — сказал Алекс. — Теперь она твоя.

— Должно быть, стоит целое состояние, — пробормотала Эйприл. До сих пор не верилось, что столь ценная книга теперь принадлежит ей.

— И ты будешь стоить мне целое состояние, — с улыбкой заметил Алекс. — Идем. Пришло время выбрать и купить кольцо!

Она взяла его за руку. И в тот миг, когда пальцы их встретились, лампочки замигали, а затем помещение погрузилось во тьму. Обычно не слишком суеверная Эйприл не удержалась от мысли: их физическое единение, очевидно, неугодно неким высшим силам. Дурное предзнаменование.

— Что случилось?

Где-то над головой завыла сирена.

— Наверное, какой-то сбой в подаче электроэнергии, — спокойно заметил Алекс, сжимая ее руку. — Или же они испытывают систему сигнализации. Делают это время от времени. Так что не волнуйся.

Вой сирены резко оборвался.

— Видишь? Все нормально.

Но через несколько секунд из-за двери послышался отчаянный вскрик. А потом грохот — судя по всему, выстрелы.

— Ну а теперь волноваться можно? — тихо, с бешено бьющимся сердцем спросила Эйприл.

— Нам надо поторопиться, — сказал Алекс. — Если они идут сюда, времени у нас в обрез.

Эйприл знала единственное место, где можно было спрятаться. Подбежала к книжному шкафу у двери, ухватилась за медную ручку, прикрепленную к деревянной раме. Потянула на себя, и весь шкаф развернулся и вышел из стены, открыв нишу с винтовой лестницей — то был единственный путь, через который можно было попасть на другие этажи, минуя главный вход. Шины инвалидной коляски запуршили — Алексу с трудом удалось протиснуться в кресле в этот узкий проем между шкафом и внутренней

стеной. Эйприл пропустила его, вошла в укрытие, затем нажала потайную кнопку, и дверь за ними затворилась, вернув шкаф в прежнее положение.

Но вот несколько секунд спустя в двери возникла щелочка. Соскучившись, Эйприл разглядела мужскую фигуру, человек размеженным шагом подходил к потайному шкафу. Гибкая его фигура освещалась лишь слабым светом, падающим через застекленную крышу зала. Эйприл испуганно закрыла ладонкой рот, разглядев в его руке пистолет.

Он тихо затворил за собой дверь.

— Полагаю, вы все еще здесь, — произнес он. — Потому как мест, где может спрятаться инвалид в коляске, тут немного.

Эйприл почувствовала, как Алекс дергает ее за рукав. Он указывал на винтовую лестницу. Она лишь покачала головой, когда он подтолкнул ее к нижней ступеньке. Потом прикусила губу и поднялась выше.

Алекс развернул инвалидное кресло и открыл вход в потайное укрытие.

— Для такого, как я, во всем городе потайных мест немного, — спокойно заметил он и покинул укрытие.

Эйприл похолодела. Застыла в нерешительности, не зная, что ей делать — последовать за Алексом или остаться. Проявит она тем самым храбрость или же то будет просто глупость — она никак не могла решить.

— Ну а где же ваша восхитительная маленькая компаньонка? — осведомился пришелец. — Невеста, как мне говорили?..

— Ты обещал оставить ее в покое, — сказал Алекс.

— Да, обещал, — ответил мужчина. — И непременно оставлю. Но с Августом возникли кое-какие осложнения, и мне надо задать ей несколько вопросов.

Эйприл была неприятно поражена. Выходит, незнакомец с пистолетом и Алекс знакомы? И они говорили об... Августе? Но почему?.. Она сделала глубокий вдох и спустилась на несколько ступеней. А затем решительно вышла из укрытия и остановилась за креслом-каталкой Алекса, как за щитом.

— Позволь, я сам этим займусь, Эйприл, — сказал Алекс.

— Что происходит? — воскликнула она.

— Думаю, я смогу ответить на этот вопрос, — сказал незнакомец.

Эйприл пыталась хорошенъко рассмотреть его, но видела лишь угловатый череп с туго натянутой пепельно-серой кожей.

— Позвольте представиться, — сказал мужчина. — Имя мое Кристофер Валодрин.

Эйприл пыталась вспомнить, где слышала это имя. И слышала ли вообще. Перебрала все полочки, закоулки и кладовые памяти, но это ни к чему не привело. Имя ей ничего не говорило.

— Ну, ничего не напоминает? — с легкой насмешкой спросил он ее. — Правильно. И не должно. Каждый год уходит небольшое состояние на то, чтобы прокормить свору ищеек — они вынюхивают и выведывают малейшее упоминание обо мне и тотчас уничтожают. А вот кто вы такая — знаю. Знаю, что прежде работали в Библиотеке Конгресса. До тех пор, пока вас не уволили за кражу редкой Библии Гуттенберга. Знаю также, что вам удалось избежать тюрьмы благодаря какой-то мохнатой лапе из ФБР. Знаю, что у вас есть сын по имени Чарли и что он очень сообразительный и начитанный мальчик. Но вы все равно беспокоитесь — из-за того, что у него мало друзей в школе. Знаю, что прежде вы были за-

мужем за Августом Адамсом, охотником за редкими книгами, которого настолько поглотило это занятие, что он и думать перестал о семье. Известно также, что вы недавно обручились, хотя лично мне непонятно, зачем тратить время на мужчину, который не в состоянии даже потанцевать с вами в Центральном парке. Я вообще много чего знаю, Эйприл. Одного только не могу понять — где и как ваш бывший муж взял принадлежащую мне книгу?

— Какую книгу?

— «Евангелие от Генриха Льва», — присоединился к разговору Алекс. — По чистой случайности Август завладел этой книгой.

— Чисто случайно? — удивленно спросила женщина. Сама мысль о том, что Август случайно наткнулся на столь ценную книгу, казалась невероятной.

— Ну, это фигулярно выражаясь, — заметил Валодрин. — Какое-то время доктор Кливленд Адамс был моим помощником. Украл у меня эту книгу и переслал ее Августу, чтобы во время бегства в Германию ее у него не обнаружили.

— В Германию? Мне всегда казалось, он живет в Лондоне.

Валодрин улыбнулся:

— Вам вообще мало что известно о докторе Адамсе. Август когда-нибудь объяснял, почему он не разговаривает с отцом?

— Конечно.

— Наверное, сказал, что из-за матери? Из-за того, как отец с ней обращался, да?

Эйприл не ответила.

— Вранье, — заявил Валодрин. — Может, в следующий раз, когда увидите Августа, спросите, что на самом деле произошло между ними. Правда, в этот

следующий раз он скорее всего будет лежать в гробу. — Он обернулся к Алексу. — А теперь скажите мне, куда направляется Август? На встречу с отцом, да? Они пытаются найти Штульгерра?¹

Штульгерр? Эйприл где-то слышала это слово прежде... но где?

— Наша сделка состоялась, — сказал Алекс. — Я точно указал, где ваш придурок Фронботтен² может найти Августа. И не моя вина, что он сбежал.

Еще одно слово — Фронботтен — тоже очень знакомое, но Эйприл никак не могла вспомнить.

— Я не понимаю, Алекс, — начала она, задаваясь вопросом, так ли хорошо успела узнать своего жениха, — ты что, подставил Августа? Ради этого... этого монстра?

Алекс развернулся к ней лицом.

— У меня не было выбора. Валодрин сказал, что убьет тебя, если я не помогу выйти на Августа. Я понимал, укрыться ему лучше всего в публичном месте. Лишь тогда есть шанс остаться в живых.

— В публичном месте? Ты имеешь в виду школу Чарли?

— Понимаю, это звучит ужасно, но другого выхода просто не было, — умоляющим тоном произнес Алекс. — И никакой опасности для Чарли не было. Ну сама посуди, Августу удалось сбежать! Так что все нормально.

¹ Штульгерр (*нем.* — Stulherr) — судейский, термин применялся ко всякому принцу, дворянину или рыцарю, в качестве председателя суда обладавшего властью, не ограничивающейся императором.

² Фронботтен (*Frohnbotten*) — здесь: слуги Господни, «священные посланники», задачей которых было обеспечивать решения трибунала.

- Все нормально? Так ты это называешь?
- Называется это по-другому, — заметил Валодрин. — Достойно завершить сделку. Делаю новое предложение: ты сообщаешь мне, где находится Август, и я позволю тебе жить.
- Но я понятия не имею, где он! — воскликнул Алекс. — Откуда мне знать?
- Ты прав, — кивнул Валодрин и посмотрел на его невесту. — Но вы-то можете это выяснить. Полагаю, он отвечает на ваши телефонные звонки?
- Я не стану этого делать.
- Звоните ему, — сказал Валодрин и прицелился в голову.
- Эйприл почувствовала, что ей конец. Надо хотя бы предупредить Августа. Не сводя глаз со ствола пистолета, она пересекла помещение, подошла к столику и достала из сумочки телефон.
- Алекс подкатил к ней на инвалидной коляске.
- Не думаю, что стоит это делать.
- Конечно, нет! Но другого выхода просто не существует. — И только тут она поняла истинный смысл и причину, по которой он оказался рядом. Из-под ноги у него торчал черный ствол пистолета размером с ладонь, не больше. Она сделала вид, что не заметила этого. Раскрыла складной мобильник, набрала номер Августа.
- Время истекает, — заметил Валодрин. Взглянув на наручные часы, Эйприл поднесла телефон к уху.
- Гудок есть.
- Алекс передвинул кресло чуть вправо и сидел теперь лицом к Валодрину.
- Там автоответчик.
- Откуда мне знать, что вы набрали именно его номер?

— Можете убедиться! — Эйприл бросила ему телефон. Валодрин, не сводя глаз с летящего на него аппарата, протянул руку, чтобы поймать его. И на миг забыл о другой руке, в которой был зажат пистолет. Теперь ствол смотрел в пол.

И Алекс сумел воспользоваться моментом. Выхватил свой пистолет, спустил курок, и Валодрин рухнул на пол. Пистолет вылетел из руки, Эйприл бросилась к нему, чтобы перехватить.

— Не трогай! — крикнул Алекс. — Иначе на нем останутся твои отпечатки.

— Умно, — пробормотала она. И вместо этого подобрала с пола телефон. Пластиковая панель раскололась пополам. Эйприл нахмурилась и смотрела на мобильник с жалостью — так смотрят на погибшего домашнего питомца.

И тут вдруг в помещение ворвались двое вооруженных мужчин. Эйприл в отчаянии швырнула в них половинки разбитого телефона. Алекс ответил на угрозу более эффективно — произвел несколько прицельных выстрелов, и нападавшие попадали на пол.

— Что теперь делать? — спросила женщина.

— Надо выбираться отсюда. Потому что если их тут много, — Алекс приподнял ствол, спустил курок, обойма была пуста, — неприятности нам светят нешуточные.

Глава шестая

Эйприл и Алекс покинули комнату и оказались в атриуме, соединявшем здания библиотеки Моргана. Через стеклянные стены пробивались яркие лучи солнца, в просторном внутреннем дворе не было видно ни души.

— Но где все? — удивилась Эйприл.

— Наверное, люди Валодрина приказали сотрудникам не выходить из своих помещений, — ответил Алекс и направился к выходу. — Скорее, полиция будет здесь с минуты на минуту.

— Но разве мы не должны дождаться их? Объяснить, что произошло?

«Словно у меня есть ответ на этот вопрос», — с горечью подумала Эйприл.

Алекс толкнул дверь, выходящую на Мэдисон-авеню. Вдалеке послышался вой сирен, звук приближался.

— Полицейские нас задержат, и время уйдет. Нам надо найти Августа прежде, чем это сделают члены «Черных Фем». Стоит им узнать, что Валодрин мертв, и они с удвоенной силой начнут охотиться за «Евангелием от Генриха Льва».

— Погоди, — перебила его Эйприл. — Ты сказал «члены «Черных Фем»? Но мне казалось, этого тайного общества не существует вот уже лет сто.

Алекс усмехнулся:

— Догадайся, кто распространил эту ложь.

Впрочем, Эйприл не слишком удивилась, услышав это. Обычная политика для тайных обществ — распространять слухи о своем исчезновении. И по большей части этот нехитрый приемчик работает безотказно.

— Валодрин претендовал на звание их лидера, — заметил Алекс. — Уверен, у них не будет проблем заменить его кем-то другим.

— Но зачем им нужна эта книга? Я вижу только одну очевидную причину.

Подобно многим древним иллюстрированным книгам, «Евангелие от Генриха Льва» стоило много мил-

лионов долларов. Однако Эйприл подозревала, что это не главная причина, по которой члены братства так охотятся за редким изданием.

— Хотелось бы знать, — пробормотал в ответ Алекс. Его коляска уже бойко катила по улице, и Эйприл едва поспевала следом. — Похоже, что ответы на все эти вопросы есть только у одного человека, Штульгерра. Вот если бы разыскать его...

Они остановились на углу, пропуская поток машин.

— Чувствую, ты знаешь больше, чем говоришь, — заметила Эйприл.

Алекс поднял на нее глаза, взял за руку.

— Все объясню, только позже. Ты верь мне.

Они перешли через Тридцать шестую улицу и заскочили в магазин на противоположной стороне под названием «Антикварная книга для заядлых путешественников». Здесь впервые в Соединенных Штатах некогда открылся магазин по продаже карт и путеводителей. Сухощавый усатый мужчина за прилавком встретил постоянных своих посетителей приветливой улыбкой, которая, впрочем, тут же испарилась при виде озабоченных лиц.

— Кроме вас, есть кто еще? — спросил Алекс.

— Э-э, да, одна женщина, довольно богатая дамочка, хочет подобрать какую-нибудь интересную и дорогую книгу для новой библиотеки своего мужа и...

— Выпроводите ее отсюда.

Беседа прервалась на секунду-другую — мимо витрины с воем сирен промчались полицейские автомобили.

— Что, черт возьми, происходит? — осведомился усатый мужчина, нервно сгибая и разгиная тонкие пальцы.

— Уберите всех посторонних, Берни, и заприте дверь, — сказал Алекс.

Владелец магазина, напоминая марионетку, которую дергают за ниточки, вышел из-за прилавка и направился в соседнее помещение. И вернулся оттуда через несколько секунд, ведя под руку высокую статную даму. Она смотрела несколько растерянно, а Берни уверял ее, что непременно подыщет нужную книгу к завтрашнему утру. Она бормотала что-то не-лестное про современное обслуживание, но он подвел ее к двери, умудрившись при этом всучить несколько карточек с рекламой магазина, затем вывел на улицу и запер дверь.

— Ну вот! — сказал он, брезгливо отряхивая руки, точно возился в саду. — А теперь скажите, наконец, что же происходит?

— Прежде разрешите воспользоваться вашим телефоном, — сказал Алекс, снял трубку черного аппарата в старинном стиле, что стоял на прилавке, и набрал номер. — Странно, — заметил он. — Даже гудка нет. У Августа сразу включается автоответчик.

— Может, неисправен? — предположила Эйприл.

Тишину вновь взорвал вой полицейских сирен, еще две машины пролетели мимо витрины, а следом за ними — тяжелый бронированный автомобиль, тоже, судя по всему, принадлежащий полицейскому управлению. От сотрясения все кругом заходило ходуном, и Берни придержал стопку книг на прилавке, чтобы не свалились.

— Что-то случилось в библиотеке Моргана, — заметил Алекс.

— Интересно, что именно? — спросил Берни и выровнял стопку книг, теперь они уже не могли свалиться.

литься на пол. — Может, вы, Эйприл, посвятите меня в детали? Ваш друг выражается довольно туманно.

— Я надеялась, вы сделаете это для меня, — ответила она.

— А я надеялся, что вы, Берни, сделаете это для нас, — сказал Алекс. — Однако позвольте прежде объяснить. Недавно у нас произошло столкновение с членом общества «Черные Фемы».

Берни тяжело опустился на деревянную скамью, что стояла за прилавком.

— И сколько же людей погибло в результате этого «столкновения»?

— Так вам известно о «Черных Фемах»? — удивленно спросила Эйприл. Она и представить не могла, что этот тихий интеллигентный человек может иметь хоть какое-то отношение к опасному тайному обществу.

— Интернет обеспечивает анонимность даже столь незначительным персонам, как я.

— Ну, не прибедняйтесь.

Берни взглянул на нее с выражением человека, которому только что сообщили, что его лотерейный билет выиграл, однако он знает, что этого просто не может быть.

— Я прожил в Нью-Йорке двадцать лет и даже ни разу не ездил на метро. — Этот аргумент почему-то казался ему убедительным.

— Вы просто скромничаете, — сказала Эйприл. — Вернее, слишком застенчивы.

— Да он все время напуган, словно спичка, которая боится, что ею чиркнут на автозаправке, — улыбаясь, заметил Алекс. И направил кресло в дальний угол магазина, где были выставлены карты. — Идите-ка лучше сюда, помогите найти кое-что.

— Что именно? — Берни подошел к нему.
Алекс остановился и указал на самую верхнюю полку.

— Вот это.

— Ну, туда разве доберешься? — пробормотал Берни, грызя ноготь мизинца. — Мы никогда ничего оттуда не снимаем.

— Я слышал немало страшных историй о людях — вполне взрослых людях, — которых переезжали сердитые инвалиды в своих колясках.

Берни выплюнул кусочек ногтя.

— Об этом и речи быть не может. Сожалею. Ничем не могу помочь и...

— Послушай, Эйприл, ты не могла бы принести лестницу?

Она отправилась в подсобку и через минуту вернулась с массивной дубовой лесенкой из трех ступенек, которую поставила на пол перед Алексом.

— Вы собираетесь залезть туда? — спросил Берни.

— Да, — ответил Алекс. — Неким чудесным образом я восстану из кресла и полезу по лестнице.

— Ха, ха, ха!

— Эйприл, дорогая, ты не против?

Эйприл с трудом подавила желание ответить, что она против. Большую часть дней она проводила именно за этим занятием, поднималась по лестницам и ступенькам, доставая Алексу книги, которые интересовали его в тот момент. Не ее вина, что он прикован к инвалидному креслу, и мысль о том, что в такие моменты она проявляет свое перед ним преимущество, приводила ее в смятение.

А если в целом, она была благодарна Алексу за эту работу. К большинству библиотек после той истории годовалой давности ее бы не подпустили и на пу-

шечный выстрел. Хотя сама работа, конечно, была менее престижной и занимательной. Август не раз говорил ей: «Ты же эксперт. Так почему проводишь дни в услужении Алексу? Как какая-то девчонка на побегушках. Ты должна быть его боссом, а вовсе не он!» Нет, Август просто не понимал...

— Эйприл?

Она улыбнулась и опустила руку Алексу на плечо.
Ничего, об этом они поговорят позже.

— Конечно, дорогой.

— Нет! — Берни даже топнул ногой. — Я серьезно! Из-за этого у меня будут большие неприятности.

Эйприл быстро подошла к лестнице, бросила последний взгляд на встревоженного Берни, затем поднялась по ступенькам и достала с верхней полки футляр из толстого картона.

— Вы уж простите, — пролепетала она и, стараясь двигаться как можно грациознее, спустилась.

— Только осторожнее.

— Не волнуйтесь, — сказала Эйприл. Сняла с футляра красный пластиковый колпачок, медленно извлекла хрупкую старинную карту, свернутую в рулон. — Вы же знаете, мы ничего не испортим.

— Да, конечно, — пробормотал Берни и отер пот со лба. — Просто будьте осторожней с тем, что там найдете. — Он расчистил место на столе, закрыл его защитной зеленой пленкой, и только после этого Эйприл развернула карту.

Алекс подъехал поближе, Берни разгладил уголки.

— Что это? — спросила Эйприл, осматривая пожелтевшую карту.

В верхнем левом углу красовалось название на немецком, в переводе оно означало: «Новая Земля швабов». Ниже, в той же рамочке, шли три слова:

«Немецкая антарктическая экспедиция», и дата: «1938—1939». И еще рамочку украшала эмблема, при виде которой мелкие волоски у нее на руке встали дыбом: нацистское знамя на флагштоке и рядом надпись: «Gehisste flaggen»¹; затем развевающийся на ветру нацистский флаг, подписанный «Abgeworfene flaggen»²; и, наконец, маленький круг с черной точкой внутри, помеченный как «Schiffspositionen»³.

Рука Алекса зависла над картой, затем задвигалась, пальцы осторожно коснулись бумаги, точно чувствовали леденящий холод тундры. И когда он наконец заговорил, тихий голос дрожал. Возможно, от волнения. Или от испуга.

— Эта карта создана Черным братством «Фем», в ту пору они прятали свою организацию в рядах нацистов. И утверждали, что владеют древней реликвией, обладающей огромной силой, которую спрятали где-то в Антарктиде, в регионе, названном ими Новой Швабией. Ассоциация с древними землями императора Барбароссы.

— Какую реликвию? — спросил Берни.

— Давно утерянную реликвию из сокровищницы Вельфов, — пояснил Алекс. — В конце двенадцатого века Генрих Лев, один из самых влиятельных членов династии Вельфов, что, впрочем, спорно, тратил все силы и средства на поиски реликвий. Говорили даже, будто король предложил ему телегу, полную золота, в обмен на союзничество. В ответ Генрих попросил телегу, полную древних реликвий. У него хранились черепа мучеников, зубы святых, фрагменты креста, того, настоящего, на котором распяли Спасителя...

¹ Флаг спущен.

² Флаг поднят.

³ Позиция судна.

Он собирал все, что только можно найти по всему миру.

— В том числе и ту потерянную реликвию, о которой ты говорил?

— Да, — кивнул Алекс. — Хотя «потерянная», возможно, не самое подходящее слово. «Спрятанная», так будет точней. Но со временем власть Генриха ослабла, а в его отсутствие начало крепнуть могущество «Черных Фем». Он подозревал, что рано или поздно они одолеют его, а потому и решил спрятать самый ценный экспонат из своей коллекции. В надежде, что кто-то из потомков династии Вельфов уцелеет и начнет искать этот предмет, он написал книгу, где есть ключи к тайнику.

— И книга эта называется «Евангелие от Генриха Льва», — заключила Эйприл.

— Именно!

— Так вы скажете нам, что же это за реликвия? — спросил Берни. Он весь так и дрожал от нетерпения и любопытства.

— А вот этого, увы, не знаю.

— Тогда у нас проблема.

— Простите?

— Я сказал, в таком случае у нас проблема, — произнес Берни, подчеркивая каждое слово.

— Да что с вами такое?

Лицо его исказилось, он сунул руку под прилавок.

— Прошу прощения, но... — И с этими словами он извлек маленький никелированный пистолет.

Входная дверь отворилась, вошла дама, которую он чуть раньше выпроваживал из магазина. Только сейчас никакой растерянности не наблюдалось. На этот раз женщина держалась с таким видом, точно полностью контролировала себя и ситуацию.

Берни тут же подскочил к ней, встал рядом.

— Она зашла как раз перед вами. И сделала мне предложение, от которого я не смог отказаться.

— Я умею убеждать людей, — произнесла дама самоуверенным тоном, так говорят обычно очень влиятельные и богатые люди. Взяла из рук Берни пистолет и нацелила его на Эйприл и Алекса. — Я Вероника Валодрин. Кто из вас убил моего мужа?

Глава седьмая

Август был еще ребенком, когда однажды отец его описывал матч с участием «Янкис». Он помнил это до сих пор.

— Сто пять градусов по Фаренгейту! — воскликнул отец. — Всего на градус ниже температуры солнечных протуберанцев! — И еще утверждал, будто поджарил хот-дог прямо на ступеньках трибуны. — Я чуть не окочурился! — всякий раз добавлял он при этом, не обращая внимания на явные преувеличения.

— А кто выиграл? — спрашивал Август.

— О-о-о! — воскликнул отец, отмахиваясь от него, точно от надоедливой мухи. — То был худший год для «Янкис». Но лично я их не виню. Всему виной эта ужасная жарища!

Сто пять градусов. Август никогда не забывал чувства страха, которое до сих пор вызывало у него это трехзначное число. То же самое ощущение охватило его, когда они с Чарли вышли из такси на Таймс-Сквер и увидели на огромном дисплее следующую надпись бегущей строкой: «Новый рекорд — 107 градусов».

— Смотри, пап, новый рекорд!

— Не возбуждайся, — буркнул Август. Но понимал, все эти предупреждения бесполезны.

Чарли просто обожал рекорды. Любые. И при каждом удобном случае упоминал о них. Мог увидеть, к примеру, на улице торговца с тележкой, продающего гамбургеры, и тут же выпалить, что максимальное число гамбургеров, съеденных за двенадцать минут, составляло шестьдесят шесть штук. Они могли зайти в какой-нибудь спортивный зал, и Чарли тут же упоминал о достижении какого-то атлета — 1940 толчков за час. Список этот поистине бесконечен. Чарли помнил абсолютно все достижения человечества, выраженные в рекордах.

— Но вроде бы не так уж и жарко, — заметил мальчик.

— Глупости! — сердито заметил Август. — У тебя что в жилах? Змеиная кровь, что ли?

— Перестань, пап! Только потому, что змеи — существа хладнокровные...

Тут Чарли вдруг осекся и указал пальцем в толпу на противоположной стороне улицы.

— Смотри! Вон тот парень, что выходит сейчас из серебристой машины. Вроде бы тот самый, которого мы видели у школы!

Август посмотрел в указанном направлении и тут же увидел панка с волосами цвета воронова крыла, который поджидал их на стоянке у школы. Смотрел он прямо на них. И улыбался.

— Пап, как думаешь, а ему не жарко в этом пальто?

— Возможно, — ответил Август и направился вместе с сыном к ближайшему магазину, где торговали разными безделушками. — Но только не вздумай его об этом спрашивать.

Войдя в магазин, Август остановился у полки, уставленной прозрачными шарами со снежинками, — в такую жару они создавали призрачную иллюзию прохлады. Он начал, щурясь, всматриваться сквозь эти шары и заметил, что преследователь переходит улицу и направляется прямо к ним. Тогда Август развернулся и направился к мужчине за кассовым аппаратом.

— Здесь есть какой-то другой выход?

Мужчина отрицательно помотал головой.

— Уверены?

Кассир пожал плечами.

Август схватил Чарли за руку и потащил к двери. Резко остановился, увидев, что выход им преградила фигура в черном.

— Далеко ли собирались?

Август притянул к себе Чарли.

— Как раз собирались прошвырнуться по городу. Желаете присоединиться к нам? О, понимаю, наверное, просто не можете. Слышал, где-то в центре проводят митинг наркоманы, и вы наверняка не хотите пропустить программную речь.

Панк придвигнулся еще ближе, сунул правую руку под пальто.

— Мне нужна только книга, ничего больше.

— Книга? Но никакой книги у меня нет. Зато есть сэндвичи и печенье. — Август приподнял кейс, который держал в руке. — Не деликатес, конечно, но очень даже ничего.

Панк презрительно фыркнул:

— Ты чего, с дуба рухнул?

— Простите, — пробормотал Август. — Когда нервничаю, начинаю говорить разные глупости. Ну, к примеру, всего минуту назад стоял, смотрел на все

эти безделушки и вдруг говорю сыну: «Скажи, сынок, тебе никогда не хотелось иметь бронзовую статуэтку Свободы?»

В ту же секунду Август схватил упомянутый им предмет с полки и метнул его в панка. Тяжелая подставка статуэтки врезалась прямо в висок, и их преследователь рухнул на кипу маек с надписью: «Я люблю Нью-Йорк». Август обернулся посмотреть, как среагирует на это владелец магазина, но тот уже исчез. Его примеру торопливо последовали немногочисленные покупатели.

— Думаю, ты прав, Чарли, — сказал Август, перешагивая через панка и подталкивая сына к выходу. — Ему действительно было страшно жарко в этом кожаном одеянии.

Выйдя на улицу, Август взглянул на часы. С отцом он говорил ровно час назад.

— Идем! — бросил он сыну.

Они пересекли Бродвей и вышли на площадь, где было полно народу. Август забыл спросить отца, в каком именно месте они должны встретиться.

— Скажи, пап, а зачем тому парню понадобилась твоя книга? — спросил Чарли. — Ведь дедушка подарил ее тебе на день рождения.

— Да. Вроде того. Но если честно, я вовсе не уверен, что подарил насовсем.

Взгляд Августа перебегал с одного лица на другое, надежде увидеть такой знакомый и характерный образ отца: круглые очки, коричневая фетровая шляпа, твидовый пиджак. Униформа, которую, насколько помнил Август, отец никогда не снимал, даже в стосемиградусную жару¹.

— Хочешь сказать, он ее украл?

¹По Фаренгейту; т. е. чуть более 30 °С.

— Да нет. Я просто... — Тут Август взглянул на сына. — Я хотел сказать... ну да, возможно, он ее украл.

— Так наш дедушка жулик?

— Знаешь, мы этого так никогда и не узнаем, если не найдем его. — Август поставил кейс между ног, подхватил мальчишку под мышки и приподнял. К счастью, Чарли был невелик для своего возраста, но уже довольно большой, чтобы сидеть у отца на плечах. — А ты что-то потяжелел, парень.

— С начала года набрал целых десять фунтов! — с гордостью заявил Чарли.

Жара, вес Чарли, палящие лучи солнца — все это просто убивало Августа.

— Ладно. Давай быстренько осмотрись! Помнишь, как выглядит дедушка Адамс? — Лишь пару раз он показывал Чарли фотографию деда.

— Помню.

— Ничуть не сомневался. Видишь его? — спросил Август и покружился на месте.

— Нет, — ответил сын. — Зато вижу парня, которого ты треснул статуей Свободы... Пап! Он меня тоже увидел! Идет прямо сюда!

От страха Чарли засучил ногами, и Август едва не упал.

— Чарли! Прекрати!

Август опустил сына на тротуар, схватил кейс.

— Пошли. Быстро! Сюда!

И начал пробиваться сквозь толпу к другой стороне площади. К счастью, почти все машины стояли в пробке. Они пересекли улицу и заскочили в вестибюль гостиницы.

— Мы в безопасности? — спросил Чарли.

— Определенно нет, — ответил Август. Поставил кейс, открыл его, вынул книгу и сунул ее прямо в руки Чарли. — Оставайся здесь. Держи крепко. Справишься?

— Я же не ребенок, пап.

— Знаю. Просто я...

— Конечно, справлюсь.

Август видел решимость, написанную на лице сына. Просто поразительно, до чего храбрый у него сынишка.

— Парень, который охотится за нами, думает, что книга здесь. — Август похлопал по кейсу. — Так что я выйду и поведу его за собой. Он меня нагонит, я отдам ему кейс. А потом вернусь сюда за тобой. Понял?

— Понял.

— Ну а если у тебя возникнут проблемы?

— Использую свои уникальные способности. Телекинез.

Август нахмурился:

— Все хорошо, вот только у тебя их нет, этих способностей. Что будешь делать?

— Найду полицейского или кого-то еще, кто может помочь.

— Ладно, так-то оно лучше, — сказал Август и направился к выходу. — Я скоро вернусь.

— Обещаешь?

В этот момент Чарли вовсе не походил на молодого и уверенного в себе человека. Нет, он снова превратился в наивного и доверчивого ясноглазого малыша, каким помнил его Август по совместной жизни с Эйприл. При этом воспоминании он едва не расплакался. Старые добрые дни...

— Обещаю, — ответил он. Толкнул дверь и вышел на людную улицу.

Глава восьмая

Лукас был озадачен. Неужели Август действительно оставил ребенка одного? С другой стороны, определенный резон в том был. Ребенок остался в гостинице, там он в большей безопасности. Но можно рассуждать и по-другому. Полный идиотизм со стороны отца. Потому как если он захватит ребенка, Август будет просто вынужден отдать книгу за сына.

И тут вдруг его посетила совсем другая мысль. Что, если у Августа нет при себе книги? Что, если он оставил ее мальчишке? Лукас уловил в поведении отца нечто такое... Тот явно дразнил его, вызывал огонь на себя, слегка покачивал кейсом, словно выставляя его напоказ. Использовал этот прием, чтобы отвлечь его, Лукаса, от мальчика. Может, он вообразил, что перехитрил противника? Или же, напротив, передумал, хочет сдаться, пересмотрел ситуацию? Самое милое дело. Хотя Лукас ни разу не проходил этого теста, но в глубине души был уверен: ай-кью у него зашкаливает за уровень гения.

И вот он стал пробиваться сквозь целый поток желтых такси в попытке догнать Августа. Сделал вид, что заглотил наживку. Выждал, пока Август пройдет с полквартала, затем повернулся назад, к гостинице. Ему нужна была хотя бы небольшая фора во времени — на тот случай, если Август окажется сообразительнее, чем он думал.

Лукас выждал момент, когда привратник у дверей отвернулся, — не хотел, чтобы тот заметил рану на голове, нанесенную этой дурацкой статуэткой, — и прошмыгнулся в гостиницу. Осмотрел коридор, ведущий из вестибюля, и наконец обнаружил свою добычу в укромном темном уголке. Мальчик сидел в огромном кресле, обитом пурпурным велюром. А на

коленях лежала книга — «Евангелие от Генриха Льва».

Глаза их встретились, Чарли начал медленно подниматься. Лукас приложил палец к губам.

— Тсс! — прошипел он, а рука тем временем нашупывала нож под номером одиннадцать — канадский метательный производство фирмы «Моэллер», — спрятанный под пальто. Он достал его и показал мальчику. Похоже, оружие произвело впечатление на мальчишку, тот так и сжался от страха.

«Сядь!» — жестом приказал Лукас. Но мальчишка точно окаменел. Вернее, оледенел от страха. Лукас приблизился. Того гляди набросится. Мальчик задрожал, лед начал плавиться, нервы сдали.

И тут Лукас услышал, как за спиной отворилась вращающаяся дверь, и на сцене действия появилась целая семья из шести человек, буквально увешанных нью-йоркскими сувенирами. Они смеялись, пели, подшучивали друг над другом — словом, вели себя, как обычная американская семья, при виде чего Лукаса едва не вырвало от омерзения. Не сводя глаз с мальчишки, он прикрыл ладонью кровоточащую рану на виске.

Семья проследовала мимо, не обратив внимания на сигналы бедствия, которые беззащитная жертва Лукаса посыпала молча, только глазами.

— Да им на тебя плевать, — прошептал Лукас. — Вообще всем друг на друга плевать в этой жизни. Да и в следующей, наверное, тоже.

— Ты ошибаешься, — сказал Чарли, крепко прижимая книгу к груди. — Моему папе не плевать.

— Твой папочка оставил тебя одного, — сказал Лукас и приблизился еще на шаг.

— Он вернется. Он обещал. А когда вернется...

— Будет уже поздно, — закончил Лукас. Он уже стоял вплотную. А затем прижал кончик ножа к телу ребенка, словно подчеркивая тем самым свою правоту.

— Никогда не поздно, — раздался чей-то голос за спиной.

Лукас резко обернулся, раздраженный тем, что кто-то посмел помешать ему пугать мальчишку.

Это был Август.

— Что-то долго ты сюда добирался, — язвительно заметил Лукас. — Особенно с учетом того, что знал: на кону жизнь твоего сына.

— Просто встретил старого приятеля, поздоровались, поболтали.

Лукаса снова удивило необычное поведение Августа. Правда, еще Валодрин предупреждал его: этот парень крепкий орешек и далеко не промах, даже по стандартам собирателей антиквариата. Он присмотрелся — убедиться, что при Августе нет его оружия, бронзовой статуэтки, которой тот столь успешно воспользовался чуть раньше.

— Ну и кто же он, этот твой приятель? Уж не Бэтмен ли? Потому как очень пригодился бы тебе сейчас.

— Почти угадал, — произнес голос за спиной.

Это было последнее, что слышал Лукас. Всего один сокрушительный удар по голове, и на другом виске возникла симметричная рана. Все вокруг погрузилось во тьму и тишину.

Глава девятая

Август смотрел, как Чарли, перепрыгнув через тело неудачливого ассасина, бросился к дедушке и повис у него на шее.

— Ты сделал его, дедушка Адамс! — радостно воскликнул он.

Доктор Кливленд Адамс картинно поклонился.

— Лорд Гарт Мнимый к вашим услугам! — сказал он и сунул под мышку сломанную трость.

Чарли недоумевал:

— Лорд Гарт Мнимый?..

Август подбежал к сыну, обнял его.

— «Лорд Гарт Мнимый» — это детская книжка, ее написал твой дедушка. И речь в ней идет о большом олене с десятью рогами, который всегда поспешил на помощь в последнюю минуту, когда казалось, что всем вот-вот наступит конец. Причем этого оленя никогда никто не видел, кроме главного героя.

— Которого звали Август, — закончил Кливленд. А потом положил руки на плечи сына и внука. — Обстоятельства, конечно, не самые веселые, но я страшно рад видеть вас. Обоих.

— Я скучал по тебе, дедушка, — сказал Чарли.

— Скучал? Но ведь ты даже никогда меня не видел!

— Это не значит, что я не мог по тебе скучать.

— В общем-то правильно, наверное? — вопросительно произнес Кливленд, поглаживая козлиную бородку.

— Правильно. Знаешь, иногда мне казалось, я скучаю по героям, описанным в разных книгах, пусть даже никогда и не встречался с ними. Зато слышал много разных историй, потому, наверное, и казалось, что я с ними знаком.

Кливленд улыбнулся.

— Рассуждает в точности как ты, — сказал он Августу. — Умный, энергичный мальчик, его так и распирает интерес к чудесам окружающего мира.

— Но вскоре он узнает, что некоторые из этих чудес могут вовлечь его в неприятности, — заметил

Август. Взял из рук сына книгу. — Ну, что будем делать с этим нашим другом в черном кожаном пальто?

— Оставим здесь, — ответил Кливленд. Наклонился над неподвижной фигурой Фронботтена, отвернул полу плаща, увидел целый арсенал холодного оружия. — Охранники, работающие в гостинице, найдут его. И, увидев это, сразу сдадут в полицию. Пусть почувствуют себя настоящими героями.

— Что ж, вполне разумное предложение. И мы остаемся в стороне. Мы здесь ни при чем, а это особенно важно с учетом того, что «Евангелие» у нас, — заметил Август. — Надо доставить книгу в музей, и быстро!

— Ты этого не сделаешь! — воскликнул Кливленд, подошел к сыну и вырвал толстый томик из рук.

— Но мы не можем хранить это при себе, — сказал Август и нервно огляделся по сторонам. — Если не сдать книгу сейчас же, тебя надолго засадят за решетку. А уж если до тебя доберутся немцы...

— Немцы сами заварили всю эту кашу! — сердито заметил Кливленд, направляясь к выходу. — По дороге к Штульгерру расскажу тебе больше.

— Штуль... что? — спросил Чарли.

— Штульгерр. Так звали судью, который председательствовал на процессах суда «Священных Фем», — объяснил Август сыну, следуя за Кливлендом к двери. — Хотя понятия не имею, почему отец об этом говорит, ведь никого из них давным-давно нет в живых.

— Ты прав лишь наполовину и не прав на все сто процентов, — заметил Кливленд и, выйдя на улицу, поднял руку, чтобы остановить такси. — «Священные Фемы» больше не существуют. Но отковавшаяся от них в свое время радикальная группа под названием «Черные Фемы» до сих пор живехонька.

— Это невозможно.
— А кто, как думаешь, послал этого мерзкого маленького Фронботтена?
— Что такое Фронботтен? — с любопытством спросил Чарли.

Август начал было объяснять:

— Это враждебный...

Тут Кливленд перебил его:

— Фронботтен — это наемный убийца из «Черных Фем», безжалостный ассасин! Ты должен знать, Чарли, в какую опасную мы попали ситуацию.

К обочине подкатило такси, Кливленд распахнул заднюю дверцу, впустил в машину внука. И на секунду придержал Августа за рукав.

— Не стоило брать его с собой.

— Просто другого выхода не было.

— Тогда его жизнь в твоих руках, не моих.

— Ну вот, опять начинается, — проворчал Август, садясь в машину. — Умываешь руки, отказываешься от всякой ответственности. И еще вынужден напомнить тебе — ничего бы этого не случилось, не стырь ты книгу!

Водитель такси вопросительно взглянул на Августа в зеркальце.

— Это просто такое выражение, — произнес тот в надежде, что иммигрант не знает тонкостей английского.

Кливленд уселся в машину, захлопнул дверцу.

— А вот и краденый предмет! — воскликнул он и приподнял книгу, чтобы водителю было видно.

Тот усмехнулся:

— Куда едем?

— В библиотеку Моргана, — ответил Август. — А там Эйприл решит, что делать.

— Ее никак нельзя втягивать в это дело, — заметил Кливленд. — И вообще, проблему можно решить, только предварительно переговорив с Штульгерром.

— Кто он такой, этот Штульгерр?

— Если честно, сам толком не знаю. Общался с ним только по электронной почте.

— Так, может, это вовсе и не он, а она?

Кливленд нахмурился:

— Знаешь, даже как-то не подумал об этом.

— А все потому, что ты шовинист. Мне следовало бы это учесть. Эйприл всегда говорила, что и я тоже женоненавистник.

— Так куда едем? — осведомился водитель уже более кислым тоном.

— В публичную библиотеку, — сказал Кливленд. — И побыстрей, пожалуйста. Кто его знает, может, Лукас скоро очнется.

— Кто такой Лукас? — спросил Чарли.

— Так зовут психопата, который едва не изрезал тебя на мелкие кусочки, — ответил Кливленд.

— Это он так у нас шутит, — сказал Август водителю.

— Нет, ничего он не шутит, пап!

— Чарли...

— Но папа...

— Все, хватит, — сказал Август. И обернулся к отцу. — Ты что же, знаком с парнем, которого вырубил тростью?

— Нет, — ответил Кливленд. — Там, внутри пальто, на подкладке, была пришита заплатка, а на ней выведено: «Собственность Лукаса Дейрола». Ну, я и решил, что это, наверное, его имя. Удивительно, как это ты не заметил.

Август и сам удивился. Он был очень наблюдателен. Никогда не упускал ни малейшей детали, особенно мелочей. Может, он теряет столь важное для торговца антикварными книгами свойство?

— Да вся эта история, помолвка Эйприл с Алексом Пирсоном, просто вывела меня из себя.

Чарли так и ахнул:

— Что? Ты сказал, что мама помолвлена? Это что же, значит, она скоро выходит замуж?

Август пребывал в смятении. Чарли не должен знать. По крайней мере пока. А уж если узнавать, то не таким образом.

— Это замечательно! — воскликнул Кливленд. — Алекс Пирсон первоклассный книговед.

— Алекс Пирсон первоклассный... — Тут Август прикусил язык. — Откуда ты его знаешь?

— Продал ему немало книг за несколько лет, — ответил Кливленд.

— Вот как? Просто... странно, что он никогда не упоминал об этом.

— Может, не хотел, чтобы ты знал.

В разговор встриял Чарли:

— Так мама выходит замуж за Алекса или нет?

Настала неловкая пауза.

— Да, — ответил наконец Август. — Не сейчас, но скоро. Слишком спешно, если хочешь знать мое мнение. — Он расстегнул воротник рубашки. — Что-то душно здесь.

— Сегодня самый жаркий день! — заметил водитель.

— Целых сто семь градусов! — подхватил Чарли.

Август надеялся, что беседа продолжится в этом направлении и его попутчики перестанут обсуждать столь скользкую тему, как будущее Эйприл и Алекса.

Но когда Чарли подергал его за рукав, он понял, что дискуссия далеко не закончена.

— Пап!

— Что? — вздохнув, спросил Август.

— Ну а как же ты? С тобой все будет о'кей?

— Думаю, да, — ответил он. — А как ты к этому относишься?

— Думаю, что нормально, — ответил мальчик, и отец заметил, что нижняя губа у него задрожала. — Но почему мама мне ничего не сказала? Почему ты не сказал?..

— Потому что он пытался защитить тебя, — объяснил Кливленд. — Но вскоре ты узнаешь, Чарли, защитить тебя он просто не может.

— Прекрати пугать ребенка, — заметил Август.

— Напугать — это означало бы сказать ему, что все будет просто отлично, а на самом деле это не так. Пугать ребенка — это значит лгать ему, подавать напрасные надежды, что все образуется. Если по правде, весь наш мир — огромная грязная свалка, и чем дальше, тем только становится хуже. Так что не пугай его. Лучше укрепи. Говори только правду.

Такси выехало на Пятую авеню, водитель затормозил у изящных арок из серого мрамора, что велико входу в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. Август расплатился и вместе с Кливлендом и Чарли вышел из машины.

— Так в чем правда? — спросил он отца.

— Не хотелось бы пугать тебя, — пробормотал Кливленд. — Но будущее всего мира сейчас в наших руках.

Август наблюдал за тем, как его отец бодро поднимается по ступеням ко входу, держа сломанную трость под мышкой одной руки, а «Евангелие от

Генриха Льва» — в другой. Вот человек, которого он считал самым лучшим из современных специалистов по древним и редким книгам. Всему, что он сам знал о книгах, Август научился от него, с детства наблюдая, как тот изучает том за томом в поисках ключей из прошлого, с помощью которых он, как современный алхимик, мог превратить книги с хрупкими пожелтевшими страницами в источник очень неплохого дохода.

Но для Кливленда это был лишь успешный бизнес, ничего более. Отец никогда не испытывал привязанности к какой-либо отдельной книге. Он выработал по отношению к ним политику объективной отстраненности и все решения принимал, руководствуясь исключительно соображениями выгоды. То было божество, которому он поклонялся, и Август во всем старался следовать примеру отца.

Но вот он увидел, как Кливленд добрался до верхней ступени, обернулся и с улыбкой взглянул на них. Так могут улыбаться дети в рождественское утро при виде подарка. И Август понял: отец его стал другим человеком. Он уже не был тем поглощенным соображениями выгоды торговцем, он превратился в человека, вдохновленного перспективой самых захватывающих приключений, которые может принести эта книга. И это одновременно обрадовало и встревожило Августа.

— Пап, — раздался голос Чарли, — а что дедушка имел в виду, говоря о будущем мира?

Август наклонился к сыну, подыскивая нужные слова, правильный способ объяснить ситуацию ребенку так, чтобы ему стало понятно.

— Знаешь, Чарли, — сказал он, — думаю, что сердце на какое-то время затмило у дедушки разум.

Чарли воспринял этот ответ довольно своеобразно:

— Тогда, наверное, ему нужна наша помощь.

— Возможно.

— Не возможно, а определенно, — заметил мальчишка и указал на появившуюся вдалеке угрожающее темную фигуру.

Это был Лукас.

Глава десятая

Эйприл взглянула на часы. Пять вечера.

— Мы опоздали на встречу, — шепнула она Алексу.

— Что?

— С ювелиром. Он ждал нас к пяти.

Алекс посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

— Думаю, он нас простит, особенно когда узнает, что нас держат на мушке. Вполне уважительная причина.

Эйприл подумала: удастся ли им назначить новую встречу с ювелиром? Умереть сейчас, на пороге новой жизни, — нет, это какая-то нелепость. Слабо сказано — просто катастрофа. И не только для нее, для Чарли тоже. До сих пор так и не выдалось удобного случая рассказать сыну о помолвке с Алексом. Может, он уже знает? Может, Август уже взял на себя смелость вытащить кота из мешка? Вполне в его характере. Хотя сама затея — ничего пока что не говорить Чарли — в ее характере. Она всегда старалась избегать конфликтных ситуаций.

— Не волнуйся, — произнес Алекс с улыбкой, точно говорящей о том, что он читает ее мысли. — Мы позвоним и перенесем встречу, как только уладится это... недоразумение.

Эйприл от души надеялась, что это произойдет скоро.

— Ну, влюбленные голубки, — насмешливо произнесла Вероника Валодрин, — как мило... Советую вам начать молиться о том, чтобы встретиться в загробном мире. Самое время.

— Погоди, — сказал Берни. — Тебе вовсе не обязательно убивать их обоих. Это Алекс пристрелил твоего мужа.

— А тебе что за дело, обоих или одного? — спросила Вероника.

— Да нет, я просто... — Берни запнулся в поисках нужных слов. — Просто подумал, что убивать Эйприл невыгодно.

Вероника, щурясь, взглянула на лебезившего перед ней маленького человечка.

— Что ж, хорошо, — сказала она, оценив ситуацию. — Думаю, ей на время можно сохранить жизнь.

— Спасибо, — сказал Берни и подмигнул Эйприл.

Та резко отвернулась — от омерзения. При одной мысли о том, что Берни может дотронуться до нее, по коже пробегали мурашки.

— Почему ты так со мной поступаешь? — воскликнул Алекс.

Берни приблизился к старому другу, губы его дрожали.

— Я скажу тебе почему, — пробормотал он. — Поэтому что ты всегда только пользовался мной. Когда в прошлом году произошло несчастье, кто о тебе заботился? Кто сделал все, чтобы тебе оказали самую квалифицированную помощь? Я. А что ты сделал, чтобы отблагодарить меня за это? Ровным счетом ничего. И не думай, что я не знаю, что ты говорил обо мне в библиотеке Моргана...

— Ты это о чем?

— Там открылась вакансия, а ты сказал, чтобы меня не брали. Почему ты так поступил? После всего, что я для тебя сделал?

— Я никогда не просил тебя делать для меня хоть что-то, Берни.

— Ну вот видите? Та же самая песня! Я могу вырвать сердце из груди и преподнести тебе на блюдечке, а тебе все равно! Тебе все равно! — в ярости воскликнул он, брызгая слюной.

В комнате повисла напряженная тишина.

— А знаете, — сказала Вероника и сделала шаг вперед, — все это совершенно омерзительно.

И, не произнеся больше ни слова, она приподняла ствол и выстрелила прямо в грудь Берни. Он качнулся вперед, упал на груду книг, они так и разлетелись в разные стороны. Несколько секунд смертельно раненный, стена, хватал ртом воздух, затем тело его сотрясала дрожь, и он отошел в мир иной.

Эйприл прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Отвращение, которое она испытывала к Берни всего несколько секунд назад, резко сменилось жалостью к этому тихому, замкнутому человеку. Хоть напоследок, перед самой смертью, он успел выговориться, высказать все, что накипело на душе.

— Прошу прощенья, — сказала Вероника. — Все же я ужасная негодяйка. — И ткнула острым носком туфли Берни в бок — убедиться, что он мертв. — Просто смерть мужа привела к полному расстройству чувств.

— Вы не имели права это делать, — сказал Алекс.

— Я имею право делать все, что заблагорассудится, — парировала Вероника. — Так что говорите:

должна я вас убить прямо сейчас или же вы знаете больше, чем сказали нашему бедному другу Берни?

— Как вы узнали, что...

Голос Алекса замер, когда он увидел, как Вероника подошла к груде книг, сваленных в углу. Наклонилась, взяла первую, ту, что лежала сверху. Открыла обложку — внутри, в вырезанных прямоугольником страницах лежало подслушивающее устройство.

— Так вы все слышали, — заметила Эйприл.

— Штука в том, что в отличие от Берни я не столь доверчива, — сказала Вероника. Подошла к столу, ткнула пальцем в разложенную на нем карту. — Ну и в чем тут фокус?

— Самому хотелось бы знать, — ответил Алекс.

Вероника постучала длинными ногтями по столешнице, звук при этом напоминал галопирование маленькой пластиковой лошадки.

— Могу раздробить тебе коленную чашечку пулей, — заметила она Алексу, — вот только не знаю, какой от этого будет толк. — Она приблизилась к Эйприл. — Вот с ней совсем другое дело...

— Ты не посмеешь!

— Доктор Пирсон, я не шучу. Что вам известно, говорите! — И она прижала ствол пистолета к колену Эйприл.

Лицо у Алекса побагровело.

— Я ничего не знаю.

Вероника заглянула жертве в глаза.

— Такое впечатление, будто он хочет, чтобы я прострелила эту хорошенькую коленку. Думаю, в этом есть прямой смысл... двое калек будут лучше понимать друг друга.

— Прекрати, — сказал Алекс.

— Даю три секунды на размышление, — сказала Вероника. Пальцы так крепко впились в рукоятку пистолета, что даже суставы побелели.

— Он же сказал, что ничего не знает! — в отчаянии прокричала Эйприл.

— Три...

— Пожалуйста!

— Два...

Эйприл показалось, что сердце остановилось в груди. В глазах потемнело, она отчаянно боролась с навалившимся на нее дурнотой, но это было слишком.

— Почему вы не верите ему? — услышала она собственный, какой-то отстраненный и чужой голос. И тут голова ее откинулась назад, мир перед глазами завертелся каруселью и померк.

Глава одиннадцатая

Тряска. Тихая тряска, она исходила откуда-то у нее из-под головы. Эйприл заставила себя открыть глаза. Все погружено во тьму. Где она?.. Она выждала, надеясь, что глаза освоятся с темнотой, но кругом по-прежнему было черным-черно. Нет. Погоди-ка. Это же черная кожа. Ею оббито сиденье автомобиля. Она лежит в машине, на полу. Сколько она здесь? Голова просто раскалывается от боли. Выходит, она потеряла сознание? Успела ли Вероника прострелить ей коленку?

— Ну, очнулась наконец?

— Ты в меня стреляла? — спросила Эйприл.

— Сама проверь, — ответила Вероника без всякого намека на сострадание.

Эйприл медленно села и поняла, что находится в проходе между сиденьями в лимузине. Похоже, что

единственными пассажирами этой длинной машины были она и Вероника. Она ощупала левое колено — целехонько. Вытянула ногу — вроде бы все нормально. Что означало... А что, собственно, это означало?..

— Потеряла что? — осведомилась Вероника. — Или, может, кого-то?

Алекс!

— Где он? — с тревогой спросила Эйприл.

— В другой машине, сзади, — ответила Вероника. — Давай. Сама посмотри.

Эйприл переползла в заднюю часть лимузина, посмотрела в небольшое оконце с тонированным стеклом. Следом за ними ехал большой черный внедорожник. На переднем сиденье она смутно различила две фигуры.

— Откуда мне знать, что Алекс там?

— С чего взяла, что его там нет? — откликнулась Вероника. Открыла «бардачок», достала флягу и налила себе в стакан какой-то золотистой подозрительной на вид жидкости. Отпила большой глоток и закрыла глаза, точно прислушиваясь к реакции организма. — Кроме того, разве не возмутительно, что он тебе лгал?

— Он не лгал.

— Но, дорогая моя, — начала Вероника, сползая по сиденью, чтобы быть ближе к Эйприл, — он едва не позволил мне искалечить тебя. А всего-то и требовалось, что сказать, что он знает.

— Но он же говорил, что ничего не знает.

— Вот почему я и назвала его лжецом.

Эйприл не знала, верить этой женщине или нет. Это вполне в характере Вероники — играть в столь замысловатые игры.

— Что он тебе сказал?

Вероника изобразила удивление.

— Так ты что же, действительно ничего не знала?

— Конечно, нет, — ответила Эйприл и забилась в уголок самого дальнего сиденья. — Просто он защищал меня.

— Не думаю, что защита тебя входила в его планы, — насмешливым тоном заметила Вероника. А затем допила золотистую жидкость и облизнула намазанные вишнево-красной помадой губы.

— Ты что имеешь в виду?

— Понимаю, слышать такое неприятно, — начала Вероника, — но я досчитала до конца... три, два, один, а он и глазом не моргнул. Слова не сказал. Я могла размозжить тебе коленку одним выстрелом, а он молчал. — Она выдержала паузу для пущего эффекта, а потом добавила: — Ты для него пустое место.

— Врешь, — пробормотала Эйприл.

— Разве?

Какое-то время они сидели в молчании, слышался лишь шорох пролетающих мимо машин.

— Куда мы едем?

Вероника поправила прическу, откинула назад волосы, завязала в конский хвост.

— Один из наших оперативников видел, как Август отвозил «Евангелие от Генриха Льва» в Нью-Йоркскую публичную библиотеку. Когда его схватим, встретимся все на складе... в... так, дай сообразить...

— Можно подумать, речь идет о вечеринке, — сказала Эйприл.

— Ты уж поверь мне, вечеринкой тут и не пахнет, — отрезала Вероника. — Но до того как мы туда приедем, нужно задать тебе несколько вопросов об этой книге. Полагаю, тебе кое-что о ней известно, с

учетом того факта, что ты у нас довольно знаменитый библиофила.

Эйприл приятно было слышать, что она попала в знаменитости, лишь через секунду она сообразила, по какой причине. О ее отношении к похищению Библии Гуттенберга из Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, округ Колумбия, широко раструбили средства массовой информации. Нет, разумеется, новость эта на первые полосы не попала, но все равно наделала много шума, и на первых порах ее узнавали на каждом углу. Чуть ли не пальцем тыкали. Отвратительное ощущение.

Когда Алекс пригласил Эйприл на работу в библиотеку Моргана, в состоянии она пребывала ужасном, чувство вины и стыда не покидало ни на миг. Но Алекс сумел защитить ее от происков желтой прессы и даже помог собраться и обрести остатки былой уверенности. В те страшные дни Алекс стал для нее сияющей путеводной звездой надежды. И таким надежным, преданным другом он был всегда, несмотря на нелестный портрет, который нарисовала сейчас Вероника.

— Если честно, — сказала Эйприл, — я знаю только то немногое, что слышала от моего бывшего мужа.

— И что же именно? — спросила Вероника тоном репортера, пытающегося разнюхать жареные факты.

— В основном одни загадки, ничего конкретного. Он говорил, что книга эта исчезла после Второй мировой войны — и спустя пятьдесят лет неожиданно появилась вдруг на аукционе Сотбис.

— Верно, — заметила Вероника, словно сравнивая слова Эйприл с некоторыми известными только ей данными. — А он знал, где хранилась книга все эти годы?

— Если ты как следует подготовилась к заданию, то должна бы знать, что ответ на этот вопрос не известен никому.

— Но кому-то все-таки известен, — тихо заметила Вероника, и глаза ее превратились в узкие щелочки.

— Кому-то, может, и да, только не мне, — сказала Эйприл, не отворачиваясь от пронизывающего взгляда.

— Что еще он тебе говорил?

— Немного, — ответила Эйприл. — Но я помню историю, которую он рассказал как-то. О Генрихе Льве. В тысяча сто семьдесят втором году он совершил паломничество в Иерусалим. Во время этого долгого путешествия останавливался в Византии, современном Стамбуле, чтобы встретиться там с императором Мануилом Первым. Генриха Льва везде встречали с большим почтением и буквально осыпали подарками, редкими религиозными реликвиями. И вот когда пришло время двигаться в путь дальше, ему преподнесли особо ценный прощальный подарок.

— Что именно?

— Льва! Настоящего живого льва. Весьма уместный и символичный подарок, не так ли? Генрих привез зверя домой, в Брунсвик. Слышала, что кафедральный собор, который он построил вскоре после этого, был сплошь в отметинах от львиных когтей.

— Потрясающее, — заметила Вероника. — Но не на эту информацию я рассчитывала. — Она пробралась в переднюю часть лимузина и налила себе еще. — А он, случайно, не упоминал, что за реликвии подарил император Мануил Генриху Льву?

— Нет.

— А о «Черных Фемах» что-нибудь говорил?

Эйприл ответила только после паузы:

— Алекс сказал, что твой муж вроде бы был у них главным.

— Прямо так и сказал? — заметила Вероника, по всей видимости, довольная тем, что может подтвердить эту информацию, хоть и не впрямую.

— Ты ведь тоже член этого общества?

Вероника усмехнулась:

— Девочка моя дорогая, если бы ты хоть что-нибудь знала о нашем братстве, то понимала бы, что ответить на этот вопрос я никак не могу.

— Да это я так, просто из любопытства. Никогда не читала о средневековых орденах, членами которых могли стать женщины.

Вероника поболтала напитком в стакане.

— Тогда, наверное, тебе нужно побольше читать. Но Эйприл решила не отступать.

— Не могу представить, чтобы «Черные Фемы» могли наделить хоть какой-то властью женщину. А это, в свою очередь, означает, что ты такая же пешка в игре, как и я.

— Это не игра, — сказала Вероника.

Эйприл уже собиралась ответить, но повернула голову и увидела: внедорожник врезается в хвостовую часть лимузина. Удар был достаточно сильный, она так и слетела с сиденья.

— Они что, с ума сошли? — воскликнула она, поднимаясь с пола.

— Не знаю, но собираюсь выяснить, — пробормотала в ответ Вероника, раздосадованная тем, что от удара напиток расплескался. — Какого черта...

Последовал второй удар, еще более сильный. Эйприл так и сорвало с сиденья и бросило прямо вперед, на Веронику.

— Слезь с меня! — взвизгнула та.

— Но ты же вроде собиралась их остановить? — сказала Эйприл, видя в заднее окно, как внедорожник продолжает толкать лимузин.

Властность и сила, которые прежде демонстрировала Вероника, куда-то испарились. Она сорвала трубку, закрепленную на внутренней стенке машины, и набрала номер.

— Черт, от удара, должно быть, сломался.

Эйприл подползла к разделительной панели из плексигласа между передней и задней частями автомобиля и всмотрелась вперед. А потом начала бить кулаком по перегородке, в надежде привести в чувство водителя, который был без сознания или же просто мертв. Голова его болтала из стороны в сторону, точно прикрепленная к туловищу на веревочке. Джип столкнул их к обочине, разносчик товара едва успел отскочить в сторону. Удар пришелся в тележку, хот-доги, что находились в ней, разлетелись в разные стороны.

Мотор джипа взревел, он снова налетел и ударил сзади, вытолкнул их на самый край обрыва возле Ист-Ривер. Неуправляемый лимузин пробил толстые доски ограждения и устремился вниз, к кромке воды.

Эйприл запаниковала, бросилась к дверцам. Судорожно задергала одну ручку — дверца не открывалась.

— Не трать время! — крикнула ей Вероника. — Дверцы может открыть только водитель.

— Думаю, помочь он нам не в силах, — сказала Эйприл и ухватилась за стенку, теряя равновесие. — Если хотим открыть двери, надо перебраться через перегородку! Где твой пистолет?

Лимузин, подпрыгивая, точно лодка на волнах, мчался вниз по склону, прямо к темной воде. Эйприл

затошнило, но не от этой качки, а от осознания неминуемой гибели.

Вероника выхватила пистолет, нацелила его на Эйприл.

— А ну, тихо!

— Да не в меня стреляй, в перегородку! — взвизгнула Эйприл. — Иначе нам отсюда не выбраться!

— Я сказала, не дергайся! Из этой машины живой тебе не выйти!

— Но что, если они тебя используют? Что, если хотят избавиться от нас обеих?..

— Нет, — ответила Вероника. — Это не так.

— Да ты в окно посмотри! И уже потом скажешь, права я или нет!

Тут лимузин вылетел на пирс и резко накренился. Женщин отбросило в сторону, к боковому окну. Пистолет выпал из руки Вероники, Эйприл метнулась к нему.

— Отдай мне! — пронзительно взвыла Вероника каким-то нечеловеческим звериным голосом.

Пальцы Эйприл сомкнулись на рукоятке пистолета, в этот же момент ногти Вероники впились ей в шею. Точно крохотные кинжалы, они рвали и царапали кожу. Эйприл вскрикнула от боли и выпустила пистолет из рук. Вероника бросилась вперед, стремясь завладеть оружием, толкнула Эйприл, и та ударила лицом в пол.

И вот теперь после все этой возни и борьбы женщины находились лицом друг к другу. Эйприл вскинула руки вверх, давая понять, что сдается, ствол пистолета был нацелен на нее. Она понимала, что упустила единственную возможность спастись и теперь неминуемо умрет.

Вероника согнула палец, лежащий на спусковом крючке.

И тут вдруг сзади с ревом налетел внедорожник. В задней части лимузина послышался душераздирающий скрежет металла, машина получила сильнейший толчок. В ту же секунду грянул выстрел, пуля срикошетила от пулепробиваемого стекла заднего окна. Эйприл зажмурилась, с характерным звуком буквально в сантиметре от уха просвистела ее смерть. Потом открыла глаза и увидела, куда попала пуля — прямо Веронике в лоб. Тонкая алая полоска крови словно перечеркивала ее лицо, а сама она безжизненно сползла на пол, где осела бесформенной кучей.

Несмотря на весь ужас этого зрелища, Эйприл продолжала искать выход из обреченного на гибель лимузина — ею руководил чисто животный инстинкт выживания. Она выхватила пистолет из бледной руки Вероники и без долгих раздумий выстрелила в перегородку. Услышала, как срикошетившая пуля шлепнулась на сиденье рядом с ней, а плексигласовой перегородке хоть бы что, на ней осталась лишь еле заметная вмятина. Слезы покатились по щекам Эйприл. Она отчаянно заколотила рукояткой пистолета по перегородке, била и била — до тех пор, пока рука не заныла от боли. А на плексигласе по-прежнему ни царапинки.

Лимузин подкатил уже к самому концу пирса и, точно запущенная в космос ракета, устремился вниз, в черные воды реки. Эйприл поняла: это конец, час пробил, настали последние секунды ее жизни. Она скорчилась на сиденье, с ужасом наблюдая за тем, как вскипают и пузырятся воды вокруг тонущего лимузина, который медленно, даже как-то лениво

уходил все глубже, к конечному пункту своего назначения — на дно реки.

Эйприл слышала, что смерть от утопления не слишком мучительна, но когда вода начала просачиваться в салон машины, задалась вопросом: кто мог знать это наверняка?

«Скоро я узнаю, правы они или нет», — мелькнула в голове мысль, пока лимузин все глубже погружался в бурлящую тьму.

Глава двенадцатая

— Бежим! — крикнул Август, схватил Чарли за руку и метнулся вверх по ступенькам, ведущим к входу в библиотеку. Казалось, что верхняя площадка находится в нескольких милях отсюда, что Лукас движется с невероятной быстротой и вскоре догонит их. Если удастся вбежать в здание, они спасены. Дежурившие на входе охранники для них не помеха, а вот вооруженного до зубов Лукаса задержат наверняка.

— Пап! — крикнул Чарли. — Я больше не могу!

— Сможешь! — крикнул в ответ Август, продолжая тащить сына за собой.

А Лукас все ближе — теперь их разделяют всего несколько ступеней.

Входящие и выходящие из библиотеки не могли не заметить, что происходит что-то странное. Ноказалось, им было все равно. Никто же еще не умер. Никто не кричал о бомбе или террористах. Видно, подумали, что в библиотеку стремятся попасть на перегонки какие-то сумасшедшие. Валяют дурака.

Двери уже почти рядом. В толпе туристов Август потерял из вида Лукаса. Он может быть где угодно, готовый наброситься на них в любой момент.

Август резко развернулся посмотреть, нет ли за спиной Лукаса. Но увидел только Чарли, запыхавшегося и перепуганного насмерть.

И вот они преодолели последние несколько футов, и Август распахнул дверь в здание. Переступив порог, он испустил вздох облегчения.

— Едва успели, — пробормотал он.

Но Чарли такого облегчения не испытывал. На-против, лицо его исказилось от ужаса. Одна рука осталась снаружи, за дверью, и в нее намертво вцепился Лукас Дейрол.

— Папа!

Лукас отвернулся и вытащил нож.

— Не отпускай мою руку, Чарли, держись! — крикнул Август и что было сил потянул мальчика к себе. — Не отпускай, что бы ни случилось!

— Пап!!!

— Держись, Чарли! — И с этими словами Август рванул сына к себе с такой силой, что, показалось, вот-вот оторвет ему руку. К счастью, мальчик проскочил в дверь целым и невредимым и сразу оказался в объятиях отца.

Тут к ним подскочил внушительных габаритов охранник.

— Что здесь происходит?

Через стекло Август видел: Лукас уже исчез.

— Просто у моего сына рука застряла в двери, — ответил он, крепко прижимая к себе Чарли. Мальчик весь дрожал.

— Сынок, — обратился охранник к Чарли, — с тобой все в порядке?

— Да, — выдавил Чарли. — Просто немного растерялся. Ерунда.

— Ты уверен? — спросил охранник, окинув Августа подозрительным взглядом.

— Абсолютно.

— Ладно, — пробормотал мужчина и похлопал ребенка по плечу. — И пока ты здесь, постарайся не совать руки куда попало. Здесь у нас никак библиотека.

— Мы это учтем, — сказал Август и, держа сына за плечи, отвел его в сторону.

Поднимаясь по длинной изогнутой лестнице, Август то и дело оборачивался, косился на входную дверь. Но Лукаса видно не было. Может, ищет другой вход или вознамерился просто ждать их на выходе. Как бы там ни было, неприятности еще не закончились, ухо надо держать востро.

— Где дедушка? — спросил Чарли.

— Не знаю. Надеюсь, что где-то поджидает нас. Хотя, если честно, это не в его стиле.

Они довольно долго шли по коридорам и холлам, пока не оказались в главном читальном зале библиотеки. Просторное помещение около трехсот футов в длину, с потолками высотой выше пяти футов, имитирующими синее небо с нанесенными специальной краской облачками. Зал являлся своего рода святилищем для нью-йоркских библиофилов. С потолка свисали роскошные тяжелые люстры. Кругом размещались дубовые письменные столы. А вдоль стен тянулись целые легионы книг, точно смелые стражи, готовые вступить в битву с невежеством.

Отец и сын двинулись по главному проходу в середине. Для Чарли это вполне знакомое путешествие,

хотя он по-прежнему с восхищением и любопытством оглядывал выставленные вдоль стен сокровища.

Август остановился у столика дежурного библиотекаря. Девушка сразу же вспомнила посетителя. Ведь он был единственным мужчиной в библиотеке — а возможно, и во всем городе — в шерстяном пальто спортивного покроя. Библиотекарша указала на соседнее помещение.

— Пойдете туда и спросите доктора Джонатана Ротшильда, — сказала она.

Август растерялся. Доктор Ротшильд был старым другом семьи, его часто приглашали пролить свет на загадочное происхождение той или иной древней книги. Но Август не видел его много лет.

— Я думал, доктор Ротшильд здесь давно не работает, — пробормотал он.

— Ну почему же, работает, — заметила девушка с улыбкой, предполагавшей, что за ней последует шутка. — А вот посещает нас не часто. Как иудеи, по субботам.

— Стало быть, его работа — одна затянувшаяся суббота.

— При чем тут суббота? — удивился Чарли.

— Ну, это своего рода отпуск у иудеев.

— А что такое отпуск?

— Это... — Тут Август умолк на секунду. — Хаха! Так, понял. Твои родители — трудоголики, у них никогда не бывает каникул.

— Может, тебе стоит как-нибудь устроить субботу для себя?

— Наверное. Но только не сейчас. Сейчас нам надо выяснить, что же это затеял твой вконец обезумевший дедушка.

Они вышли из главного читального зала, комнаты под номером 315, и вошли в меньшее по площади помещение, комнату под номером 328, читальный зал редких книг и манускриптов. Остановились у справочной и спросили доктора Ротшильда. И вот через несколько секунд он появился — пожилой мужчина с хмурым и озабоченным выражением лица, которое лишь подчеркивалось седыми отвислыми усами, украшающими верхнюю губу.

— Ваш отец предупредил, что вы скоро будете здесь, — сказал он, нервно озираясь по сторонам. — Идемте за мной.

Глава тринадцатая

И вот Август, стараясь держать сына поближе, последовал за доктором Ротшильдом. Он знал, что Чарли, находясь в отделе редких книг, не раз попадал в неприятности — ручонки сами так и тянулись к соблазнительно толстым, богато украшенным иллюстрациями томам. Август разделял пристрастия сына, однако понимал важность и необходимость держать библиотечное собрание в целости и неприкосновенности.

Доктор пошептался с дежурной, попросил ее как можно деликатнее удалить всех немногочисленных посетителей из зала. Библиотекарша принялась за дело, проявив недюжинную обходительность и смекалку. Ротшильд выждал, пока помещение не опустеет, затем подвел Августа и Чарли к массивному дубовому столу в дальнем углу, за которым восседал Кливленд.

— Ну, где вы пропадали так долго? — недовольно спросил он, точно был судьей с хронометром, отсчитывающим каждую долю секунды.

— Еще раз столкнулись с нашим другом Лукасом, — пояснил Август.

— Все в порядке?

— Пока да. Но вполне возможно, этот тип поджидает нас где-нибудь на выходе.

— Ладно... дело прежде всего, — сказал Кливленд и уставился на «Евангелие от Генриха Льва», книгу, лежавшую перед ним на столе. Так патологоанатом смотрит на эксгумированный труп.

Доктор Ротшильд откашлялся.

— Ваш отец только что объяснял мне, что «Черные Фемы» твердо вознамерились заполучить эту книгу.

— Вы знаете об этом тайном обществе? — спросил Август. Он всегда считал доктора типичным ученым, книжным червем, вгрызающимся в пожелтевшие страницы старинных книг и манускриптов и не видящим ничего вокруг.

— Знает ли он? — едва не рассмеялся Кливленд. — Да наш доктор Ротшильд и сам некогда был членом этого братства!

Август чисто инстинктивно крепко сжал руку сына.

— Пап, а ты знал об этом? Что, если это ловушка?

Настал через доктора усмехаться:

— Сынок, твой отец, а теперь и достопочтенный дедушка, судя по всему, так и не поведал всю историю до конца, — заметил он. — Некогда и он состоял в этом тайном обществе.

Август придвигнул стул, уселся.

— Почему ты мне не сказал?

— Ты не спрашивал, — ответил Кливленд.

— Я не спрашивал? — возмущенно воскликнул Август. — Разве я мог, должен был спрашивать, при надлежишь ли ты к организации, которая пыталась убить нас? Мне и в голову не приходило! Неужели ты не понимал, что эту информацию мне знать полезно и необходимо?

— Все это было давным-давно, — произнес Ротшильд. — И для меня, и для него. С тех пор «Черные Фемы» сильно изменились. Некогда это было сообщество интеллектуалов. А не монстров, в которых они превратились теперь.

— Хотел бы я видеть это интеллектуальное сообщество, — насмешливо пробормотал Август. — Что же вы обсуждали? Как контролировать мировую экономику? Какого президента сбросить и кого назначить вместо него? Что-то подсказывает мне, что это ваше «интеллектуальное сообщество» было далеко не подарком.

— Может, и так, — ответил Кливленд. — Но людей мы не преследовали и не убивали, это определенно.

— Когда это было?

— Когда мы жили в Англии, давно, — ответил Кливленд. — Когда твоя мама еще была жива.

При упоминании о матери Август помрачнел. А потом попросил:

— Расскажи мне все.

— Что ж, хорошо, — сказал Кливленд таким тоном, точно собирался сознаться в преступлении. — Знай одно: лично я никогда не намеревался становиться членом этой организации. Они были — это ясно и из названия — сообществом людей, преследующих темные и низкие цели. Но однажды наши пути

пересеклись, и так случилось, что у меня просто не оставалось выбора.

— Выбор есть всегда.

— Когда-то и я тоже так думал, — заметил Кливленд, и в голосе его слышалось сожаление. — Тогда я только что открыл книжный магазин на Сэквилль-стрит, в самом сердце лондонского Вест-Энда. Состоялось торжественное мероприятие. Присутствовал даже один из членов королевской семьи, хотя я не видел его и меня не представили. Думаю, эту историю придумал мой партнер по бизнесу, Бартоломью Рэндел. Как бы там ни было, реклама сработала. Только за первую неделю удалось продать несметное количество книг, ими башню Биг-Бена можно было бы заполнить. А в светских кругах стало модным говорить, что ты посетил наш книжный магазин. Еще модней и круче стало сказать, что ты приобрел там какую-то особо ценную и редкую книгу. Но привлекать всеобщее внимание — это, знаешь ли, не всегда хорошо. К нам потянулись жулики всех мастей, худшим из которых оказался человек по имени Весли Чоу.

— Противное имя, — заметил Чарли.

Кливленд кивнул в знак согласия:

— И очень подходящее! Как-то раз он заявился в магазин и потребовал, чтобы его отвели к Бартоломью. А когда я спросил, с какой целью, он ответил, что компаньон приобрел для него некую книгу и он хочет договориться о цене. Я принял его за важного богатого клиента, тут же вызвал Бартоломью в зал и представил его Весли. Если бы я тогда знал...

— Тебе не в чем себя винить, — вставил доктор. — Он многих из нас обвел вокруг пальца. Обманул.

— Меня не обманывал, — сказал Кливленд. — А вот Бартоломью попался на удочку. Сразу угодил в ловушку к этому мерзавцу.

— Как?

— Если нахмурился, когда я представил его компаньона. И сказал, что Бартоломью, которого он разыскивает, выглядит гораздо старше, а потому и в охоте за редкими книгами поднаторел больше. Тогда мой товарищ спросил, какую именно книгу он ищет, и добавил, что, возможно, он сможет чем-то помочь. Если объяснил, что договаривался с другим Бартоломью — теперь я уверен, что этого человека не существовало вовсе, — и просил его достать ему книгу под названием «Евангелие от Генриха Льва». И что якобы у того, второго, была эта книга и он хотел продать ее, но за очень высокую сумму. И тогда я, сгорая от любопытства, спросил, сколько же стоит эта книга. И едва не упал, когда Если ответил: восемь миллионов фунтов.

— Восемь миллионов фунтов чего? — спросил Чарли.

— Фунт — это денежная единица. Как у нас доллар, — объяснил сыну Август.

— Да я пошутил, пап, — сказал Чарли. И обернулся к деду. — Но что тогда означали эти восемь миллионов футов? Это очень дорого?

— Точно не скажу, но знаю одно: в то время это была просто непомерная сумма за редкую книгу. Вскоре Если ушел, но перед этим не забыл всучить Бартоломью свою визитку. И вот с того момента компаньон занялся поисками этой книги. И задача оказалась куда сложнее, чем он думал вначале. Книга пропала свыше сорока лет назад, известно, что последними ею владели нацисты. Но заветная мечта —

восемь миллионов фунтов — не позволяла отступить, и в конце концов он ее нашел.

— Так он действительно нашел «Евангелие от Генриха Льва»?

— Это было приблизительно за десять лет до того аукциона в Сотбис, черная дыра, полное отсутствие информации о книге за это время. И хотя я никогда не видел ее собственными глазами, до сих пор считаю, Бартоломью говорил правду. Возможно, в этом окончательно убедила меня его смерть.

Чарли так и ахнул:

— Так это члены «Черных Фем» убили его?

Кливленд продолжил:

— Примерно через шесть недель после встречи с Весли Бартоломью исчез. Поначалу отсутствие его никого не обеспокоило, в погоне за какой-нибудь редкой книгой он мог обогнать полмира. А встревожился я после того, как обнаружил его календарь, он остался на столе, лежал открытым. Дата «6 декабря» была обведена кружочком. Как раз сегодняшнее число. А ниже красовалась надпись: «Встреча с Весли в книжном в 3 часа дня». Помню, я взглянул на часы. Четыре. Может, они решили изменить место встречи? Но внутренний голос подсказывал — случилось нечто ужасное. Его тело обнаружили два дня спустя, его прибило к берегам Темзы. Горло перерезано, а на груди ножом кто-то вырезал четыре буквы: SSGG.

— Я видел этот знак прежде, — озабоченно нахмурился Август. — Вот только не знаю, что он означает.

— Я тоже тогда не знал, — сказал Кливленд. — А полиция так и не занималась толком расследованием убийства. Сочли, что это дело рук какой-то уличной банды. И поскольку никаких зацепок в деле так и не появилось, они его закрыли. Но я продолжил

охоту и в конце концов нашел нечто, что привело меня прямиком в лапы братства «Черных Фем».

— Вот это сюрприз, — пробормотал Ротшильд. — Никогда прежде не слышал этих подробностей. Очень любопытно знать, что же привело вас в тайное общество?

— Ну, мне до истории вашей дружбы с ними далеко.

Чарли с жадным нетерпением смотрел на доктора.

— Отложим эту сказку на потом, — сказал он.

И Кливленд продолжил:

— И вот в конце концов мне удалось найти «Черные Фемы» и установить, что именно это общество имело отношение к смерти Бартоломью. Причем произошло это чисто случайно. Один немецкий бизнесмен продал мне книгу, которая хранилась у него в семье на протяжении почти шестисот лет. Сама книга не представляла ничего особенного, однако сохранилась прекрасно, и я понимал, что смогу продать ее за приличную сумму. И вот однажды вечером я стал проглядывать эту книгу, тщательно осматривая каждую страничку, как вдруг из книги выпал конверт. Хрупкий, пожелтевший от времени. А внутри — один-единственный сложенный пополам листок бумаги, и на нем несколько строк, написанных от руки, по-немецки. Я достаточно хорошо знаю этот язык, чтобы разобрать содержание записи.

— И что же в ней говорилось?

— Предупреждение, посланное другу. По некой неизвестной причине братство «Черные Фемы» решило убить этого человека. В письме упоминалось и свидетельство этих жестоких намерений — выведенные на двери потенциальной жертвы четыре буквы: SSGG.

— Как отметины, оставленные на груди Бартоломью.

— Да, именно.

— Но вы так до сих пор и не сказали, что же они означают, — заметил Август. — Вам это известно?

— Боюсь, что да. Это начальные буквы четырех слов: Strick, Stein, Gras, Grun, что в переводе означает — «Веревка», «Камень», «Трава», «Зеленый». И относятся они к ритуалу, через который проходит каждый вступающий в тайное общество. Штульгерр — главный судья — опускает на шею новообращенного петлю, свитую из липовых волокон. Это и есть «веревка». Затем с помощью шпаги с двумя рукоятками судья колет новообращенного в шею и выдавливает несколько капель крови. Делается это для того, чтобы напомнить претенденту: отныне жизнь его целиком в руках тайного общества, и если он когда-нибудь предаст, то заплатит за это смертью. А стало быть, «камень», то есть надгробие, и зеленая трава на могиле. И вот наконец новообращенный цепляет шпагу судьи между рукоятью и лезвием — знак креста — и произносит клятву, которая навеки запала мне в память.

Старший Адамс прокашлялся и повел дальнейшую речь торжественным голосом:

— Клянусь Священным Союзом, что отныне и навсегда буду беречь, помогать и хранить втайне существование «Священных Фем» от жены и ребенка, отца и матери, сестры и брата, огня и ветра, от всего, на что светит солнце и поливает дождь, от всего, что находится между небом и землей. И в особенности — от человека, который знает закон и готов предстать перед этим свободным трибуналом, перед коим нахожусь сейчас я, зная все, что

относится к тайной юрисдикции императора. То, что я сам знаю, есть правда, или же я слышал, что это правда, от людей, которым можно доверять; то, что требует исправления или наказания; то, что не относится к священному нашему союзу; то, за что можно судить или, с согласия обвинителя, отпустить с миром. И буду верен я этой клятве, и не предам братьев своих ни за страх, ни за любовь, ни за золото, ни за серебро, ни за камни драгоценные; и буду лишь укреплять этот трибунал и юрисдикцию его всеми своими пятью чувствами, всеми силами, что есть у меня. И еще клянусь, что не променяю священное сообщество наше ни на что на свете и буду служить ему верой и правдой; и еще клянусь, что отныне и навсегда буду почитать этот свободный трибунал превыше всех других судов и судилищ. Клянусь держать данное здесь слово твердо, и да помоги мне в том Господь и Его Священное Писание.

Кливленд отдохнул, а потом продолжил:

— Каждый вступавший в ряды тайного общества должен был произнести эту жестокую, по сути, клятву. И мне дорого обошлось знакомство с этими людьми. Но я очень хотел узнать правду о гибели Бартоломью, а также о причине, по которой члены тайного общества так хотели завладеть «Евангелием от Генриха Льва».

Август как раз собирался спросить отца, удалось ли ему раскрыть две эти тайны, как вдруг в здании вырубилось электричество. Лампочки погасли, кондиционер заглох, все погрузилось в непривычную, даже какую-то зловещую тишину. Поначалу Август подумал: уж не дело ли то рук Лукаса? Но тут вошла библиотекарша и заявила, что слушала радио — в наушниках, разумеется, — и там сообщили, что энер-

гетический коллапс вызван перегрузкой — слишком много кондиционеров в городе использовали одновременно.

— Какие районы пострадали? — спросил доктор Ротшильд.

— Весь Манхэттен, как в две тысячи третьем, — ответила она. Лицо испуганное, что видно даже в полумраке, где единственным источником света было слабое золотистое сияние, просачивающееся сквозь стеклянный купол здания.

— Сделайте объявление, — сказал доктор. — Пусть все читатели расходятся по домам.

— Да, но мы закрываемся только в...

— Когда стемнеет, обстановка еще более осложнится. Идите, делайте объявление. Прямо сейчас.

Библиотекарша исчезла во тьме. Они слышали, как она обращается к посетителям в соседнем зале, объясняет им ситуацию. И тут же загремели отодвигаемые стулья, а затем послышался топот ног — люди направлялись к выходу.

— Вот теперь Лукас может свободно проникнуть в здание.

— Или, напротив, незаметно выскользнуть, — сказал Кливленд, поднялся из-за стола и взял «Евангелие от Генриха Льва».

— Выскользнуть? Но ведь нам надо поподробнее поговорить с доктором об этой книге. Именно за этим мы к нему пришли, разве нет?

— Если вы думаете, что я Штульгерр, то ошибаетесь, — произнес Ротшильд, предвосхищая следующий вопрос. — Хотя мне и известно, где можно его найти.

— Где?

И тут Чарли тихо окликнул из другого конца помещения:

— Пап?

— Ты что там делаешь? — спросил Август и тут же подумал: как и когда могли незаметно похитить сына? — И почему разговариваешь шепотом?

— Поди сюда!

Август поспешил к мальчику, который присел на корточки у двери, ведущей в главный читальный зал.

— Посмотри, — прошептал он и указал на узенький балкончик, огибавший соседнее помещение по периметру.

Август присмотрелся и различил шестерых мужчин в черных костюмах. И, судя по всему, они наблюдали за покидавшей зал толпой посетителей.

— Как думаешь, может, они нас ищут? — спросил Чарли.

— Нет, — ответил Август. — Они ищут «Евангелие от Генриха Льва».

И вот они с Чарли поспешили обратно, к доктору Ротшильду и Кливленду.

— Надо уходить, и быстро. Сюда прибыли члены «Черных Фем».

— Ты хочешь сказать, Лукас? — спросил Кливленд.

— Лукаса я не видел, но думаю, он тоже где-то здесь, поблизости, — ответил Август. И обернулся к доктору Ротшильду. — Так, говорите, вы знаете, где найти Штульгерра?

— Знаю, — еле слышно ответил тот. Похоже, ему не очень-то хотелось отвечать на этот вопрос.

— Есть проблемы?

— Боюсь, вам не понравится ответ.
 И тут возле самой двери прозвучал низкий голос — какой-то мужчина говорил с библиотекаршей.
 — Пошли отсюда, — занервничал Август. — А вы, доктор, просто обязаны сказать мне, где найти Штульгерра!

Ротшильд достал из кармана блокнот, вырвал из него страничку, сложил пополам, протянул Августу.
 — Вот, подготовил заранее. Не читайте до тех пор, пока не потеряете меня из вида.

Август взял протянутый ему листок.
 — Но почему?

Доктор схватил его за руку и повел к двери в задней части зала.

— Потому что мне не хотелось бы находиться на расстоянии меньше пятисот футов от вас, когда вы узнаете, кто такой Штульгерр! — С этими словами он распахнул дверь, и Август вышел, а следом за ним — Чарли и Кливленд.

Но Августу не терпелось узнать ответ, и он развернул листок. Всего одна строка: «Перевернуть гадкую мифологию библиотекарши».

— Что это означает? — воскликнул Август.
 — Я же просил вас не читать раньше времени! — сердито заметил доктор. — А теперь убирайтесь отсюда, живо!

— Прощай, старый друг! — сказал Кливленд.
 — Обо мне не беспокойтесь. Я уже давно готов к смерти, — с этими словами он плотно затворил дверь.
 Не прошло и секунды, как они услышали за дверью грохот выстрелов, затем — звук падающего на пол тела.

Глава четырнадцатая

Лед. Он повсюду, он полностью закрывал землю. Если уж совсем точно — ровно девяносто восемь процентов земли. Тут было столько льда, что если бы он вдруг растаял разом, то воды Мирового океана поднялись бы на двести футов — достаточно, чтобы затопить береговые линии всех континентов. В Америке исчезли бы Вашингтон, округ Колумбия, Балтимор, Филадельфия и Нью-Йорк, а штат Флорида затопило бы полностью. И все восточное побережье — тоже. Да что там Америка, все остальные страны и города — Лондон, Копенгаген, Осло и Бангкок, за исключением немногих — оказались бы под водой. Пока что это еще не стало трагической реальностью, но с учетом глобальных изменений климата на планете вполне могло произойти.

Только не сегодня.

Ивонн Сегур проверила температуру воздуха. Минус тридцать по Фаренгейту. У них выдалась еще относительно теплая ночь, если сравнить с другими антарктическими базами. Но недостаточно теплая, чтобы обойтись без специального многослойного нижнего белья, уж не говоря о верхней одежде, разработанной для сверхнизких температур, а именно парки.

Ивонн посмотрела на себя в зеркало. Прямо снежный человек какой-то, а не женщина. Ярко-оранжевая парка, чтобы человека было видно издалека, с большого расстояния и даже в сероватой туманной дымке, что постоянно окружала окрестности. Но только не ночью. Ночью вообще ничего не разглядеть.

— Ты чего там делаешь, Айви?

Она вздрогнула, обернулась.

— Господи, Николя, ты меня напугал.

Француз вошел в помещение с бокалом вина в руке. Он почти не расставался с ним.

— А все наши удивляются, куда это ты запропастилась, — сказал он. — И я тоже.

— Еще бы, — пробормотала она в ответ. Последние несколько недель Николя из кожи вон лез, чтобы убедить ее бросить своего дружка, находившегося на расстоянии тысяч миль отсюда. Пока что это ему не удавалось.

— Могу помочь тебе вылезти из этого костюма, — сказал он с акцентом, особо подчеркивая последнее слово. Подошел и взял со столика толстые перчатки. — Зачем это ты вообще в него вырядилась, а?

— Для выхода.

— Куда? На улицу? О чем это ты, черт возьми?

Оба знали, что выходить на улицу ночью здесь не просто глупо — смертельно опасно. Она вырвала у него из рук перчатки.

— Вон! Пошел отсюда! Или у тебя до сих пор проблемы с английским?

Он смотрел с нескрываемым любопытством.

— Играешь со мной, да? — Протянул руку, ухватил застежку молнии на парке. — Потому как если ты... — Потянул застежку, молния раздвинулась на дюйм. Айви усмехнулась:

— Ну когда ты наконец поймешь?

Николя рассмеялся.

— Никогда, наверное.

Молния раскрылась еще на несколько дюймов.

— Я же говорила тебе. У меня есть друг. Парень.

— А я говорил тебе, мне на это плевать, — пробормотал он и раздернул молнию до конца.

— Но что подумают остальные? Почему нас до сих пор нет?

— Да пусть думают что хотят. Все уже пьяные.
— Это ты пьян.

Николя поставил бокал на стол и, запустив руки под парку Айви, крепко обнял ее за талию.

— Похоже, ты удивлен, что я позволила тебе зайти так далеко?

— Еще как, — пробормотал в ответ Николя. И, весь дрожа от возбуждения, поцеловал ее в шею, за ухом. — Никогда раньше не позволяла заходить так далеко...

Сегур обняла его за шею.

— Может, я просто ждала подходящего момента.

И с этими словами она вонзила прямо ему в спину, под лопатку, кинжал с острым шестидюймовым лезвием, который до этого прятала под паркой. Николя медленно осел на пол. Айви, хмурясь, смотрела на неподвижное тело и размышляла о том, что при других обстоятельствах не помешало бы им сойтись поближе. Впрочем, теперь нет времени для подобных размышлений. Есть дело, которое надо завершить.

Она взглянула на наручные часы. Все остальные члены экспедиции разойдутся спать не раньше чем через час. Николя, наверное, говорил правду — они сильно напились. Вечера команда базы Ньюмейера проводила по большей части за распитием спиртных напитков, игрой в карты, потом пили еще и еще и лишь иногда — когда пить просто надоедало — отвлекались на прямые свои обязанности — измерение температур и анализ собранных данных.

Кровь Николя Айви вытерла с пола одеялом, затем в него же завернула тело и затолкала этот сверток под одну из коек. Потом застегнула парку на молнию, захватила перчатки и другие необходимые вещи и,

выйдя из комнаты, направилась по коридору к загрузочному люку.

— Айви?

Она продолжала шагать.

— Это ты, Айви?

Она обернулась.

— Доктор Марш, вы уже считали показания со спутников?

— Не совсем, то есть не до конца, — пробормотал он в ответ. — Ты, случайно, Николя не видела?

— Как раз собираюсь встретиться с ним у дальнего входа. Там проблема с одним из лифтов. Хочет, чтобы я взглянула.

— Могу прислать Малькома, если хочешь.

— Нет необходимости. Думаю, мы с Николя вполне справимся вдвоем.

— Хорошо, — кивнул доктор и вдруг спросил: — Все в порядке? В последнее время ты стала какой-то нервной...

— Слишком много дел и проблем, есть над чем поразмыслить, — ответила она, с тревогой наблюдая за тем, как Марш потянулся к ручке двери, за которой находилось помещение, где она убила Николя.

— Да, у всех нас наблюдается то же самое, — протянул доктор Марш и открыл дверь.

— Позже поговорим, — заметила она и, развернувшись, зашагала по коридору. Сердце тревожно и громко билось в груди под паркой. Она старалась отойти как можно дальше, прежде чем он заметит, что произошло с Николя.

— Айви!

Она так и застыла на месте.

— Да?

Обернулась, полезла под парку за пистолетом. Дрожащие пальцы сомкнулись на спусковом крючке.

— Это твое? — Он держал в руке какой-то предмет.

В сумеречном освещении коридора Айви никак не могла разобрать, что это такое. Щелкнула предохранителем.

— Что там у вас? — Она судорожно перебирала в уме все возможности и варианты. Может, она забыла выдернуть нож из трупа? Никак не удавалось вспомнить...

Марш шагнул и оказался в свете лампы. Только тут она увидела, что он держит в руке бокал Николя.

— Вообще-то это довольно невежливо и глупо, вот так разбрасываться хорошим добрым мерло. Следующая поставка морем ожидается только через месяц.

— Постараюсь принять это к сведению, — сказала Айви. Обычно любые замечания она принимала в штыки, но обстоятельства требовали сдержанности.

Путь по коридору показался бесконечным. И вот наконец она добралась до двери в шлюзовую камеру, приблизила лицо к запорному устройству, чтобы то сканировало сетчатку ее глаз. Замок щелкнул, дверь отворилась, она вошла в камеру. Там она натянула перчатки, плотный шлем, надела специальные защитные очки, словом, сделала все, чтобы защитить особо чувствительные участки кожи лица и рук, когда откроется наружная дверь. Тридцать ниже нуля — это, конечно, не самый страшный вариант, бывало и хуже, весь вопрос только в том, сколько времени ей придется пробыть на холодах.

И вот с шипением дверь шлюза отползла в сторону, и взору ее предстал ледяной полярный пейзаж. На миг Сегур засомневалась в успешном исходе дела — что, если шум, который она поднимет,

услышат члены команды Ньюмейера? А впрочем, неважно. Все перепились, все равно не успеют среагировать.

В свете ярких ламп, что свисали с потолка над головой, был виден транспорт, на котором собиралась ускользнуть Айви, — специально разработанный для условий Арктики красный гусеничный снегоход фирмы «Пистон Були». Она сбежала к нему по настилу, открыла боковую дверцу, влезла в кабину. Повернула ключ зажигания, который никогда не вынимали из замка, прислушалась к сердитому ворчанию мотора — ну прямо как медведь, которого вывели из спячки.

Айви сдала назад и отъехала от входа в загрузочный отсек по настилу. Затем включила передние фары снегохода и оглядела здание полярной станции, которое раскинулось перед ней во всей своей странной футуристической красоте, — корпус в виде широченной трубы крепился на нескольких высоких изогнутых ножках. Сооружение походило на гигантского белого жука, и вообще все вокруг напоминало кадр из фантастического фильма. Что было близко к истине, поскольку станция изначально предназначалась для работы на окололунной орбите. И нынешнее ее местонахождение было ненамного ближе.

Она сняла перчатки и очки. Вздохнула, глядя, как воздух изо рта моментально превращается в пар. И, вся дрожа от холода, включила в снегоходе отопление. Потом полезла во внутренний карман парки, достала из него устройство, напоминающее маленький переносной радиопередатчик, с той разницей, что у этого вытянулся на передней панели целый ряд кнопок. Надавила на первую и увидела, как в ниж-

ней части полярной станции загорелся маленький красный огонек.

Вот оно. Крохотная красная точка вдалеке.

Мысленно Айви представила, что вскоре будет происходить с людьми внутри. В том числе и с Ньюмейером. Ощущение нехватки воздуха. Помутнение в глазах. Тошнота, которая вскоре превратится в просто невыносимую тошноту. Мышечные судороги. Кровотечение из носа. Жжение в легких. А затем — смерть.

Она взглянула на часы. Еще десять минут — и вся станция наполнится ядовитой воздушной смесью. Оставалось только ждать. Почему она не захватила с собой какую-нибудь книжку?..

Снова взглянула на часы. Осталось девять с половиной минут. Время тянулось с удручающей медлительностью. Как такое возможно? Примерно то же самое ощущение испытала она на задании в Гонконге — тогда то было худшее, самое мучительное ожидание из всех в ее жизни. Там она изображала прости-тутку, вступила в связь с британским дипломатом и отравила его бокалом вина. Первые несколько минут наблюдала за тем, как он судорожно хватает ртом воздух, и едва сдерживалась, чтобы не броситься к телефону и вызвать «Скорую». Но разум возобладал над чувствами, и она заперла его в ванной.

Сегур ждала, когда он наконец умрет, и время показалось ей вечностью. Она до сих пор помнила, как он, задыхаясь, скребся и царапался в дверь. Ужасно... Лишь через час шум в ванной наконец стих. Она вытерла слезы, поправила макияж и вышла на улицу, молясь о том, чтобы больше ей не приходилось выполнять такие задания. И вот вам, пожалуйста, всего через несколько месяцев оказалась примерно

в такой же ситуации. Можно было сколько угодно лгать самой себе и оправдываться. Но истина состояла в том, что она обречена на эту работу, как обречены теперь на смерть люди, задыхающиеся на полу полярной станции.

Прошло десять минут. За это время ни одна из дверей станции не открылась, а это означало, что ни один из ее обитателей не избежал своей участи. И вот она нажала на вторую кнопку на панели и активировала тем самым мощную внутреннюю систему вентиляции, встроенную в станцию. Полное очищение воздуха займет всего несколько минут. Возбуждение понемногу прошло, Айви сидела в теплой кабине снегохода, слушала тихое урчание мотора, и ее начало клонить в сон. Она приказала себе: не спать! Затопала ногами, захлопала в ладоши и даже попыталась спеть песенку, слышанную по радио накануне. Веки так и норовили сомкнуться, но она то и дело напоминала себе о важности задания и продолжала бодрствовать.

И вот наконец Айви надавила третью кнопку на приборе, та приводила в действие датчик, способный определить, пригоден ли воздух на станции для дыхания. Ответ должен был вы светиться специальным маячком, закрепленным у основания сооружения.

Вот он моргнул желтым. Условия до сих пор не приемлемые.

Айви тяжко вздохнула и уже не в первый раз пожалела, что не захватила с собой книжки.

— Ну давай же! — взмолилась она. — Дай мне зеленый!

И словно по волшебству, в тот же миг загорелся зеленый огонек. Всего-то и надо было, что попросить как следует.

Она двинулась на снегоходе вперед, к зданию, переключила рычажок на приборной доске, чтобы опустить настил. Вход был освещен изнутри, светился и сиял так зазывно, точно приглашал в рай. Но Айви знала: то, что ждет ее внутри станции, будет мало походить на рай. Совсем даже наоборот...

Сегур взялась за ручку, отворила дверцу и выпрыгнула из кабины снегохода прямо в снег. А потом, оскальзываясь на каждом шагу, побежала к настилу. Немного замедлила шаг. К чему спешить? Ведь там ее никто уже не ждет.

И вот она подошла к шлюзовому отсеку, компьютер сканировал сетчатку ее глаз и разрешил войти. Она вышла в коридор, и тут ее вдруг охватил страх. А что если датчик поврежден? Что, если зеленый свет зажегся случайно и вся станция представляет собой смертельную ловушку? Все равно уже слишком поздно.

— Эй, есть тут кто? — окликнула Айви. И прислушалась к своему голосу, что эхом разнесся, отталкиваясь от металлических стен коридора. Ответа не было. Вот если бы кто откликнулся, то был бы шок. И при одной только мысли об этом ее пробрала дрожь. Точно ступила на борт населенного призраками судна.

В конце коридора открывался вход в главное жилое помещение. Обычно там всегда бывало очень оживленно. Но только не сегодня. Кругом, на диванах, креслах, просто на полу, лежали неподвижные тела — словно всю станцию околовала какая-то ведьма, наслала на ее обитателей сон. Только все эти люди не спали, они были...

— X-x-x-x-c-c-c...

Айви чуть до потолка не подпрыгнула. Огляделась, чтобы понять, откуда исходит этот звук, может, какая-нибудь труба отошла от стены или в воздушном шаре из тех, что запускают для наблюдения за погодой, образовалась дырочка и из него выходит воздух. Похожий звук. Выходит воздух, это точно. Или, скорее...

— X-x-x-x-x-c-c-c-c...

Айви резко развернулась, поняв, что источник загадочного звука находится за спиной.

— Нет, — произнесла она вслух. — Этого просто не может быть...

Звук исходил от членов команды. Они все еще были живы — правда, едва. Она осторожно приблизилась к одному из тел. Наклонилась, опасаясь, что этот полуживой человек вдруг вскочит, набросится на нее, как какой-нибудь зомби из фильма ужасов. Но он лежал тихо и неподвижно, лишь грудь под синим свитером слабо вздымалась и опускалась. Да, печальное зрелище, ничего не скажешь. Айви успела привязаться почти ко всем членам команды. Но теперь, несмотря на ее растущее сострадание к ним, все они должны умереть.

Она полезла в карман парки за пистолетом. Его там не было. Что такое? Неужели потеряла, выронила где-то снаружи? Она с трудом подавила желание бежать к снегоходу и проверить, не оставила ли пистолет там. Но мысль о том, что некротоксин скоро выветрится и, вернувшись, она застанет команду живой и в ярости, ее остановила.

Нет, не годится. Нужно найти какое-то другое решение. И быстро!

Айви вбежала в кухню и начала шарить в ящиках в поисках ножа. Вернее, ножей. С их помощью

удастся умертвить хотя бы нескольких человек. При мысли о том, что предстоит сделать, ее затошнило. Ведь все должно было пройти гладко и безболезненно — пускаешь на расстоянии ядовитый газ, и все до одного умирают. Быстро и безболезненно. По крайней мере для нее. А теперь...

— X-x-x-x-x-x-c-c-c-c-c...

Шипящий посистывающий звук нарастал в соседней комнате. Отчего так получилось, подумала она. Может, газовая смесь оказалась недостаточно мощной, или... Впрочем, какое теперь это имеет значение?

Она выложила на стол перед собой шесть ножей, повернутых режущей поверхностью вправо, выложила «по росту», от самого маленького до большого. Взяла один из середины и стала размышлять, как лучше действовать. Нанести удар прямо в сердце? Или перерезать горло? Ко всему она привыкла подходить серьезно и с научной точки зрения, но сейчас как-то не очень получалось. Ведь она знала этих людей, слушала их рассказы о семьях, о планах на будущее. И вот теперь она положит всему этому конец.

— X-x-x-x-x-x-c-c-c-c-c-c...

— Нет, с этим надо покончить раз и навсегда, — твердо сказала она себе. Ведь другого выхода у нее просто нет. «Черные Фемы» сказали свое слово, и она должна помочь господину осуществить план.

Глава пятнадцатая

Лимузин погружался в мутные и темные воды реки, шел ко дну, точно гигантский черный обелиск, левиафан, явившийся из самых ее глубин, рыба поистине библейских размеров с Ионой — охваченной

паникой Эйприл Адамс — в своем чреве. Она слышала только один звук, бульканье все прибывающей воды, напоминавший о том, что она обречена на неминуемую гибель. Эйприл поднялась почти во весь рост, всем телом навалилась на перегородку, отделявшую водительское место от пассажирского салона. В отчаянии она стала бить ногой по этой проклятой перегородке, точно надеялась совершить то, что не смогла сделать пулём.

Мертвое тело Вероники плавало рядом и походило на сломанный манекен — глаза на бледном, меловом лице широко раскрыты, смотрят жалобно и одновременно бессмысленно, как у куклы. Эйприл пыталась отогнать от себя мысль, что заперта в этом тесном и все убывающем пространстве рядом с трупом.

Как же выбраться отсюда? В который уже раз она задавалась этим вопросом в надежде, что ее вдруг осенит и она найдет выход. И тут вдруг Эйприл подняла голову и, к своему изумлению, увидела, что выход есть. Вот он, складной подлокотник заднего сиденья. Минуя его, можно попробовать пробраться к аварийному выходу, который вел к багажнику в лимузине. И уже оттуда — наружу. Одна проблема: как это сделать?

Уцепиться совершенно не за что, нет ничего похожего на лестницу, чтобы попасть в это пространство, по длине в два раза превышающее ее рост. Но вода быстро прибывала, и вместе со страхом пришла уверенность, что у нее все получится.

Сиденья были обтянуты тонкой дорогой кожей, практически без швов, пальцам Эйприл просто не за что было уцепиться. Пол тоже скользкий, не ухватишься, весь покрыт черным резиновым ковром. Единственная поверхность, на которой можно хоть

как-то удержаться, — это мягкий губчатый материал на потолке. К тому же в него были вставлены шесть небольших прямоугольных лампочек, тянувшихся цепочкой.

И вот, цепляясь за эти лампочки, Эйприл начала карабкаться вверх, точно альпинист-любитель. Жаль, что Август не видит ее в этот момент. Сразу понял бы, что она куда круче, чем кажется.

Она поднялась на максимально возможную высоту, протянула руку и ухватилась за складной подлокотник заднего сиденья. Подлокотник разогнулся, внутри открылась щель с кожаной перегородкой, разделяющей кресла. Эйприл запустила руку в эту щель, ухватилась за перегородку, подтянулась. И наконец оказалась в задней части салона. И стала пробираться к аварийному выходу. Он оказался страшно узким — уже, чем она предполагала. Она насилиу протиснулась в окошко. И вылезла наполовину, как вдруг обнаружила, что юбка ее за что-то зацепилась.

Вернуться и отцепить полу проклятой юбки было уже невозможно. Тогда она ухватилась за края отверстия и начала рваться наружу что было сил. Она рвась, дергалась, извивалась, делала все, чтобы только освободиться. Вода продолжала прибывать. Тогда Эйприл собрала всю волю и силы, рванулась, услышала треск рвущейся ткани и наконец ввалилась в багажник. Юбка была разорвана по всей длине, но это ее ничуть не огорчало. «Невероятно! Я сделала это!»

И вот она скорчилась в неосвещенном пространстве, прислушалась к журчанию воды, просачивающейся через щель в крышке багажника. И тут у нее сдали нервы, она запаниковала. Пыталась вспомнить, чему ее учили в школе выживания, пыталась побороть приступ клаустрофобии и водобоязни, правильно

дышать, успокоиться, взять себя в руки и привести мысли в порядок. Но все это бесполезно. Она столкнулась с третьей неконтролируемой фобией, превосходящей все остальные, — со страхом смерти.

Багажник был наполовину залит водой. Эйприл решила сосредоточиться на поисках ручки, с помощью которой можно было бы открыть крышку. Судорожно шарила руками в темноте, в поисках рукоятки или шнура, но ничего похожего не находила.

Багажник уже на две трети заполнился водой, и Эйприл прижалась губами к крышке, втягивая остатки кислорода. В воображении она видела безжизненные тела Вероники и водителя, плавающие где-то внизу, под ней, всего в нескольких ярдах. И молилась о том, чтобы не повторить их судьбу, продолжая судорожно шарить руками, и вдруг... нашупала шнур! Ухватилась за него, дернула, но, видно, слишком сильно. Шнур оборвался.

— Нет! — крикнула она.

Зная, что шнур крепится к специальному механизму, позволяющему открыть багажник, она примерно рассчитала, где он должен находиться, и нашла крохотную металлическую петельку в трех дюймах справа от запорного устройства. Просунула в петельку палец, рванула, но замок не поддавался.

Еще несколько дюймов воды — и ее затопит окончательно. И тут она представила себе Чарли: сын подгонял, подбадривал ее. «У тебя получится, мам! — говорил он. — Попробуй еще раз, дерни сильнее!»

Она понимала, что говорит это не Чарли, но воспоминание о любимом сыне придало сил. Она снова дернула за кольцо, понимая, что это будет последней попыткой.

Послышался щелчок.

Она толкнула крышку багажника, открыла его и увидела сквозь толщу воды слабое свечение над головой. Оттолкнулась и поплыла к этому свету, не слишком уверенная, что в легких осталось достаточно воздуха, чтобы доплыть. Она едва шевелила руками. Сил уже не осталось, но она заставляла себя двигаться вперед и вперед. Все выше и выше, наверх. Свет стал ярче. Но воздуха в легких уже не осталось.

Эйприл закрыла глаза. Как же не хочется умирать!

Прошла целая вечность.

Тьма навалилась со всех сторон.

А потом...

Она вырвалась на поверхность.

Она кашляла, задыхалась, выплевывала изо рта воду, и вот наконец дыхание восстановилось. Помня, что Алексу тоже грозит опасность, она подплыла к берегу, ухватилась за деревянную лесенку с прогнившими ступенями. Поднялась, осмотрелась и увидела внедорожник, столкнувший лимузин в воду. Он был оббит языками пламени. Эйприл бросилась к машине. А потом заметила человека, лежавшего на земле в нескольких ярдах от нее.

Женщина упала на колени рядом с ним, бережно взяла голову обеими руками.

— Алекс! Ты меня слышишь? — спросила она, молясь, чтобы он ответил.

Алекс подмигнул ей, улыбнулся:

— До сих пор не верится, что ты выжила.

— Ты тоже, — отозвалась Эйприл, вытирая кровь с его лица рукавом своей блузки. — Что случилось?

— Они связали меня, бросили на заднее сиденье джипа, — начал рассказывать Алекс. — Они мне лгали. Сказали, что Вероника убила тебя. Ну и когда

я увидел ее едущей в лимузине прямо перед нами, понял, что надо делать...

Эйприл ловила каждое его слово, пытаясь разобраться в случившемся.

— Люди всегда склонны недооценивать калеку, — продолжал между тем Алекс. — К счастью для меня, так оно и произошло. Они поленились как следует затянуть узел веревки у меня на руках. И вот я потихоньку освободился и выхватил пистолет у парня, который сидел рядом. Застрелил его, потом и типам на переднем сиденье тоже всадил по пуле. Перегнулся через спинку, и мне удалось надавить на ногу убитого водителя, она осталась на педали газа. Ну и джип врезался в лимузин. И я, вне себя от ярости, все толкал его и толкал, пока он не рухнул в реку. — Алекс закрыл глаза, удрученно покачал головой. — Я же не знал, что ты там, внутри...

Эйприл притянула его к себе.

— Ты и не мог знать.

Плечи Алекса затряслись. Он не сдержал рыданий. Женщина не знала, что и думать о такой реакции, — случай, когда Август плакал в ее присутствии, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Вернее, при ней он плакал всего один раз. Впрочем, Алекс только что испытал нешуточный стресс. И конечно, имел право пролить слезинку-другую. Ведь от этого она не станет думать о нем хуже.

Но вот Алекс откашлялся, взял себя в руки. Нацепил обычную свою маску спокойствия и уверенности.

— Тебе надо срочно уходить отсюда, — сказал он. — Копы появятся с минуты на минуту. Если хочешь найти Августа, иди скорее.

— А как же ты? — спросила Эйприл.

— У меня выбора нет. — Алекс похлопал себя по коленкам. — И потом, кто-то должен объяснить полиции, что здесь произошло.

Эйприл колебалась. Ей казалось неправильным покидать жениха в такой момент, тем более что она собиралась броситься на поиски бывшего мужа.

— Нет, — сказала она. — Просто не могу оставить тебя здесь.

— Со мной полный прядок, — ответил Алекс. Притянул ее к себе, поцеловал в щеку. — Ты должна найти и спасти Августа.

— И Чарли. Чарли может быть с ним.

— Тем более, — заметил Алекс.

Эйприл поднялась. Вдалеке послышался вой сирен.

— Погоди! — воскликнул вдруг Алекс. Полез в карман, достал немецкую карту, взятую в книжном магазине. — Может, Август догадается, что с ней делать.

— Как она оказалась у тебя?

— Лежала в кармане у водителя джипа. Хорошо хоть пуля прошла мимо. Они говорили о какой-то связи между этой картой и «Евангелием от Генриха Льва». Может, вы с Августом сообразите, о чем шла речь.

Эйприл взяла карту. Сумочки не было, а потому пришлось засунуть ее за пояс мокрой разорванной юбки.

— Всегда говорил, что у тебя очень красивые ноги, — с улыбкой заметил Алекс.

— Прекрати, — сказала Эйприл и покраснела.

Ей казалось, она похожа на черта, и никакие ноги тут не спасут. Волосы слиплись, макияж размазался, грязная блузка липла к телу, словно ее на нем нарисовали. Если бы не вопрос жизни и смерти, она

первым делом постаралась бы переодеться, привести себя в порядок. Но не получится. Она пыталась соединить разорванные полы юбки, связала их узлом и отошла. А потом вдруг резко остановилась.

- В чем дело? — спросил Алекс.
- Только сейчас дошло. Я не знаю, куда идти.
- Как думаешь, где Август будет искать тебя?
- В библиотеке Моргана! — тут же выпалила она. — Я постоянно торчу там.
- Правильно. Вот и иди туда. И он тоже придет, — сказал Алекс. — И прошу тебя, пожалуйста, будь осторожней.
- Обещаю, — ответила Эйприл, в глубине души чувствуя, что обещание это не стоит и гроша. Судя по тому, как развивались события, дальше будет только хуже.

Глава шестнадцатая

Август прижал ладонь ко рту Чарли. Мальчик напуган до полусмерти, и у него есть на то все основания. Он только что слышал, как застрелили старого друга семьи. И вот Август стал осторожно спускаться по лестнице вслед за Кливлендом. И тащил Чарли, крепко прижимая его к себе и зажимая ему рот, чтобы тот не издал и звука.

Дверь за их спинами сотряслась от мощных ударов, у Августа тревожно забилось сердце. Может, члены тайного общества видели, как они ускользнули через эту дверь. Может, теперь поджидают где-то снаружи, вместе с Лукасом с его ножами, готовым изрезать их на мелкие кусочки.

Но вот они добрались до самого конца лестницы и свернули влево, в маленький коридорчик. Впереди

показалась дверь аварийного выхода. Они мчались к ней, как ветер, слыша, как дверь за спиной трещит и содрогается под ударами.

— Быстрее! — крикнул Август и отнял ладонь от рта сына, чтобы тому было легче дышать. И одновременно подтолкнул в спину Кливленда.

— Не все из нас, знаешь ли, весенние цыплята, — задыхаясь, пробормотал тот.

— Что такое весенние цыплята?

— Потом, потом!

— Но если они убьют нас, я так никогда и не узнаю...

Август снова зажал сыну рот, затем толкнул дверь аварийного выхода.

— Я же сказал: не сейчас!

Чарли сдавленным голосом пробормотал:

— Прости.

Лукас поджидал их всего в нескольких ярдах. Но стоял, отвернувшись, наблюдал за другим выходом и пока что их не видел. Август выжидал, не зная, как поступить лучше: атаковать или спрятаться? За спиной послышался топот ног, люди сбегали по ступенькам. Еще несколько секунд промедления — и головорезы из «Черных Фем» набросятся на них. Они в ловушке.

Август уже было собрался напасть на Лукаса сзади, но передумал. Обстановка резко менялась. На улице полно людей. Он никогда не видел ничего подобного. Люди вылезали из своих машин. Выбегали из каждой двери здания. Поскольку энергетический коллапс затронул весь Манхэттен, никто не хотел оставаться здесь дотемна. У каждого на уме было одно — добраться до дома, причем как можно быстрее, прямо сейчас, до наступления темноты, до

того как ситуация окончательно выйдет из-под контроля. В этом хаосе вполне можно затеряться, Лукас не заметит их в толпе людей. Медлить нельзя.

Впрочем, Август избрал несколько другую тактику. Выскочил из двери на улицу, Чарли и Кливленд держались у него за спиной. Они метнулись вправо, в противоположном направлении от Лукаса, все остальные люди бежали в другую сторону, и Лукас высматривал их там. Они напоминали косяк рыбы, путешествующий в реке. Август выставил перед собой Кливленда, точно щит, и волок за собой Чарли. Он чувствовал себя средневековым воином, идущим на штурм неприступной крепости. И его план — сколь бы ни казался безумным — сработал. Август обернулся и увидел, как убийцы-наемники выбегают из библиотеки, и поспешил присоединиться к толпе ньюйоркцев, валом валивших из здания.

— Куда мы теперь? — спросил Чарли.

— Пока не знаю, — ответил Август.

Они перебежали на другую сторону улицы, остановились возле кофейни, примерно в квартале от библиотеки. В дверях стоял высокий и толстый мужчина в зеленом фартуке.

— Мы можем войти? — спросил его Август и выставил вперед Чарли, явно напрашиваясь на сочувствие.

— Ей-богу, не знаю... сами видите, что творится, — ответил гигант, удрученно качая головой.

Чарли скроил особую просительную улыбочку, обычно она действовала безотказно, когда он выдвигал самые невероятные пожелания.

— Наличные у вас есть? — осведомился мужчина в фартуке.

— Да, — ответил Август. Глянул через плечо и увидел, как наемники внимательно осматривают толпу. Не пройдет и минуты, как они их заметят. — Так можно? Очень вас прошу!

— Ладно, — сказал гигант, — так и быть, входите. А вот старика не пущу.

— Прошу прощения? — изумился Кливленд.

— Да пошутил я, пошутил, — проворчал хозяин заведения и распахнул перед ними дверь. — Только ведите себя прилично.

— Будьте уверены, мы вполне приличные клиенты, — сказал Кливленд. — Но если вдруг увидите парня в длинном кожаном пальто и с лицом дегенерата, на порог не пускайте.

— Ладно, — откликнулся мужчина. — Уж я-то сумею дать ему отпор.

— Славный человек! — восхликал Кливленд и дружески похлопал гиганта по плечу.

И вот Август, Чарли и Кливленд вошли в кофейню, где было на удивление безлюдно. Девушка за кассовым аппаратом сообщила, что декофеинизированные напитки у них кончились, эспрессо приготовить невозможно, но вот если они закажут по чашечке черного растворимого кофе, то получат его бесплатно. Заведение угощает.

— Давайте три, — сказал Август и нервно оглянулся на дверь. И вот они уселись за столик в углу.

— Кофе? — спросил Чарли и брезгливо сморщил носик.

— Надо же когда-то начинать. Клади побольше сахара, и будет очень даже ничего.

Чарли сгреб целую пригоршню белых пакетиков, что лежали на блюде на барной стойке, и вернулся к столу.

— А не пора ли нам сматываться отсюда? — спросил он и принял сахар в кофе.

— Надо затаиться хотя бы на несколько минут. Одна надежда, что Лукас и его парни вскоре уйдут, дадут нам шанс выбраться отсюда. — Август взглянул на отца. — Что-то не так?

— Не нравится мне вся эта история.

— Сам заварил эту кашу.

— Так нехорошо говорить, пап.

— Понимаю, что не очень хорошо. Но еще мальчишкой, когда лет мне было меньше, чем тебе сейчас, приходилось расхлебывать ошибки твоего дорогого дедушки.

— Август, прекрати! Мальчику ни к чему знать о наших проблемах.

— Но разве ты сам всегда не выступал за открытость и честность в отношениях?

— Это ты нечестен! После того как скончалась твоя мать, я пытался воспитывать тебя и работал дни напролет. Задача практически невыполнимая.

— Ага, особенно если учесть, что ты выезжал из страны чуть ли не каждую неделю, — заметил Август.

— Знакомая история, — пробормотал Чарли.

Август погрозил ему пальцем.

— Э-э, нет. Моя ситуация совсем другая. Ты живешь с мамой и бабушкой Роуз... с людьми, которые действительно о тебе заботятся. А твой дед нанимал присматривать за мной любого встречного, уверен, среди этих людей попадались даже беглые уголовники.

— Круто!

— Нет, совсем не круто. Очень даже печально.

Кливленд откашлялся.

— Могу ли я внести предложение? — осведомился он. Сколь ни занимательна эта беседа, думаю, самое время сосредоточиться на решении другой насущной проблемы.

С этими словами он выложил на стол «Евангелие от Генриха Льва».

— Ты прав, — сказал Август. — Только сначала расскажи нам, как это тебя угораздило вляпаться в эту заваруху. Но только быстро. Если Лукас появится снова, будет не до разговоров.

— Хорошо, — согласился Кливленд. — Чуть ранее я рассказал о своей связи с «Черными Фемами». Уехав из Лондона, не слышал о них лет двадцать пять. Ну и решил, что братство или распалось, или же забыло обо мне и о том отношении, что я имел к смерти Бартоломью и «Евангелию от Генриха Льва».

— Но ты ошибался, — вставил Август.

— Да... я ошибался, — кивнул Кливленд. — Просто члены «Черных Фем» терпеливо ждали своего часа, чтобы возникнуть снова. Я жил в Берлине. Там у меня был маленький книжный магазин, и я покупал и продавал книги через Интернет.

— Через Интернет? Ты?

— Просто нанял красивую и умную молодую женщину, которая плавала в Интернете, как рыба в воде.

— Женщину? Так, значит, замешан не ты один?
Двое?..

Кливленд рассмеялся.

— Нет. Ничего подобного, ты не думай. Я был ей все равно что отец. Вот почему так невыносимо печально было, когда... — Тут он осекся и умолк.

— Что произошло? — спросил Август, уже подозревая, каким будет ответ.

— Я начал получать письма с угрозами. И везде они требовали встречи. «Свяжись с нами или...», ну, ты понимаешь, всякая там ерунда. Если честно, я даже поначалу думал, что меня достает какой-то покупатель, считает, что я его обманул. Ну и не обращал на эти письма внимания. Вплоть до того дня, пока не исчезла Ивонн.

— Ивонн? Ее так звали?

— Да.

— Они ее убили? — шепотом спросил Август.

— Боюсь, что да, — ответил отец. Судя по всему, он до сих пор испытывал боль при этих воспоминаниях. — Обычно «Черные Фемы» оставляют ключи, некие материальные намеки, что они причастны к тому или другому делу. Они не оставили. И вот я связался с ними и спросил о судьбе Ивонн. Из страха, что затем они доберутся до кого-то из моих близких.

Он выразительно покосился на Августа.

— Ценю тот факт, что ты тревожился обо мне. Не хотел, чтобы меня убили. Очень трогательно, ничего не скажешь. Но незачем было связываться с ними с самого начала, — сказал Август. — Чего они хотели?

— Чтобы я пошел в библиотеку имени Гердога Августа, что в Вольфенбутtele, и провел для них одно исследование. Частное исследование. По «Евангелию от Генриха Льва».

— И ты пошел.

— А разве у меня был выбор? В обмен на эти услуги они обещали заплатить кругленькую сумму и оставить моих родных и близких в покое.

— А затем, судя по всему, нарушили свое обещание.

— Да, но лишь по той причине, что я первым нарушил свое, — ответил Кливленд. — Погрузившись в историю «Евангелия от Генриха Льва», я откопал информацию, которой ни за что не стал бы делиться с ними.

Глава семнадцатая

Август понимал, что слишком долго в кафе засиживаться нельзя, но сперва хотел узнать побольше о тайнах, с которыми столкнулся отец.

— И что же ты там откопал?

— Нечто, что на века избавило бы человечество от «Черных Фем». — Кливленд нежно похлопал ладонью по старинной книге, занимавшей большую часть столика. Словно вспомнил, сколько долгих часов просидел за изучением этих страниц. — Сам текст взят из четырех библейских Евангелий — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. А вот в иллюстрациях рассказывается совсем другая история.

Он открыл обложку и начал бережно переворачивать пергаментные страницы, пока не дошел до искусной цветной миниатюры.

— И какую же историю рассказывает эта картиночка? — спросил Чарли, указывая на разноцветную иллюстрацию.

— Это так называемая миниатюра «посвящения», — пояснил внуку Кливленд. — Видишь, изображение делится на две половины, верхнюю и нижнюю. Вверху сидит Дева Мария, держит на коленях младенца Иисуса.

Август внимательно изучал иллюстрации. Дева Мария восседала на золотом троне. На ней было рубиново-красное одеяние, голова покрыта сапфирово-синей столой. Руки раскинуты, благословляет или принимает благословение. Младенец Иисус сидит у нее на коленях, изображение его вписано в круг, и хотя размеры соответствуют младенческим, лицо взрослое, преисполнено мудрости. Эти две фигуры окружены

орнаментом в золотых и темно-красных тонах, что вполне типично для подобных изображений.

— Справа от Девы находится Иоанн Креститель, сжимает в руке пальмовую ветвь. А по другую сторону — апостол Варфоломей, и в руках у него крест. — Кливленд пожал плечами. — Все это вполне нормально и традиционно. А вот нижняя часть выходит за рамки традиций.

И он указал на нижнюю часть рисунка, где были изображены четыре фигуры.

— Вот этот, крайний слева, — Генрих Лев. Имел смелость вставить свое изображение в эту сцену, что свидетельствует о его невероятно завышенном эго. В левой руке держит книгу, ту самую, которую мы сейчас разглядываем, а святой покровитель кафедрального собора в Брунсвике — святой Власий — выводит его вперед, держит правой рукой.

— Святой Волосий? — с любопытством спросил Чарли.

— Нет, В-л-а-с-и-й, — поправил его дед. — Пользовался большой... популярностью в Средние века. Являлся одним из четырнадцати святых помощников, чьи имена выпали у меня из памяти. Август, у тебя всегда был особый дар запоминать редкие имена. Поможешь?

Август прищурился, словно силясь найти в обширных кладовых памяти нужную информацию.

— В алфавитном порядке или так?

— Ой, только не выпендрирайся, пожалуйста!

— Итак, четырнадцать святых помощников. — Август принялся загибать пальцы. — Святой Акакий, святая Варвара, святой Вит, святой Власий Севастийский, святой Георгий Победоносец, святой Дионисий Парижский, святой Евстафий, святая Екатерина

Александрийская, святой Кириак, святая Маргарита Антиохийская, святой Пантелеймон, святой Христофор, святой Эгидий и наконец...

Кливленд с Чарли нетерпеливо переглянулись.

— Святой Эразм! — торжественно воскликнул Август. — Уф! Вечно на этом месте спотыкаюсь. Уже собрался начать сначала.

— Достаточно, не надо, — сказал Кливленд. И обернулся к Чарли. — Надеюсь, ты догадываешься, что эти четырнадцать святых покровителей — эксперты в разных областях. Ну, взять, к примеру, того же Власия. Он помогал против болезней горла.

— Почему?

— Есть легенда, что однажды он совершил чудо. Спас сына одной женщины от смерти. У него в горле застряла кость.

Чарли перевел взгляд на книгу.

— Так, значит, человек на картинке, стоящий следом за Власием, тоже один из четырнадцати святых покровителей?

— Да! Молодец, мальчик, умница! Да, следом на иллюстрации изображен святой Евстафий, его имением люди оберегались от чумы. Стоит и держит за руку жену Генриха Льва, Матильду.

— Ну и что тут такого? — осведомился Чарли. — Что плохого или удивительного в том, что Генрих и Матильда изображены рядом с симпатичными им людьми?

— Можно, конечно, и так сказать, — заметил Август. — Допустим, ты всегда можешь заказать снимок в фотоателье, где находишься рядом с президентом, Опрай и Майклом Джорданом.

— А кто такой Майкл Джордан?

— Давай сделаем вид, что ты этого не спрашивал, Чарли.

— Нет, правда, кто?

— Лучший в мире баскетболист.

— Правда?

— Конечно. И вот ты изображен на снимке со всеми этими страшно знаменитыми людьми. Ну и потом, допустим, приносишь этот снимок в школу и показываешь всем друзьям.

— Они сразу поймут, что это подделка.

— Конечно, поймут. Но, допустим, ты скажешь своим друзьям, что лично знаком со всеми этими знаменитостями, что ты из их круга, словом, очень крут и потрясающ, в точности как они.

Чарли призадумался.

— Тогда друзья обзовут меня напыщенным фигляром.

Август заморгал.

— Напыщенным фигляром? Где ты взял это выражение?

— Слышал от мамы.

— От мамы?

— Да. Она иногда использует его, говоря о... — Чарли закрыл рот ладошкой.

— О ком же?

Тут вмешался Кливленд:

— О тебе, это же ясно. Давайте лучше продолжим.

— Ладно, если отбросить фразеологию, ты совершенно прав. И твои друзья имеют полное право считать тебя задавакой. С учетом этого давай порассуждаем на тему, в какой компании оказался Генрих Лев. Со святыми, с Девой Марией, с самим Иисусом Христом.

— Выходит, этот Генрих Лев — напыщенный фигляр?

— Далось тебе это выражение! — воскликнул Август. — По сути, да, ты прав. Люди считали Генриха Льва чересчур надменным, самонадеянным человеком. Причем это проявлялось не только в том, что он помещал свое изображение рядом со святыми, как в этом «Евангелии». Он с особым тщанием отбирал людей для создания этой книги. В частности, нанял монаха по имени Гериман, известного своим мастерством во многих областях: и работами по металлу, и настенной росписью храмов, и созданием уникальных витражей из цветного стекла. Именно поэтому «Евангелие от Генриха Льва» получилось таким дорогим. Это не просто книга, это выдающееся произведение изобразительного искусства. — Он обернулся к отцу. — Но думаю, члены «Черных Фем» наняли тебя изучить книгу вовсе не по этой причине.

— Ты прав, — кивнул Кливленд. — Первые несколько месяцев они всеми силами старались убедить меня, что цели у них чисто научные. Но возникли определенные подозрения, и вскоре они подтвердились.

— Какие?

— Они стали давать мне слишком простые задания. Ну, к примеру, выяснить настоящее имя, звание или сан изображенного на иллюстрации человека. Определенный смысл в том был, поскольку обычно на этих иллюстрациях, миниатюрах посвящения, могут быть соединены люди из разных эпох и мест. Так что имело прямой смысл составить тщательный хронологический список всех персонажей, и это было не слишком трудно. Но когда список был готов, они дали дополнительное задание: составить перечень

реликвий, ассоциируемых с тем или иным персонажем. Поначалу я ничего не заподозрил. Но затем, занявшись историей этих реликвий, начал думать, что исследование, заказанное тайным обществом, имеет тайные, далеко идущие и опасные цели.

— Знаю, реликвии — это разные старинные предметы, но что именно они собой представляют? — с любопытством спросил Чарли.

— Чаще всего реликвия — это какая-то часть святого или мученика. Фрагмент зуба, сломанная косточка, отрубленная рука или даже... целая голова.

— Настоящая человеческая голова?

— Сколь ни странно, но это так. Например, существует легенда, что рыцари-тамплиеры владели головой Иоанна Крестителя.

— Ну, на эту голову было много претендентов, — заметил Август. — К примеру, монахи Сент-Жанд'Анжели.

— О, ерунда! И вообще ты только портишь всю историю для Чарли. Так на чем я остановился?

— Ты рассказывал мне о реликвиях, — подсказал внук.

— А, ну да! Думаю, сама мысль о существовании реликвий появилась благодаря стиху из Старого Завета, во «Второй книге Царств». Там говорится, что какие-то люди хотели похоронить человека, но враг приближался, и они очень торопились. Ну и в спешке затолкали его в могилу проповедника Елиши¹, и как только тело коснулось костей его, мертвец тотчас ожил!

— Вот это да!

— И люди начали задумываться, какие еще чудеса могут сотворить мощи проповедников, святых

¹ Елиша — в русском переводе Библии — Елисей.

и мучеников. Вот и стали собирать их. Помещать в раки. Покрывать золотом и драгоценными камнями. Ну а многие особы знатного рода — в том числе и Генрих Лев — поставили перед собой задачу собрать как можно больше реликвий. Однако не все реликвии представляли собой кости. Некоторые были сделаны из железа или дерева. Некоторые являлись просто оружием.

— Как мечи?

— Да. Возвращаясь к Иоанну Крестителю, следует отметить: меч, которым ему отсекли голову, тоже стал реликвией, причем очень ценной. И история его вошла в легенду после того, как этот самый меч был упомянут в одной из сказок короля Артура, «Истории о священном Граале».

— Так члены братства хотели, чтобы ты нашел им меч, которым отрубили голову Иоанна Крестителя?

— Логичный вывод, Чарли. Но нет, это не так. Не меч они хотели найти. Кое-что другое.

— Что?

— Давай посмотрим, может, сам догадаешься, — сказал Кливленд. Он снова начал бережно перелистывать страницы «Евангелия от Генриха Льва». И остановился на одной довольно мрачной иллюстрации. — Эта миниатюра называется «Муки и распятие Христа».

По краям иллюстрацию украшал сложный орнамент. В каждом углу — круг, в круге — изображение известной библейской фигуры. В верхнем левом углу — Давид, величественный, с короной на голове, как и подобает царю. В верхнем правом углу — Иеремия, седобородый мудрый старик. В нижнем левом углу — Авель, держит в руках жертвенную овечку.

И наконец, в нижнем правом углу — Мелхиседек¹ с высоко поднятыми руками, в которых чаша.

Внутри изображение делилось на две половины, верхнюю и нижнюю. Сверху иллюстрация с изображением Христа, он прикован к мраморному столбу, спина в крови и следах от ударов розгами. Его избивают двое мужчин. В нижней части — изображение Христа на кресте, Дева Мария и Иоанн стоят и смотрят на него. А по другую сторону креста изображены две фигуры, непонятно чьи. Одна из них — судя по всему, женщина — держит бокал из дерева, собирает капли крови Христа. Вторая фигура — совершенно непонятная, закутана в плащ с ног до головы, с шестом и привязанной к нему лентой. А на ней надпись: «Maledictus Omnis Qui Pendet In Lingo».

— Что это означает?

— Это по-латыни. Цитата из книги «Послание к Галатам», глава третья, стих тринадцатый. Переводится как: «Проклят всяк, висящий на дереве». Напоминание миру, что Христос взял на себя все грехи и весь позор человечества.

— Это понятно, — задумчиво пробормотал Чарли. И, подперев щеку рукой, призадумался. — Но вот шест...

— А ты уверен, что это шест? — спросил Кливленд.

Август наклонился, чтобы разглядеть получше.

— Ну конечно, что ж еще. Здесь начинается, а тут заканчивается... Хотя погодите-ка...

— Да?

Чарли опередил отца.

¹ Мелхиседек — в переводе с иврита «царь справедливости», библейский персонаж, упоминается в Ветхом Завете в «Бытие» 14:18, «Псалтире» 109:4 и др.

— Никакой это не шест! — выпалил он. — Это пика! Копье!

Август даже протер глаза, убедиться, что сын прав. Действительно, так оно и есть. В самом низу шеста крепился большой треугольный металлический наконечник, им заканчивалось копье. Мало того, он воткнут в бок льва — для камуфляжа.

— Потому что никогда не видел собственными глазами настоящее «Евангелие от Генриха Льва». Видел только копии, факсимиле оригинала.

— Так, значит, «Черные Фемы» охотятся за копьем? — спросил Чарли.

Кливленд посмотрел на внука, широко расплылся в улыбке.

— Ты прав. Копье действительно очень важная реликвия, на протяжении истории обросло множеством легенд, и за ним охотились многие. Называют его по-разному: Копьем Христа, Священной Пикой. Но мое любимое название — Копье Судьбы. Говорят, оно принадлежало римскому солдату по имени Лонгинус, о чем свидетельствует его латинское название — «Lancea Longini». Сотни легенд повествуют о нем. И вот теперь, по некой неведомой и страшной причине, «Черные Фемы» хотят завладеть им.

— Но почему? — спросил Август. — Неужели члены тайного общества действительно считают, что копье наделено магической силой? Той, что приписывают ему легенды и сказания? Властью, способной завоевать весь мир? По-моему, полная чушь!

— Посмотрел бы я, как ты сказал бы это Гитлеру. И что он с тобой после этого сделал бы, — заметил Кливленд. — Впрочем, возможно, тебе удалось бы вразумить его.

— При чем тут Гитлер?

Кливленд бережно закрыл обложку «Евангелия от Генриха Льва».

— Гитлер верил в копье, — сказал он, — и стремился заполучить его всеми доступными силами и средствами. А до него верили множество людей, и в этот список входили Наполеон, император Священной Римской империи Барбаросса и многие другие известные личности. Каждый верил в волшебную силу копья, они были готовы пожертвовать многим, лишь бы только увидеть его. Не стоит недооценивать силу верований, на которые способны люди, и причины, подвигнувшие их на это.

Август откинулся на спинку кресла.

— Так вот из-за чего весь этот сыр-бор? Вот из-за чего за нами охотятся люди с ножами и пушками, готовые убить? Потому как если причина кроется именно в этом, не лучше ли будет отдать им эту книгу? Пусть ищут по ней что хотят, свое драгоценное копье и прочее.

Он поднялся из-за стола, выразительно взмахнул руками.

— Прости, но я не желаю ставить на кон ни свою жизнь, ни чью бы то ни было еще... ради какого-то мифа!

— Это не миф, — сказал Кливленд.

— Извини, не понял?..

— Это не миф. Копье вполне реально. Причем это еще только начало. Думаю, на уме у членов «Черных Фем» нечто большее.

— Что?

Кливленд взял со стола «Евангелие от Генриха Льва», сунул под мышку, потом кивком головы указал на дверь, возле которой разгорелся спор между

владельцем кофейни и мужчинами в черных костюмах и с мрачными лицами.

— Может, они объяснят, раз уж появились?

Август нахмурился.

— Или же заберут книгу раз и навсегда.

Глава восемнадцатая

На базе Ньюмайера наступила полночь. Айви всматривалась в узкое ветровое окно снегохода с помощью специального бинокля ночного видения. Видела лишь несколько невнятных очертаний, но знала — это приближаются войска «Черных Фем». Никто другой не посмел бы пересекать это бескрайнее ледяное пространство, тем более — ночью.

Она схватила радиопередатчик.

— Говорит Ивонн Сегур с базы Ньюмайера. Иеремия, копия с тобой?

«Иеремия» — кодовое название операции в честь проповедника, написавшего так называемую сломанную книгу. Игра слов — члены «Черных Фем» пытались расшифровать криптограмму, найденную в «Евангелии от Генриха Льва».

— Иеремия слушает, — последовал ответ, заглушенный треском электрических разрядов.

— Результаты есть?

— Скоро будут. Минут через двадцать. Ничто не может задержать нашего продвижения вперед.

— Ничто, кроме льда, — пробормотала в ответ Айви.

Еще раз взглянула в бинокль — группа приблизилась. Их было пятьсот человек, так ей, во всяком случае, сказали. Более чем достаточно для выполне-

ния любой задачи. И это только начало. Менее чем через месяц должно прибыть пополнение.

Айви достала из рюкзака роман Норманна Мейлера «Замок в лесу». Сообразила на этот раз взять с собой что-нибудь почитать. Книга напомнила о юности, о том, как она впервые узнала о таинственной организации под названием «Черные Фемы»...

Ивонн только что закончила Йельский университет. Статья о нацизме, которую она написала, привлекла внимание известного немецкого издателя. Затем с ней связалась одна компания, и ее спросили, не желает ли она участвовать в проекте, посвященном исследованию биографических данных Гитлера. Ивонн с радостью согласилась: помимо интересной работы, ее грела возможность побывать в Европе. И еще она немного нервничала. И в который раз задавалась вопросом: почему они сочли, что она им подходит, ведь статья, опубликованная в издании Йельского университета, носила отчетливо выраженный негативный характер... Она до сих пор помнила одну фразу: «Фашизм — это все равно что подсевший на наркотики сын-подросток». Так почему эти люди решили, что она может провести долгие годы жизни, изучая во всех подробностях жизнь Гитлера?

Собралась она быстро — вещей у нее мало — и не успела оглянуться, как очутилась в отдельной квартире в центре Берлина. Дэвид Боуи однажды назвал этот город одним из разительных проявлений культурной экстравагантности, и она вскоре поняла почему. То был город насильно разделенных соотечественников — после раздела на восточную и западную части. Богачи соседствовали с бедняками, современность — с древностью. В культурологическом плане

город походил на слоеный пирог, причем, на взгляд Айви, довольно неаппетитный.

И первый день на работе сложился просто ужасно. По некой непонятной причине тамошние сотрудники сочли, что она должна говорить по-немецки. Но в университете она изучала французский. Что не спасло от грубых лающих команд в ее адрес, отнюдь не способствовавших лучшему пониманию целей и задач. К середине дня она окончательно изнемогла и еще ниже опускалась в глазах сослуживцев и начальства, особенно после того, как, уже вернувшись домой, проиграла еще один раунд. Ее заставили раз в неделю стирать тряпье какого-то местного дурачка. Заодно и языку от него научишься, сказал домовладелец. В ту ночь она долго не могла уснуть, плакала в постели, а потом твердо решила завтра же уволиться с работы и вернуться в Штаты.

Но второй день на службе заставил изменить планы.

Айви послали в Государственную Берлинскую библиотеку встретиться с тамошним куратором, у которого якобы хранился личный дневник Гитлера. Совершенно дурацкое задание. Если бы дневник существовал, к куратору направили бы более опытного сотрудника. Но она пошла, прихватив с собой своего «переводчика», которому пообещала перестирать все рубашки и майки, хранившиеся в шкафу.

И вот она подошла к библиотеке, и у дверей ее встретил мужчина, представившийся доктором Ротшильдом.

— Полагаю, вы желаете видеть Библию Гуттенберга, — сказал он.

— Вы говорите по-английски?!

— Здесь все говорят по-английски.

— Это только говорят, что говорят, — усмехнулась Айви. — Но далеко не все умеют.

— Вы, наверное, и сосиски с кислой капустой тоже не признаете.

— Что?

— Ладно, неважно. Так вы пришли за Гуттенбергом или нет?

— Боюсь, тут какая-то ошибка. Меня прислали посмотреть дневник.

Этим объяснением Айви ограничилась. Не хотела, чтобы ее высмеяли снова.

— Дневник? Что за дневник? Чей?

Айви огляделась по сторонам. Поблизости никого видно не было.

— Гитлера, — еле слышно выдохнула она.

— Простите?

— Гит-ле-ра, — произнесла уже по слогам.

Доктор Ротшильд смотрел с таким видом, точно сейчас решалась ее судьба. А потом произнес:

— Мне говорили, что пришлют более солидную персону.

— Так, значит, дневник у вас?

— Я этого не говорил.

Айви шагнула ближе.

— Если он у вас, пожалуйста, покажите его мне прямо сейчас. Потому как если я вернусь и скажу, что дневник у вас, но вы согласны показать его более «солидному» человеку, оба мы с вами будем выглядеть полными идиотами.

И она отступила на шаг и прикусила трясущуюся нижнюю губу. Доктор Ротшильд снял очки, протер их носовым платком.

— Так вы уверены, что не хотите видеть Библию Гуттенберга?

— Спасибо, нет.

— Потом пожалеете, — сказал он и отошел.

Айви обернулась к своему переводчику — сегодня он ей не пригодился — и сказала, что им пора уходить.

— Ну? — спросил доктор Ротшильд. — Так вы идете или нет?

— Да! — воскликнула Айви, поняв, что фортуна наконец повернулась к ней лицом. Отослала переводчика и поспешила следом за Ротшильдом по коридору. — Простите. Я подумала...

— Тише. Молчите, пока не окажемся у меня в кабинете, — сказал он.

Айви молча зашагала за ним следом, гадая, в какую историю ввязалась. Они вошли в кабинет доктора Ротшильда — маленький, просто обставленный, какой-то совершенно безликий. Если он и проводил здесь время, заметно это не было.

И вот он торжественно выложил перед ней дневник.

— Прошу вас.

Айви осторожно взяла его в руки.

— Не понимаю, — пробормотала она. — Если он настоящий, тогда должен храниться где-нибудь в музее или же под стеклом в библиотеке. И брать его в руки никак нельзя.

— Ваши руки — самое подходящее для него место, Ивонн, — раздался голос за спиной.

Айви резко обернулась.

Мужчина затворил за собой дверь.

— Позвольте представиться. Кристофер Валодрин.

Айви пожала протянутую руку — она показалась холодной, как у покойника.

— Кто вы?

— Прошу, садитесь, — с улыбкой сказал он и указал на кресло. — Поскольку объяснение займет некоторое время.

-
- Какое объяснение?
 - Наших методов вербовки. Или, если угодно, найма.

Айви растерялась.

- Найма? Но у меня уже есть работа.

Валодрин снова указал на кресло.

- Ну хорошо, — усевшись, сказала она. — Но только давайте побыстрей. Босс отпустил меня всего на час.

Валодрин рассмеялся.

- Об этом не беспокойтесь.

- Да уж, определенно беспокоиться не о чем, — вставил доктор Ротшильд.

Айви казалось, что она попала в какую-то кошмарную и малоприятную историю, где все ее действия снимают скрытой камерой.

- Что происходит?

— Ивонн... или я могу называть вас просто Айви? — осведомился Валодрин и уселся напротив.

- Можете называть меня мисс Сегур.

— Итак, мисс Сегур, с сожалением вынужден информировать вас, что вы стали жертвой довольно жестокого розыгрыша. Издательской компании, на которую вы работаете, просто не существует.

- Что?

- Она ненастоящая.

- Но как же сотрудники? Мой босс?

- Просто играют свои роли. Тоже ненастоящие.

- Тогда что я здесь делаю?

— Как я уже говорил чуть раньше, вас нанимают на работу. И разница между этим наймом и другими состоит только в том, что вы не знали, что вас сегодня пригласят на собеседование.

Айви покосилась на доктора Ротшильда, тот старался держаться от Валодрина как можно дальше.

— Вас тоже «завербовали»? — спросила она его.

— Доктор Ротшильд уже проработал на нас какое-то время, — ответил за него Валодрин. — И принимал самое активное участие в оценке вашего персонального файла.

— Персонального файла?

Валодрин слегка опустил глаза, сфокусировал взгляд холодных глаз на девушке — ну в точности гадюка, готовая укусить.

— Мы знаем о вас практически все, мисс Сегур. Знаем, что вы весьма успешно изучали историю в Йельском университете, но втайне всегда мечтали стать художницей, вести артистический образ жизни. В школе у вас был друг, но, познакомившись с вашей лучшей подругой Ларой, он потерял к вам всякий интерес. Знаем, что вы ненавидите розовый цвет. А вот выпить стаканчик красного вина — «Шираз», если я не ошибаюсь, — очень даже не против. И почитать хорошую книжку тоже любите. Водить умеете машины только иностранных марок. В углу левого переднего зуба у вас стоит маленькая пломбочка. Вы не говорите по-немецки, но уже записались на курсы по обучению этому языку, думая, что это вам поможет... Мне продолжать? Я располагаю и более интимными деталями вашего...

— Перестаньте! Пожалуйста!

— Большинство людей реагируют в точности как вы. Гнев, испуг. Но не думайте, никто не собирается вторгаться в вашу личную жизнь. Личная жизнь — это иллюзия, но придуманная очень умно. Заставляет вас чувствовать, что вы в безопасности. Но на самом деле это не так. Все, даже мельчайшие, детали собра-

ны, рассмотрены, разложены по полочкам и хранятся на случай дальнейшего использования.

— Зачем кому-то знать о моей личной жизни?

— Исключительно из-за вашей истории, мисс Сегур. Сами вы этого не знаете. Теперь будете знать. В вашем роду было очень много фемистов. С древних времен.

— Простите, не поняла?

— Людей, которые входили в тайное общество «Священные Фемы».

Сердце Айви скжалось от страха. Точно ей только что сообщили, что она вампир.

— Не уверена, что знаю, что такое «Священные Фемы», — пробормотала она. — Похоже на культ, но я не приверженец культов.

— «Фемы» — никакой не культ, — сказал Валодрин. — Это сродни королевскому правлению. Только вместо золота и драгоценностей вы получаете власть. Достаточно власти, чтобы иметь все, что захочется.

Айви поднялась из кресла.

— С меня довольно. Я ухожу немедленно. Хочу вернуться к нормальной жизни.

Валодрин тоже поднялся и теперь возвышался прямо над ней.

— Извините, мисс Сегур, но отныне ваша жизнь уже никогда не будет нормальной. Впрочем, вы ведь и не хотели «нормального», верно? Сами чувствуете, что предназначены для чего-то большего.

Айви, не говоря ни слова, бросилась к двери. Нет, это какая-то дурацкая шутка, нелепый розыгрыш, придуманный ее работодателями. Но, вернувшись в офис, она не нашла там ни души. Ни одного сотрудника на месте не было. Ключ от квартиры заедал в

замке, домой попасть она не могла, а затем, обнаружив, что ее кредитные карты заблокированы, поняла, что случилось нечто ужасное.

К счастью, она еще не успела открыть счета в местном банке, так что вся наличность оставалась при ней. Денег немного, но вполне хватит, чтобы снять номер в дешевом отеле и переночевать там. Но спала она плохо, ее преследовали кошмары и какие-то темные видения, навеянные мыслями о загадочном тайном обществе.

Видения продолжали преследовать и с восходом солнца. Весь день она чувствовала за собой слежку, спину так и сверлили чьи-то недоброжелательные взгляды. Тогда она решила вернуться в Государственную библиотеку в надежде отыскать Валодрина или Ротшильда, но их там не оказалось. Поговорив с дежурным библиотекарем, она выяснила, что такие люди здесь никогда не работали. Складывалось впечатление, будто их не существовало вовсе, будто все это ей приснилось.

Разбитая и деморализованная, она вернулась в гостиницу. Эти люди отобрали у нее все с непостижимой легкостью. Но что там сказал Валодрин? Что это было собеседование. Если так, то тогда сейчас последнее испытание. Ей совсем не хотелось вступать в их чертово братство, но вернуться к жизни хотелось, и даже очень. А это, в свою очередь, означает, что если она найдет и расшифрует ключи, тогда, возможно, они оставят ее в покое. Но где они оставили эти ключи?

И тут она вспомнила.

Дневник Гитлера.

Глава девятнадцатая

Айви сидела в снегоходе, прислушиваясь к свисту и завыванию ветра снаружи. И передернулась, но не от холода, а от воспоминания о том моменте, когда она впервые открыла дневник Гитлера. Вспомнила, как сидела в берлинском отеле и рылась в сумке в поисках переплетенного в кожу дневника, который успел всучить ей Валодрин. Книга казалась такой хрупкой, тихонько потрескивала в ее пальцах, точно кучка опавшей листвы, когда она бережно переворачивала страницы, сама не зная, что же следует искать. Дневник писался от руки, мелкими, заостренными вверху буквами. И Айви поняла, что даже если бы она знала немецкий, прочесть дневник все равно вряд ли удалось бы — слишком мелко выведены буквы, слишком тесно расположены строчки. Она продолжала листать страницы, и в душе нарастало сомнение. Что рассчитывает она найти здесь?

А потом вдруг увидела его — вполне разборчивое слово, вдруг всплывшее в гордом одиночестве на фоне всего этого буквенного хаоса. «Фемы». Взглянула еще раз, присмотрелась. И убедилась, что не ошиблась. Точно, «Фемы». Она изучала каждую буковку, опасаясь, что прочла неправильно. Нет, никакой ошибки не было.

Надо попробовать найти еще какие-то знакомые слова. Но кто ей поможет? И она решила спуститься вниз, в приемную.

За столиком, склонившись над сборником кроссвордов, сидела женщина с добродушным лицом.

— Чем могу помочь, милая? — спросила она.

— Извините за беспокойство, — пролепетала Айви. — Мне тут надо кое-что перевести. Вы немецкий знаете?

— Ich spreche ein kleines Deutsch¹, — с улыбкой ответила женщина. — Так что там у тебя?

— Правда? Так вы поможете?

— Сама видишь. Клиентов сегодня мало. Чем еще заняться?

Айви протянула ей дневник, открытый на той странице, где нашла слово «Фемы».

Женщина нацепила очки, откинула со лба густую прядь седеющих волос. Потом скроила удивленную гримасу.

— Чей это дневник? — спросила она.

— Это... дневник моего дедушки.

— Твой дедушка Гитлером, что ли, был?

Айви похолодела.

— Шучу, милая. Но уж определенно очень тепло относился к нацистам. И еще — к группе людей, входивших в организацию под названием «Фемы».

— И что там сказано об этой организации? — сговаря от любопытства, спросила Айви.

— Ну, автор... то есть твой дедушка отзывается о них очень тепло. Вообще-то эта организация имела какое-то отношение к легендарному королю Карлу Великому. Ее члены являлись его посланниками, насаждали изданные им законы. То была очень могущественная группа людей. Тайная организация. И твой дед старался восстановить их прежнюю власть и значение.

— Что там еще сказано? — нетерпеливо спросила Айви. Потом на секунду призадумалась. — Может, там указано место, где они встречались?

¹ Я немножко говорю по-немецки (*нем.*).

— Сейчас посмотрим, милая, — ответила женщина. Она молча читала какое-то время, затем подняла на нее глаза. — Кстати, твой дед наделен несомненным писательским даром.

— Это у нас семейное, — заметила Айви.

— Будем надеяться, это единственный талант, передающийся по наследству, — пробормотала ее собеседница. — Потому как... ты уж не обижайся, но идеи у твоего деда были просто отвратительны. Бесчеловечны.

— К примеру?

Женщина похлопала ее по руке.

— Давай не будем заострять на этом внимание. Но думаю, я нашла отрывок, где сказано о месте встреч членов общества. Хочешь знать?

— Да. Пожалуйста.

Женщина сняла очки.

— Вевельсбург. Это замок. Такой треугольной, очень странной формы. Сама я там не была, но наслышана. Мой брат ездил туда несколько лет назад. Ну а потом только и говорил о нем, многие месяцы.

— Это далеко от Берлина?

— Примерно четыре часа поездом. Точнее можно узнать на вокзале. Запомни название станции: «Падерборн Гауптбанхоф». Оттуда до замка недалеко.

Айви улыбнулась и забрала дневник.

— Огромное вам спасибо.

— Не за что, милая, — ответила женщина. — И мой тебе совет — держись подальше от своего девушки.

— Не беспокойтесь. Он давно умер.

— Ага. Ну тогда... уж прости меня за эти слова. И слава богу, что умер.

Айви вернулась в номер и сразу улеглась в постель. Рано утром ее разбудил стук в дверь.

— Кто там? — спросила она, дверь была заперта на ключ изнутри.

— Это я, милая.

Айви облегченно выдохнула и отперла дверь.

— Привет, — сказала она, сонно протирая глаза. — Наверное, забыли что-то мне сказать, да?

— Всю эту ночь думала только о тебе, — произнесла женщина. — И страшно за тебя волновалась.

Айви выглянула в коридор. Ни души.

— Может, войдете?

— Просто хотела передать тебе это. — И женщина протянула ей сложенное в несколько раз одеяло.

— Там, куда я собралась, холодно, да?

— Бери.

Айви взяла одеяло.

— Но я...

Женщина приложила к губам палец.

— И запомни, меня здесь не было.

С этими словами она развернулась и ушла. Айви затворила дверь, положила одеяло на кровать. Потом развернула и разинула рот от изумления.

— Вот эта да... — пробормотала она, увидев маленький револьвер с серебряной рукояткой.

Айви оделась и быстро вышла, оставив оружие в номере. Сбежала на несколько ступенек вниз, и тут вдруг ее обуял страх. Она бросилась обратно в комнату, схватила револьвер, спрятала его под одеждой.

— Во что это меня угораздило впутаться? — жалобно пробормотала она.

Доехав до вокзала, она села на первый же поезд. Путешествие, как и говорила любезная женщина из гостиницы, оказалось недолгим. Вскоре Айви уже

стояла перед крепостными стенами Вевельсбурга. Она ожидала увидеть нечто мрачное и зловещее, но нет, ничего подобного — замок из красного кирпича так и сиял в теплых лучах солнца. А вокруг — море зелени, высокие деревья окружают со всех сторон, и Айви все это напомнило иллюстрацию к легендам короля Артура.

Появилась группа туристов с гидом, Айви присоединилась к ней. И узнала, что замок был построен в начале семнадцатого века принцем Падерборном. И что в тридцатые его занимали офицеры СС во главе с Генрихом Гиммлером. Он использовал Вевельсбург для проведения *germanische Zweckforchung* — «Германских целевых исследований». Позже планировал превратить эту структуру в центр Германского мира, а постепенно — и в центр всего мира в целом.

Экскурсия закончилась. Айви не знала, что делать дальше. Может, она все неправильно поняла? Она была уже на полпути к выходу, как вдруг ее схватила за руку женщина-гид.

— Извините, мисс, — сказала она. — Если вы хотите приватный тур с посещением склепа Гиммлера, могу организовать.

— Это необязательно, — ответила Айви. — На сегодня с меня достаточно.

— Тур бесплатный. Настоятельно рекомендую.

И тут Айви поняла, что никого не интересует, согласна она или нет.

— Ну хорошо. Время у меня есть.

— Тогда прошу за мной...

— С нами будет кто-то еще?

— Наверное, вы меня неправильно поняли, — ответила женщина-гид. — Я же сказала, тур строго приватный.

И вот Айви последовала за ней к Северной башне, затем они спустились вниз.

— Отсюда пойдете сами, — сказала женщина. И торопливо шмыгнула куда-то в тень, точно таран, застигнутый ярким светом.

Сегур окликнула ее — бесполезно. Она уже начала подумывать о том, чтобы уйти, и быстро, но любопытство взяло верх. Внезапно ей страшно захотелось войти в просторное, округлой формы помещение под названием «склеп Гиммлера». И вот она осторожно вошла, прислушиваясь к звукам своих шагов по каменному полу, эхом отлетавших от стен.

Девушка вспомнила, что склеп являлся эпицентром владений Генриха Гиммлера. По периметру комнаты были расставлены двенадцать ярко освещенных каменных глыб, символизировавших двенадцать рыцарей Круглого стола. Сам Гиммлер, видимо, считал себя королем Артуром, и при мысли об этом у Айви похолодело сердце. Хорошо, что этого нацистского преступника сумели остановить до того, как он осуществил свой страшный план.

Она подняла голову. В центре куполообразного потолка виднелся круглый желтый камень с выбитым на нем знаком. Она напряглась, вытянула шею, чтобы лучше разглядеть, что это такое.

— При этом освещении видно плохо. Но поверьте моему слову, это свастика.

Айви вздрогнула, развернулась на каблуках и увидела бледное, как мел, лицо Кристофера Валодрина. А он меж тем продолжил:

— Над этим помещением располагается «Obergruppenfuhrersaal» — Зал верховных командующих. Пол его украшен еще одним замечательным символом, «Sonnenrad», или «Черным Солнцем».

— Все правильно, — пробормотала Айви. — Чёрное солнце для людей с чёрным сердцем.

— Но ты сама одна из них.

— Уж определенно нет!

— Ведь именно поэтому ты здесь, не так ли? — спросил Валодрин. — Чтобы узнать историю своего происхождения?

Айви напряглась. Ей была ненавистна сама мысль о том, что этот мерзкий тип так легко разрушил привычную ее жизнь.

— В Берлине вы говорили, что знаете мою семью... Вы лгали, да?

— Нет.

— Тогда скажите, кто мои родители?

Она завела руку за спину, достала револьвер и прицелилась в Валодрина. Руки ее дрожали. Тот и глазом не моргнул.

— Я знаю имена твоей матери и отца, — спокойно произнес он. — А также твоих брата и сестры.

Брата и сестры? Айви пыталась не показывать, как взволновали ее эти слова. Но узнать, что у нее есть родные брат и сестра, — это было для нее настоящим шоком. Всю жизнь она прожила, считая себя круглой сиротой. Семья. Кровные узы... Она взвела спусковой крючок.

— Расскажите, кто они.

— Расскажу, но пока буду краток. Отец и мать твои живы. Живут в Соединенных Штатах, на северо-востоке. У тебя есть старшая сестра и младший брат. Первая живет где-то на западе, брат — на востоке. Все у них благополучно и хорошо. Они обеспеченныe люди.

От волнения Айви дышала часто и прерывисто.

— Этого мало, — сказала она. — Хочу знать их имена.

Валодрин шагнул вперед, ухватился за край окружного, освещенного солнцем колодца в центре помещения. И с интересом, присущим заядлому туристу, какое-то время изучал вырезанные в камне орнаменты. Спокойно так себе рассматривал. Точно не было нацеленного на него револьвера. А потом заговорил, даже не глядя на Айви:

— Каждое из имен написано на отдельной карточке, каждая карточка хранится в сейфе депозитария. Четыре карточки, четыре банковских сейфа, разбросанных по миру.

— Знаете, я не в игрушки пришла играть, — сказала Айви. — Кроме того, если именно вы были человеком, написавшим на карточках их имена, то эти самые карточки не так уж мне и нужны.

— А вот тут и начинается самое интересное, — сказал Валодрин, насмешливо растягивая слова. — Не писал я этих карточек. И имен не знаю.

Он с невинным видом развел руки. Давал понять, что ничего не может тут поделать. Просто посланник, призванный передать ей информацию.

— Вы лжете!

Валодрин покачал головой:

— Я видел их лица. Знаю все подробности и детали их жизни. А вот имен, увы, не знаю. Специально не пожелал знать, чтобы защититься в ситуациях, подобных этой.

Айви ослабила палец на спусковом крючке.

— Что вам от меня надо?

— Если хочешь узнать их имена, должна признать «Священные Фемы» своей семьей. Пусть временно

верой и правдой служить нашей организации до тех пор, пока не придет час узнать имена родных.

— Я никогда и ни за что не присоединюсь к вам.

— Что ж, тебе решать. — Валодрин пожал плечами.

— Буду преследовать тебя до тех пор, пока не узнаю имен своих родных, — сказала Айви. И нажала на спусковой крючок. Но выстрела не последовало. Она жала и жала на него, но безрезультатно.

Валодрин расхохотался.

— Ты даже меня убить не можешь, а я всего лишь один человек. А в «Фемах» состоят тысячи. Но ты нужна нам. Для осуществления дальнейших планов нам нужна твоя смекалка и талант. Твой уникальный дар.

Она не сводила глаз с маленького серебряного револьвера — наверняка и он оказался частью плана коварного Валодрина.

— Никогда!

Кукловод направился к выходу.

— Запомни. Четыре задания за четыре имени. Это все, о чем тебя просят «Фемы». Думаю, сделка справедливая, так или нет?

Айви смотрела ему вслед, прислушивалась, как звук шагов становится все тише и тише.

— Где вас искать? — неожиданно для самой себя крикнула она вслед.

— Не волнуйся, — последовал ответ. — Сами тебя найдем, когда будет нужно...

Айви закрыла книгу. Она прочла две главы, но не помнила из них ни слова, все мысли были поглощены воспоминаниями о прошлом. Со временем той встречи в склепе Гиммлера она получила две карточки с именами — сестры и брата. И выяснилось, что жили они

вовсе не так хорошо, как расписывал Валодрин. Обоим отчаянно не везло, они остро нуждались в деньгах, имели проблемы, связанные со злоупотреблением наркотиками. Ситуация с братом дошла до того, что Айви уже просто не могла с ним общаться. Сестру она видела в последний раз, высадив ее у очередного реабилитационного центра. Мало того, ни брат, ни сестра не знали абсолютно ничего о родителях — выросли сиротами, как она сама.

Она выполнила еще одну грязную работу для «Фем» в обмен на информацию о маме. На этот раз на карточке, хранящейся в банковском депозитарии, значились координаты места захоронения. Оказалось, мама умерла годом раньше от рака легких. Айви была настолько потрясена этим известием, что убила трех людей Валодрина и собиралась убить и его тоже. Но он избежал этой участи, умоляв ее выполнить последнее, четвертое задание. Отец ее жив, уверял он ее. Еще одна работа — и она будет носить имя отца, пообещал он. Айви несколько недель обдумывала решение и наконец сдалась. И вот теперь получалось, что в рвении своем она зашла слишком далеко. И пути назад уже не было.

В приемнике затрепыхало. Она взяла его, поднесла к уху:

— Слушаю.

— Нужно, чтобы ты открыла станцию, — произнес знакомый голос.

— Скоро буду там, — ответила Айви. — Надеюсь, вы учли все детали? Надо сделать все, чтобы это выглядело делом рук американцев.

— Ты же у нас американка, разве нет?

— Да.

— Тогда это дело рук американцев.

Айви вдруг с ужасом подумала: что, если ее просто подставили? Но хриплый смех, донесшийся вместе с трескотней помех, подсказал: это очередная дурацкая и жестокая шутка.

— Еще раз пошутишь вот так, и глотку порву! — злобно прошипела она в микрофон.

— Прошу прощения, мисс Сегур, — последовал ответ. Он-то хорошо знал: Айви никогда не шутит.

— Встречаемся у центрального входа на станцию через пять минут, — бросила она в микрофон и отключилась. Затем закрепила радио на поясе и выпрыгнула из кабины снегохода.

Она старалась дышать глубоко и редко, холодный воздух тотчас превращался в горле в кристаллы, царапал, точно миллионы крошечных осколков стекла. Хорошо! Еще одно напоминание о том, что она пока что жива. Еще одно, последнее задание, напомнила она себе, готовясь к трудной ночи. Пришло время совершить задание под номером четыре, и с «Черными Фемами» можно распрощаться навсегда.

Глава двадцатая

В витрине магазина Эйприл увидела свое отражение и тут же с отвращением отвернулась. Что подумала бы мама? Босая. Мокрая. Одежда порвана. Волосы всклокочены. Макияж размазан по лицу. Выглядит, как пациентка, сбежавшая из подводной психиатрической больницы.

А окружающим плевать. Улицы заполняли озабоченные горожане. Они спешили добраться домой, к детям, позаботиться о них, о своих любимых и близких, разыскать пропавших — и все это до того, как город погрузится в полную тьму. Так что глазеть на

разгуливающее по городу мокрое пугало им некогда и неинтересно.

Позади раздался звон бьющегося стекла. Эйприл обернулась и увидела, как из разбитой витрины магазина выскаивают люди. Тащат в руках телевизоры с плоскими экранами и другие бытовые приборы, созданные в соответствии с высокими технологиями. Тревожная кнопка не сработала, сигнал, что магазин грабят, не поступал. Очевидно, все продавцы и про чий персонал покинули его или же прятались где-то в подсобке. А может, просто оставили всякую надежду остановить мародеров. Полиции поблизости не было, никто не бросился спасать чужое добро. В этот день героев в городе не оказалось. Только жертвы.

И тут почему-то Эйприл вспомнила о карте, которую заткнула за пояс юбки. Она понимала, насколько иррационально ее поведение, но испытывала неукротимое желание бежать как можно дальше от опасности. Бродя бы ее никто не преследовал, но в желудке неприятно заныло от страха. Видно, сознание просто отказывалось переключаться на более разумные действия. Заело, как сигнализацию в магазине электроники.

На следующем перекрестке она резко свернула вправо — успела заметить на себе пристальные взгляды двух мужчин в черном, они шагали следом. Вообще-то вокруг было полно мужчин в черных костюмах — не это беспокоило, — но вот взгляды, которыми окинула ее эта пара, когда глаза их встретились, не давали покоя. Они явно узнали ее. Неприятное предчувствие подтвердилось — за ней погоня.

Она убыстроила шаг. Не хотелось оглядываться, но, прошагав квартал, она все же решила выяснить, догоняют они ее или нет. Может, у нее просто пар-

нойя. Мания преследования. Что и неудивительно, когда вокруг творится полное безумие. Однако эти двое — мужчины с квадратными челюстями и короткими стрижками — были на месте и приближались с каждым шагом.

И тротуары, и проезжая часть были заполнены людьми. Они выбегали отовсюду. Эйприл уже с трудом пробивалась вперед, движение ее замедлилось. То пришлось пробиваться через толщу воды, затем — через грязь, и вот теперь по сухому асфальту. Она едва передвигала ноги, кожей чувствовала, что к ней приближаются. Нет, надо искать другой маршрут, и быстро. Что-то неожиданное.

Она протолкнулась сквозь толпу, собравшуюся у входа в магазин. «Ломбард и драгоценности от Барри» — гласила выведенная от руки надпись на табличке у двери. Если бы электричество не вырубилось, над входом опустилась бы решетка с толстыми металлическими прутьями. Но электричества не было.

Люди позади напирали и ругались, Эйприл прижалась лицом к стеклу витрины, сложила руки лодочкой и стала всматриваться внутрь. Внутри не было видно ни души. Она обернулась и увидела рядом двух своих преследователей.

— Давай сюда карту, — сказал первый.

— Не понимаю, о чем это вы, — пролепетала в ответ Эйприл, не преминув заметить, что второй громила блокирует ей путь к отступлению по улице.

Все трое стояли, сгрудившись, тесно, бок о бок, и их огибли волны проталкивающихся мимо людей. И Эйприл, воспользовавшись моментом, запустила руку под пиджак первого мужчины и стала шарить в поисках пистолета.

— Ты что это делаешь, а, тварь? — возмущенно рявкнул он, но голос его утонул во всеобщем шуме и гаме.

Мужчина попытался вырвать из ее руки пистолет, и тот выстрелил. Пуля угодила прямо в витрину магазина Барри. Она обрушилась грудой острых сверкающих осколков. Но вместо того чтобы бежать прочь, толпа дружно рванула вперед, в магазин, точно его владелец Барри вдруг решил провести полную распродажу по бросовым ценам.

Эйприл ворвалась внутрь вместе с толпой, преследователей ее отнесло куда-то в сторону. Обежала прилавок с кассой, ворвалась в плохо освещенную комнату, уставленную металлическими полками, на которых было разложено разное второсортное добро. Секунды спустя и это помещение наводнили толпы мародеров, спешивших набить карманы чем попало.

Женщина толкнула стальную дверь и оказалась в длинном темном коридоре. В конце виднелся слабенький лучик света — верный признак того, что там выход на улицу. И вот она побежала по этому узкому проходу, слыша за спиной топот ног. Она не видела и не знала, кто бежит следом за ней — мужчины в черных костюмах или наплевавшие на все законы мародеры, ищащие, чем можно еще поживиться.

Она добежала до двери в конце коридора, сплошь покрытой ржавчиной. Попыталась повернуть ручку — ничего не вышло. И тут вдруг ее грубо отшвырнули в сторону какой-то мужчина и начал яростно ломиться в дверь. Подоспели другие и буквально распластали ее по двери. Она задыхалась, казалось, весь дух вышел вон. Ее хватали чьи-то руки, больно толкали чьи-то острые локти. И вдруг среди всего этого кошмара и сумятицы мелькнули два знакомых

лица. Те, двое в черном. Они пристроились в хвосте, смотрели на нее и улыбались.

Тут вдруг дверь подалась, резко распахнулась, и вся толпа вывалилась наружу, на грязный тротуар узенького проулка между домами. Люди валялись в грязи, из карманов посыпались остатки награбленных в магазине Барри «сокровищ».

Эйприл заставила себя встать. И бросилась бежать в противоположном от толпы направлении. Только через несколько секунд она поняла, какую допустила ошибку — к магазину прибыла полиция, блокировала выход из проулка на улицу. Она остановилась, развернулась и метнулась обратно, но там ей преградили путь двое мужчин в черном. Отряхивали грязь с дорогих своих костюмов и медленно приближались к ней. Что же делать? Может, лучше сдаться полиции?

Преследователи и с той, и с другой стороны сближались, и это было вовсе не в ее интересах. Эйприл уже была готова сдаться, дождаться, когда две противоборствующие силы столкнутся — пусть себе выясняют отношения, а она попробует в этот момент удрать. Но тут вдруг она заметила реальный путь к отступлению. Влезла на крышку огромного мусорного бака, подняла руки и подпрыгнула. Ей удалось ухватиться кончиками пальцев за первую ступеньку пожарной лестницы, а вот сил подтянуться — нет, и она сорвалась. В этот момент внимание полиции отвлек мужчина, укравший голову десятирогого оленя, а вот двое головорезов в черном не выпускали ее из поля зрения и медленно приближались. Эйприл подпрыгнула снова и на этот раз, подгоняемая страхом и возбуждением, сумела подтянуться. И вот она уже на пожарной лестнице и быстро поднимается наверх.

«Черные костюмы» полезли за ней. Эйприл, напоминая четырехногого паука, с непостижимой бы-

стротой вскарабкалась на крышу. Однако оказавшись там, поняла, что план ее был далек от совершенства. Что делать дальше, она понятия не имела, и крыша не предлагала никаких решений. Здесь не было вертолета, готового унести ее вдаль. И солдат, готовых обронять ее, тоже не было. Она была одна и не знала, куда идти.

Громкий топот ног по металлическим ступеням подсказал: «черные костюмы» близко. Надо убираться отсюда. А надо ли?.. И вот в голове Эйприл начал формироваться новый план — при других, менее угрожающих обстоятельствах она бы рассматривать его не стала.

Она подобрала короткую металлическую трубу. Тяжеловата, но это хорошо — если размахнуться и врезать изо всей силы, можно нанести нешуточную травму. И не успела она засомневаться в самой возможности применения столь серьезного оружия, как над краем крыши возникла первая мишень — голова мужчины в черном. Размах у Эйприл получился столь сильным, что она едва не промазала. Но все же попала, задела кончиком трубы, и этого оказалось достаточно, чтобы мужчина в черном рухнул вниз, прямо на своего товарища, поднимавшегося следом.

Эйприл отбросила трубу, подкралась к краю крыши, глянула вниз и увидела — «черные костюмы» распростерлись на асфальте и лежат неподвижно. А вокруг тел толпятся полицейские. Эйприл быстро отодвинулась от края. Что, если они ее заметили? Она не знала. Но и не слышала, чтобы кто-то поднимался по пожарной лестнице. Впрочем, торчать здесь дольше все равно нельзя.

Неужели она убила этих двоих? Эйприл стало плохо от одной этой мысли. Ее даже затошнило, при этом она пыталась убедить себя, что должна была

поступить именно так, что другого выхода просто не существовало. Истинная правда, однако легче от этого почему-то не становилось. Она взглянула на трубу и заметила на ней кровь, тут ее вырвало.

Освободившись от остатков пищи и угрываний совести, Эйприл стала осматривать крышу. И вот обнаружила в северо-западном ее углу квадратную плиту. Приподняла — под плитой открылась узкая шахта для мусорных отходов, она наверняка тянулась через весь дом. Эйприл осторожно погрузилась в отверстие и быстро слетела вниз. И оказалась на первом этаже, внутри затянутого металлической сеткой электрораспределительного щитка. Она медленно отворила дверцу с табличкой «Использовать только при пожаре» и через секунду вновь оказалась на улице, где толпы людей по-прежнему стремились попасть домой. Она влилась в эту реку человеческих тел, и ее понесло по направлению к библиотеке Моргана.

Карта! Эйприл вдруг испугалась, что потеряла ее во время всех этих передряг. Похлопала себя по блузке в том месте, где края спадали на юбку.

Карта была на месте.

Опасаясь, что может потерять эту драгоценность — выронить, к примеру, и ее тут же затопчут сотни ног, — Эйприл вынула карту и, крепко зажав в руке, устремилась дальше по улице.

Глава двадцать первая

Хотя специальностью ее были книги, Эйприл всегда испытывала особое пристрастие к картам. Особенно к необычным — тем, где были обозначены какие-нибудь спрятанные сокровища, реальные или воображаемые. Возможно, пристрастие ее было

обусловлено тем, что именно благодаря карте она познакомилась с Августом.

Было это давно, тогда она работала в библиотеке Массачусетского технологического института, в отделе редких изданий. На стол ей положили открытку. Институт приглашал посетить сегодняшнюю вечеринку.

Вечеринку? С чего это вдруг ее приглашают на какую-то вечеринку? Идея ничуть не грела. К тому же совершенно нечего надеть. Про себя она взмолилась: лишь бы босс не заставил ее идти.

— А вы не считайте это вечеринкой, — сказал он ей. — Представьте, что это своего рода исследование. Кроме того, вам надо выходить в свет. Постоянно вижу вас уткнувшейся носом в книгу. Не поймите меня неправильно. Я очень ценю вашу преданность работе. Но вы молодая девушка, надо же хоть когда-то начать жить.

— Но...

Он вскинул руку.

— И слышать ничего не желаю! Вы пойдете, иначе уволю!

— Шутите?

— Я так похож на шутника?

Эйприл выбежала из кабинета и отправилась в город на поиски подходящего для события туалета. Купила костюм, туфли и сумочку, словом, целый ансамбль. Если уж идти, решила она, надо представать во всей красе. Потрясти всех, показать, какая она стильная. При каждом шаге в новеньких узких лодочках на шпильках она проклинала это решение.

Первый каблук сломался, когда Эйприл спускалась по лестнице в бальную залу. Второй — когда сняла проклятые туфли и швырнула их в мусорное

ведро в дамском туалете. Она забилась в одну из кабинок, сидела там и плакала — и случайно подслушала разговор двух женщин у зеркала. Они сплетничали о некоем загадочном красавце, настоящем мачо и великом специалисте по торговле редкими книгами, который должен был посетить мероприятие. Звали его Август Адамс, и, судя по всему, все женщины были у его ног.

— Ой, я вас умоляю... — пролепетала Эйприл и только тут поняла, что произнесла эти слова вслух.

Женщины захихикали и выбежали из поместья, оставив ее в одиночестве. Убедившись, что они ушли, она вышла из своего укрытия, долго стояла перед зеркалом и поправляла макияж. Она читала об Августе Адамсе, и ей хотелось увидеть этого великого книжного махинатора во плоти и крови. В нем воплотилось все, что она ненавидела в людях, особенно в том, что касалось книг. Адамс стал первым в мире человеком, сколотившим на торговле редкими книгами по Интернету целое состояние — свыше миллиона долларов.

И вот она вошла в бальную залу. Ее ослепили свет, блеск и великолепие. Кругом расставлены ледяные скульптуры высотой с дерево каждая. Официанты во фраках и бабочках носятся с тарелками, установленными изысканными закусками, десертами и дорогими винами. Джаз-банд вживую наяривает какую-то популярную мелодию, и в сердце всего этого — книга. И разумеется, не простая книга. А чрезвычайно редкая — «Нюрнбергская хроника», также известная под названием «Всемирные хроники»¹. И на нее

¹ Автор Гартман Шедель (1440–1514), его труд, напечатанный на латинском языке в 1493 г., представляет собой популярный свод исторических и географических сведений его времени.

пришли посмотреть все, кто хоть что-то представлял собой в книжном мире, и ее босс хотел, чтобы она потусовалась среди этих людей, смотрела, слушала и подыскивала бы потенциальных жертвователей в фонд редких книг при Массачусетском технологическом институте.

Эйприл решила и сама взглянуть на эту редчайшую и чудеснейшую книгу. Прошла по темному, до блеска натертому паркету, надеясь, что никто не заметит ее босых ног в этом приглушенном свете. Приблизилась к стенду из толстого стекла с подсветкой и с изумлением заметила, что осталась одна наедине с чудом. И стала любоваться книгой, которая была раскрыта на цветной иллюстрации, карте мира.

— Вам что-нибудь о ней известно? — спросил мужской голос за спиной.

— Кое-что, — ответила девушка, вспомнив, что это, возможно, потенциальный благотворитель. Уж она постарается произвести на него впечатление. — Думаю, эта иллюстрация основана на карте Кузануса¹ тысяча четыреста девяносто первого года.

— Кузанус? То есть Николая из города Кус? Но вроде бы он умер в тысяча четыреста шестьдесят четвертом, или я не прав?

Эйприл не сдержала улыбки. Вопрос любителя, иначе не назовешь.

— Да, но, видите ли... ответ вряд ли будет вам интересен.

— Напротив, очень даже интересен, — сказал мужчина. — Ведь разве мы с вами говорим не об одном и том же человеке, Николае из Кус, которого на-

¹ Кузанус, он же Николай Кузанский, — философ-богослов (1401–1464), кардинал и епископ Брискенский, а также натурфилософ, учил о вращении Земли вокруг своей оси, предложил реформу календаря.

чали называть «человеком Ренессанса» еще до наступления одноименной эпохи? Гений, вдохновивший Кеплера, Лейбница и Кантора! Уже не говоря о его глубоких высказываниях по метафизике и религии. Уникальный человек! Олицетворял собой само определение понятия «интересно». Так что я буду просто счастлив выслушать ваше мнение о нем.

Эйприл обернулась и начала пристально разглядывать странного собеседника. А потом с трудом подавила удивленный взглас.

— Ведь вы Август Адамс, верно?

Он улыбнулся:

— А вы?..

Она приоткрыла было рот и вдруг сообразила, что не помнит своего имени. Вообще ничего не помнит. Да что это с ней такое?

— Эйприл! — выпалила она, задыхаясь от волнения.

— Эйприл? Что ж, мне нравится.

— Нравится?

— Ну конечно, — ответил Август. Он придинулся к ней еще ближе, заглянул через плечо. — Ну и что вы думаете?

У Эйприл даже закружилась голова — от осознания того, что он так близко. Такого с ней никогда не случалось, даже когда у нее был парень или она собиралась на важное свидание. Но все это было давно. Слишком долго проторчала она в этом институте за книжками.

— Что я думаю о чем?

— О книге, разумеется, — ответил Август.

— Ах да! Книга... Думаю, она замечательная.

— Замечательная? Нет, не только. Вообще-то она на полтора миллиона больше, чем просто замечательная, если вы понимаете, о чём я.

— Долларов?

— Тсс! — Август приложил палец к губам. — Не слишком вежливо говорить о таких вещах на публике.

— О!.. Простите.

— Да шучу я, шучу, — усмехнулся Август. — Завтра утром на первой полосе «Нью-Йорк таймс» будет красоваться мой снимок, «Нюрибергская хроника» и чек, который я получил, продав эту замечательную книгу.

И тут колдовские чары мужчины рассеялись.

— Что ж, наверное, я просто приняла вас не за того...

— Не понял?..

— Значит, у вас все исключительно ради денег, так?

— Нет. Не так.

— Тогда ради чего?

— Ради приключений. Деньги делают приключение возможным.

Тут на плечи Августа легли руки в белых перчатках. Он обернулся и радостно приветствовал фигуристую блондинку, которая при виде его, похоже, впала в экстаз.

— Деньги многое делают возможным, не так ли? — язвительно заметила Эйприл.

Но, как выяснилось, говорила она сама с собой. Август отошел вместе с блондинкой и тотчас оказался в толпе обожателей и поклонниц.

Эйприл пробыла на вечеринке достаточно долго, чтобы собрать несколько визиток. Они — единственное доказательство, что вечер для нее выдался успешным. Она съела немного сыра, попробовала парочку

совершенно изумительных пирожных, а затем направилась к выходу, стремясь как можно скорее оказаться в тихой своей квартирке. На улице она какое-то время безуспешно ловила такси, бегая на цыпочках взад и вперед, чтобы босые ноги не замерзли окончательно. И тут вдруг на плечо ей легла рука.

— Уже уезжаете?

Она обернулась. Август.

— Да. Кое-кому завтра с утра на работу.

— Я тоже должен работать.

Эйприл окинула его хмурым взглядом.

— Да вы будете спать до полудня, затем подниметесь и пойдете выпить коктейль с одной из ваших фанаток.

— Моих фанаток?

— Ну, с одной из тех девушек.

— Думаете, поболтав со мной пять минут, вы успели составить обо мне полное представление?

— Может, и так, — ответила Эйприл.

Ей удалось привлечь внимание одного из таксистов, и он затормозил у обочины. Она распахнула дверцу и уселась, ей не терпелось закончить этот разговор. Но не успела она захлопнуть дверцу, как Август скользнул в машину и уселся рядом.

— Вы ошибаетесь.

Девушка тихо застонала.

— Знаете, мне все равно. Я просто хочу домой, и все.

— Нет, не хотите. По крайней мере пока. Сначала вы должны заехать со мной в одно место.

Эйприл подозрительно уставилась на него.

— Нет, не подумайте, ничего такого, — добавил Август. — Просто у меня есть один секрет, хочу поделиться им с вами.

— Почему?

— Да потому что в отличие от большинства людей на вечеринке вы это оцените.

— Оценю что?

Август сказал водителю адрес.

— Куда мы едем? — встревоженно спросила Эйприл.

— Я же сказал, пока секрет.

Эйприл пыталась оценить обстановку. Она может выскочить из машины и вернуться к своей обычной жизни. Или же может остаться с этим дьяволом-искусителем и узнать, чем же так замечателен этот его секрет. Любопытство перевесило, она осталась.

— Попробуйте только сделать что-то, и, клянусь, проткну вас кием, — предупредила она.

— Вы носите при себе кий?

— Всегда.

— Это хорошо. Потому как район, куда мы направляемся, считается не слишком благополучным.

— Я не могу никуда ехать. Я без туфель.

Август взглянул на ее босые ноги.

— Туфли — самая важная деталь дамского туалета. Вам не мешало бы прикупить пару. Как так получилось?

— О, это долгая история.

— Не сомневаюсь. Но послушайте, если вас удерживает только отсутствие туфель, я могу купить вам пару.

Эйприл усмехнулась.

— Где же вы найдете туфли в это время?

— Это Нью-Йорк! — воскликнул Август. — Город, который никогда не спит. Здесь можно накупить целую кучу туфель среди ночи.

Эйприл покачала головой:

— Ну, не знаю.

Август назвал водителю другой адрес.

— Куда мы едем?

Он улыбнулся.

— Просто вспомнил, есть один магазинчик; надеюсь, он вам понравится.

— Но откуда вы...

— Когда у мужчины столько «фанаток», как вы изволили выразиться, он быстро узнает лучшие места в городе, где можно приобрести отличные туфли.

Час спустя, после успешного приобретения туфель, они остановились у непримечательного складского помещения.

— Подождите нас, — сказал Август водителю, протягивая несколько купюр, затем вылез из машины и знаком попросил девушку следовать за ним. Они подошли к дверям, и Август отпер их ключом, который достал из потайного кармашка на пояске.

— Осторожность никогда не помешает, — пробормотал он, нервно озираясь по сторонам.

«Осторожность?» — удивилась мысленно Эйприл. Может, ей все же пригодится кий?

Они вошли в помещение, Август включил свет. Внутри было почти пусто, если не считать стоявшего посередине черного «БМВ». Август приблизился к машине сзади, снял туфлю, вытряхнул из нее еще один ключ.

— Как я уже говорил, осторожность никогда не помешает.

Эйприл боязливо приблизилась, а он меж тем отпер багажник и достал из него довольно объемистый серебристый кейс.

— Еще один ключ понадобится? — спросила она.

— Нет, — ответил Август и щелкнул замками. — Решил, что это будет уже перебор. — И вот он поднял крышку.

Эйприл потрясло представшее перед ней зрелище. Это были «Всемирные хроники».

— Но... я думала...

— Книга, что была на вечеринке, — подделка. Копия, — пояснил Август, разворачивая кейс к Эйприл, чтобы ей было удобнее смотреть. — А вот это настоящие «Хроники». Выставлять такую редкостную и дорогую книгу в публичном месте без соответствующей охраны было бы безумием.

— Просто глазам не верится...

— А вы поверьте, — сказал он. Поставил кейс на пол, снова полез в багажник, достал оттуда две пары перчаток, одну протянул Эйприл. — Вот, наденьте, чтобы можно было как следует рассмотреть.

— А можно?

— Ну конечно!

Эйприл натянула перчатки.

— Вы это со всеми своими девушками проделываете? — спросила она, бережно доставая книгу из кейса.

Август усмехнулся:

— Вы уж поверьте, вообще ни с одной!

И вот весь остаток вечера и ночь они провели за разглядыванием этой чудесной книги, сравнивая данные по ее истории, споря о создателях, легендах и мифах, что окружали и художников, и их творение. В какой-то момент — Эйприл не помнила, когда именно, — Август отоспал водителя такси.

На рассвете он убрал книгу в кейс, спрятал его в багажнике, затем уселся в «БМВ», включил мотор и отвез девушку на работу.

— Вы как, ничего? — спросил он, озабоченный тем, что она провела бессонную ночь.

— Со мной все отлично. И буду чувствовать себя еще лучше, если вы сделаете пожертвование в наш фонд, как и обещали.

— Так вот кто у нас говорит о деньгах! — воскликнул Август и шутливо подмигнул ей. — Вот что. Согласен отдать вам чек сегодня же вечером, когда мы отужинаем вместе.

— Так мы идем ужинать?

— Это самое малое, что я могу для вас сделать. В знак благодарности за то, что провели со мной без сна всю ночь.

Всю ночь... Эйприл была уверена, что предстоящая ночь тоже будет бессонной. Спрятала карту под блузку и набрала код задней входной двери в библиотеку Моргана. Она не знала, возможно, члены «Черных Фем» поджидают ее внутри, но это было единственное место, где они с Августом могли встретиться.

Она вошла и тихо притворила дверь. А затем на цыпочках двинулась по коридору и, добравшись до лестницы, остановилась и прислушалась. Поначалу не было слышно ничего, кроме тихого гула приборного щитка с указанием выхода на случай срочной эвакуации. Но затем она начала различать голоса, тихие, приглушенные, и шарканье ног. Эйприл силилась расслышать два более отчетливых голоса, отдельные слова, но никак не получалось. А голоса звучали все ближе и ближе.

Эйприл развернулась, собралась бежать обратно к выходу, но там, в темноте, ее кто-то поджидал. В руках мужчины был зажат пистолет с лазерным прибо-

ром наведения, и он целился прямо в нее — на груди у себя она заметила красное подвижное пятнышко.

— Я ее взял! — крикнул мужчина своим товарищам.

Эйприл услышала, как они побегают сзади. Каждая жилочка, каждая клетка тела твердила о том, что надо бежать, спасаться, но она так и застыла на месте как вкопанная. Она в ловушке, и рассчитывать на везение, как на крыше, просто глупо. На этот раз они ее точно прикончат.

Глава двадцать вторая

Август понимал — надо действовать быстро. Охранник из кофейни не защитит от воина «Черных Фем», особенно если этим воином окажется Лукас. Уж он-то не преминет расположить фартук охранника в лохмотья.

— Дай мне книгу, — сказал Август.

— Это еще зачем? — спросил Кливленд, крепко прижимая к груди том.

— «Черным Фемам» нужна только она. Если будет у меня, они погонятся за мной. И ты сможешь отвести Чарли в безопасное место.

Кливленд покачал головой:

— Это я во всем виноват. А потому должен заняться ими сам.

— Да тебе и полквартала не пробежать.

— Может, я и старик, но гораздо шустрей, чем ты думаешь.

— Не выдумывай. Давай сюда книгу.

— Что ж, прекрасно, — буркнул Кливленд и сунул книгу ему в руки. — Ты уж постараися, чтобы

они не наложили на нее свои грязные лапы. Или на тебя.

Август, Кливленд и Чарли бросились за стойку, обежали ее и оказались в подсобке. Там сидел охранник, смотрел какой-то фильм по ноутбуку. Он и не подозревал, какая грозит опасность. Август сорвал с его головы наушники.

— Звоните в полицию!

— Зачем?

И тут из соседней комнаты донесся страшный грохот. Мужчина так и выпрыгнул из кресла.

— Забудьте о полиции! — бросил ему Август и устремился вместе со своим семейством к задней двери. — Просто выметайтесь отсюда, и побыстрей!

И вот Кливленд, Чарли и охранник выбежали из кофейни в узкий переулок.

— На горизонте чисто, — сказал Август. — Да-вайте, шевелите копытами!

— Куда идти?

— Чарли знает. Просто следуй за ним. И старайтесь не попадаться на глаза. Найду вас позже. — Он поцеловал сына в макушку, потом протянул ему свой мобильник.

— Я думал, они сейчас не работают.

— Сейчас нет. Но когда подачу электричества восстановят, сразу звони в полицию. Ясно?

— Ясно, — ответил Чарли и засунул мобильник поглубже в карман брюк.

Кливленд обнял мальчика за плечо, и вот они оба исчезли из вида.

Август развернулся и бросился обратно в помещение. Впереди, в нескольких футах от двери, неподвижно лежал охранник заведения, горло у него было перерезано. Лукас и два его товарища по тайному

обществу стояли над трупом, как ястребы-стервята-ники.

— Взять его! — рявкнул Лукас.

Август метнулся мимо столиков, сбивая с них посуду, керамические кружки и чашки градом сыпались на пол, лопались с характерным звуком. По-прежнему прижимая к груди книгу, Август схватил свободной рукой стул и что было сил метнул его в витрину. Со звоном полетели осколки. Образовалось узкое отверстие, Август выпрыгнул через него на тротуар и сломя голову помчался по улице. Лукас с двумя подручными бросились следом.

На улицах до сих пор было полно народу. Август передвигался сквозь толпу зигзагами, метался то вправо, то влево — ну в точности игрок Национальной футбольной лиги. Противник нагонял, их разделяло всего несколько ярдов. Август понимал: так просто от этих типов не убежишь, нужен какой-то план.

И тут он увидел мотоцикл.

Черный, как ночь, «Бьюлл 1125R» выглядел вполне скоростной машиной. От приятелей, любителей бешеной езды, Август слышал, что это зверь, а не мотоцикл. После рождения Чарли Август обещал Эйприл никогда не гонять больше на мотоциклах. Никогда.

«Ничего, переживет», — подумал Август и бросился к спортивному мотоциклу.

По дороге он размахивал бумажником в поднятой руке, точно это была полицейская бляха, и кричал, чтобы его пропустили, однако мотоциклист не двинулся с места. Август почувствовал, как кто-то хлопнул его по плечу. Обернулся и увидел второго мото-

циклиста на похожей машине. Парни сняли шлемы. Братья. Близнецы.

— Вон те ребята меня послали, — сказал Август, указывая на Лукаса и его дружков, которые быстро приближались. — Просили передать: настоящие мужчины водят только «Харлей».

— Прямо так и сказали? — осведомился первый брат. Он был изрядно пьян и не прочь подраться.

Второй слез с мотоцикла.

— Сюда ползут. Нарываются.

И вот на улице разгорелась драка между братьями и членами «Черных Фем». Август вскочил в седло одного из мотоциклов и умчался прочь. Поглядев в зеркальце заднего вида, он увидел, как Лукас оседлал вторую машину и помчался за ним. Август поддал газу и теперь летел, как стрела, мимо выстроившихся бесконечными рядами автомобилей, летел к туннелю Линкольна. Обернулся. Лукас догонял.

Август крутанул дроссель, и мотоцикл, визжа шинами, устремился вперед. Он щурил глаза, в лицо бил ветер, и молился об одном — лишь бы кто-то из пассажиров или водителей вдруг не открыл дверцу автомобиля. Слышал, как грозно взревел мотор второй машины прямо у него за спиной. Расстояние между ними быстро сокращалось. Вот они на бешеной скорости пронеслись через перекресток, едва избежав столкновения с огромным мусоровозом, который почему-то застрял посередине. Водитель яростно крикнул что-то, когда они пролетали мимо, но Август не расслышал, что именно, всеми силами стремясь поскорее достигнуть черной дыры туннеля, что находился впереди.

Еще до начала энергетического коллапса Август понимал: туннель Линкольна будет забит машинами.

Но зрелище, открывшееся перед ним, напоминало поле боя. Охранник метнулся к нему, пытался задержать, когда Август сбил запертые ворота ограждения и ворвался в центральный туннель. Он был погружен в полную тьму, и Август почувствовал, что вместо того, чтобы промчаться под рекой Гудзон, он движется в этой темноте непонятно куда. Он нашел кнопку, включающую фары, однако решил пока не пользоваться ею. Сейчас не стоит выдавать свое местонахождение. До тех пор, пока он не получит хоть какое-то преимущество.

Глава двадцать третья

Лукас выжал сцепление и ворвался в темный туннель. Он знал: Август где-то впереди, поблизости, хоть и не видел его. Полез за пазуху и достал оружие, которое счел наиболее эффективным в подобных обстоятельствах, — «Эмерсон СQC-Т», прекрасно сбалансированный томагавк с острым как бритва лезвием. Один меткий бросок — и жертве конец.

Он поехал еще быстрее, а руку с томагавком опустил и приготовился к броску. В воображении своем он видел, как это грозное оружие вонзается Августу в шею. И если повезет, он просто отсечет голову от тела. Лукас едва не рассмеялся при этой мысли: мрачное совершенство самой этой сцены вызывало у него восторг.

В отдалении мелькнули хвостовые огни. Он понимал: Август слишком далеко углубился в туннель и теперь не может ехать без освещения. Так что бегство его можно считать законченным, этому типу предстоит умереть. Лукас выключил фары, он хорошо знал, что элемент внезапности является сильным

преимуществом. Скоро «Евангелие от Генриха Льва» окажется у него в руках, и он станет настоящим спасителем «Черных Фем».

Он еще ниже опустил руку с зажатым в ней томагавком; теперь стальное лезвие чиркало по асфальту, выбивая споны икр и отмечая тем самым его продвижение к цели. И еще поддал газу, мчался теперь с непостижимой быстротой. А может, Август уже остановился? Понял, что от Лукаса не убежать? Только портит всю задумку — несчастная беззащитная жертва испуганно сидит в темноте, покорно ждет своей участи, ждет, когда человек-гильотина подлетит к нему и одним взмахом руки отсечет голову.

Хвостовой огонек находился на расстоянии всего нескольких ярдов, когда Лукас заметил нечто странное в его расположении. Вместо того чтобы лежать в параллельной дороге плоскости, он был приподнят и как-то смещен по оси. Лукас чертыхнулся и ударил по тормозам, но было уже поздно. Из тени шагнул Август и нанес ему сильнейший удар по лицу толстой деревянной доской. Томагавк выскользнул из руки, со звоном полетел по асфальту, а сам Лукас свалился с мотоцикла и тяжело шмякнулся на дорогу.

Последнее, что он помнил, прежде чем со всех сторон навалилась тьма, — это рев мотоциклетного мотора. Машина Августа на полной скорости уносилась вдаль.

Глава двадцать четвертая

Август дрожал всем телом; казалось, что схватка с Лукасом отняла последние силы. Он едва избежал страшной участи — быть перерубленным пополам этим чудовищным оружием. Доска в оранжево-белую

полоску, которой он нанес удар Лукасу, являлась частью ограждения в туннеле. Руки до сих пор ныли от этого чудовищного удара, но он знал, что поступил правильно. Другого способа остановить маньяка просто не было.

И вот примерно через минуту он достиг конца туннеля, вырвался на волю и влился в плотный поток движения в сторону Манхэттена. Двоих подручных Лукаса нигде видно не было, и Август от души надеялся, что им не пришло в голову вернуться к кофейне и начать поиски Кливленда и Чарли.

Он достал из кармана записку, переданную доктором Ротшильдом, еще раз перечитал.

Перевернуть гадкую мифологию библиотекарши.

Поначалу он подумал, что то, должно быть, фраза из какой-то известной книги, по мнению доктора Ротшильда, знакомой ему. Но вспомнить не удавалось. Нет, ответ надо искать где-то еще. И тут Август вспомнил, что доктор был большим любителем разгадывания всяких словесных задач и загадок; каждое утро он брал «Нью-Йорк таймс» и полностью разгадывал помещенный там кроссворд. И еще он просто обожал разные там анаграммы.

Август понимал: Ротшильд никогда бы не стал загадывать ему загадку, не дав ключа. Но где он? Он прикинул, каким может быть ответ. Очевидно, в записке содержалась какая-то информация о Штульгерре, а потому, возможно, ключевым словом здесь является именно это слово. Он вычленил фамилию из фразы, посмотрел, что же у него осталось.

Пер-ве-н... адскую... мифо-огию...библиотека-и.

Что же тогда говорил ему Ротшильд? Что-то насчет того, что не хочет быть рядом с ним, когда он, Август, поймет, кто такой Штульгерр. Большинство

знакомых Августу людей работали в библиотеках, вполне возможно, что вторым ключевым словом является «библиотека», тем более что оно сохранилось в тексте полностью. Он вычел и это слово. Получилось:

Пер-ве-н...адкую...мифо-огию... и.

Итак, Штульгерр и что-то связанное с библиотекой. Так, хорошо... Он резко затормозил, едва не врезавшись в задний бампер такси. Водитель высунул голову и крикнул нечто неразборчивое в его адрес. Август лишь добродушно отмахнулся, делая вид, что не понял, чем вызвана эта гневная реакция. Говорить за рулем по мобильному телефону — серьезное нарушение. Но разгадывать загадки безумца — это вообще ни в какие ворота не лезет.

Надо удалить слова-связки. По сути, тут было только одно — «и». Можно было составить слово «адскую», но не хватало буквы «с». Из оставшихся букв можно составить бесконечное число комбинаций. Но как найти единственно нужное слово? Не так уж и много осталось букв, нет, определенно, ему нужен еще один ключ. Он близок к разгадке. Он чувствовал это. Чего же не хватает?

И тут из-за угла показалось здание библиотеки Моргана. И ответ на загадку доктора Ротшильда был найден в ту же секунду. Слово «Морган». Вот он, ключ. Тут же сложилась и вся остальная фраза:

«Штульгерр в библиотеке Моргана».

Но записка-предупреждение предполагала, что главное — это установить, кто же такой этот Штульгерр.

И тут Августа осенило.

Алекс Пирсон!

Неудивительно, что Ротшильд так боялся, что он узнает об этом прямо там, на месте. Август перебрал в

уме миллионы возможностей, но всякий раз почему-то мысленно возвращался к Алексу. Это подтверждало каждое его подозрение, которое он испытывал по отношению к давнему другу. И еще ему страшно не хотелось, чтобы подозрения эти подтвердились, особенно с учетом того, что Эйприл теперь помолвлена с Пирсоном. Как объяснить ей все это? Наверняка Эйприл подумает, что он выдумал все это, лишь бы она не выходила замуж. Что, впрочем, недалеко от истины. Он действительно этого не хотел.

Да и репутация Пирсона далека от совершенства. Как-то раз его поймали на шантаже потенциального поклонника Эйприл — он показывал ей скабрезные снимки, подделанные с помощью компьютерных технологий. И еще его застукали в Лондоне — там он шпионил за Эйприл, которая отправилась в деловую поездку.

Но в чем она, правда? Тут в душу его закрались сомнения. Что, если он скажет ей, что Алекс и есть Штульгерр, а потом выяснится, что это не так? Да Эйприл просто в порошок его сотрет. И уж ни за что больше не позволит видеться с Чарли. Кто на ее месте поступил бы иначе? И разве может он винить ее за это?

Август остановил мотоцикл на обочине, рядом со зданием библиотеки Моргана. Пришло время принимать решение. Рассказать Эйприл все, что он думает об Алексе, — это означало окончательно испортить с ней отношения. Не сказать — это значит подвергнуть ее жизнь страшной опасности. Страшно трудно совершить выбор, но Август уже знал, как поступить. Он должен сказать ей, пусть это и означает пожертвовать всем, что у них есть. И всем, что могло бы быть.

Он прислонил мотоцикл к дереву, вытащил из-под сиденья «Евангелие от Генриха Льва», затем поспешил к боковому входу в здание и дернул за ручку двери. Она оказалась заперта. Какое-то время он даже подумывал разбить стекло, но затем решил, что шум выдаст его, если бойцы «Черных Фем» все еще там, в библиотеке.

Над ним, точно средневековый замок, нависало массивное кирпичное здание библиотеки. «Должен же быть еще какой-то вход», — подумал Август. И тут вдруг всплыло воспоминание, вид со смотровой площадки Эмпайр-стейт-билдинг. Они были там с Эйприл, и ей стало плохо — закружила голова. Август поначалу подумал, что все дело в высоте, но затем нашел другую причину. Он глянул вниз, и внимание его привлекли гигантские врачающиеся лопасти вентиляторов, венчающие практически каждое высотное здание на Манхэттене. Вот отчего у Эйприл закружила голова. В тот момент у нее были все причины крепко зажмуриться и прижаться к нему в поисках поддержки.

Он побежал к углу здания и обнаружил водосточную трубу, тянувшуюся с крыши. Снял ремень брюк, обвязал им себя вокруг груди, сунул под него драгоценную книгу. Так надежнее, да и руки свободны. И вот, хватаясь за металлические скобы, вбитые в кирпичи, с помощью которых труба крепилась к зданию, он начал медленно подниматься вверх. Скинуть бы годков пять — совсем другое дело. Но вот он достиг крыши, перевалился через край, нашел вентиляционную шахту и глянул вниз. В обычных условиях там бы крутились лопасти вентилятора, и влезть в шахту было бы равносильно самоубийству, но энергетический коллапс снял проблему.

И он нырнул в эту черную дыру. Держаться было особенно не за что, опорные скобы внутри шахты легко гнулись под его весом. Он быстро спустился на несколько футов, отчаянно цепляясь, чтобы не сорваться. Но, несмотря на осторожность, одна нога все же соскользнула, и Август полетел вниз, в самую глотку этого железного левиафана, навстречу неминуемой гибели.

В падении тело колотилось о стенки шахты, одежду и кожу цепляли и рвали гвозди и погнутые скобы. Августу казалось, что он попал в какую-то средневековую пыточную камеру. Или в новое садистское изобретение для детей — трубу, стенки которой снабжены крохотными кинжалами.

И вот он достиг дна и тяжело ударился об него всем телом. От удара страшно заболела голова, особенно в висках. Август медленно поднялся на ноги, ощупал тело и одежду, залитые кровью. Поморщился от боли, нашупав довольно глубокую рану на голове, над ухом. Но, несмотря на столь плачевное состояние, он все же пробрался внутрь. Теперь перед ним стоит другая проблема — как выбраться отсюда?

Справа он на ощупь нашел узкую отводную трубу. Залез и двинулся вперед. Он полз, как какая-нибудь колодезная крыса, «Евангелие от Генриха Льва» по-прежнему крепилось к груди ремнем. Интересно, слышал ли кто-нибудь из «Черных Фем» звук его падения? Впрочем, здание большое, есть шанс, что его вторжения никто не заметил. В любом случае скоро он узнает, так это или нет.

Трубопровод кончался тупиком. Август уже приготовился повернуть назад, как вдруг почувствовал внизу, под собой, поток холодного воздуха. Глаза привыкли к темноте, и он разглядел, что находится

прямо над сетчатой решеткой. Нашел два крючка по обе стороны, отпер ее. И, держась за края, вполз на четвереньках в пространство, находившееся уровнем ниже. Увидел впереди какое-то отверстие, подполз, просунул голову, осмотрелся. И понял, что находится в просторной кладовой.

Он вылез из люка и ухватился за трубу, что тянулась по всему периметру. Перебирая руками, он добрался до дальнего ее конца, затем соскочил на старые книжные полки и уже с них спрыгнул на пол. Осторожно пересек тускло освещенную комнату, пробираясь через груды моющих и чистящих средств, мимо швабр с ведрами, и, наконец, добрался до деревянной двери. Приложил к ней ухо, прислушался. Тишина. Тогда он медленно повернул дверную ручку и выскользнул в коридор. Огляделся по сторонам — совершенно незнакомое место. Август знал библиотеку Моргана как свои пять пальцев, но бывать здесь прежде никогда не доводилось.

Где же он оказался, черт побери?

Глава двадцать пятая

Август услышал голоса.

Он дошел до самого конца коридора, осторожно высунулся из-за угла. Всего в нескольких ярдах стояли у стальной двери двое мужчин. Один из них откинул панель в стене, открылась выемка с каким-то цифровым устройством. Наверняка замок. Август слышал, как второй мужчина диктовал своему напарнику семизначный цифровой код, а тот послушно нажимал на кнопки.

— Слышал?

Адамс тут же втянул голову обратно.

— Тсс! Ты слышал или нет?

— Да это у меня в животе бурчит. Ладно, идем отсюда.

Август прислушался к звуку шагов — мужчины уходили в противоположном направлении. Когда шаги стихли окончательно, он выбрался из своего укрытия и подошел к двери. Открыл панель, набрал цифровой код. В приборной доске зажглась зеленая лампочка. Потом послышался щелчок. Дверь открылась. Джекпот!

Он вошел и ахнул при виде представшего перед ним зрелища. Это была не комната... нет, скорее пещера, более подходящего слова не подберешь. Не слишком большая, но все же пещера. Стены освещают горящие факелы. Поверх каменного пола постелены толстые дубовые доски. А самый любопытный предмет находился в дальнем конце этого странного помещения — позолоченная статуя Девы Марии высотой футов десять.

«Должно быть, это и есть зал, где правит суд Штульгерр», — подумал Август. Устроивший здесь помещение в точности скопировал его с древних планов. Нет ничего лишнего, каждый предмет, каждая деталь, — все на месте и служит своей цели.

Из коридора донеслись чьи-то голоса. Адамс чертыхнулся и оглядел комнату в поисках места, где можно спрятаться. Особенно некуда... И тогда он бросился к статуе, заметив в передней ее части длинную трещину. Он положил книгу на пол, взялся обеими руками и раздвинул эту своеобразную «дверцу». Внутри тускло и зловеще поблескивали в свете факелов треугольные шипы. Август удрученно покачал головой. Место для укрытия подходящим не назовешь. Тогда он закрыл статую, обежал ее и укрылся позади.

Темновато, но ничего, его не видно. А потом вдруг с ужасом вспомнил: «Книга! «Евангелие» осталось лежать на полу!»

Дверь отворилась. Вошли двое мужчин, они волокли женщину и всеми силами пытались заставить ее замолчать. Это была Эйприл...

Сердце у Августа забилось как бешеное. Взыграли все темные инстинкты, он был готов наброситься на негодяев, задушить их голыми руками, разорвать на мелкие кусочки. Но он понимал, что не успеет преодолеть и половину разделявшего их расстояния, как они застрелят его. Если и есть хоть какой-то шанс спасти ее, нужно дождаться более удобного момента.

— Я скажу вам, где карта, — произнесла Эйприл. — Но за это вы должны меня отпустить.

Карта? Зачем «Черным Фемам» понадобилась какая-то карта? Разве они охотятся не за книгой?

— Надо дождаться Штульгерра, — пробасил первый мужчина. — А уж потом примем решение.

Август немного высунулся из-за статуи и увидел, что голос принадлежит мускулистому приземистому мужчине, который, казалось, с трудом мог втиснуться в костюм. И лицо помятое, все в каких-то складках и бородавках — ну в точности как у бульдога.

Напарник же его являл собой полный контраст — тощий, как палка, и на целый фут, если не больше, выше ростом. Костюм висел на нем, как на вешалке. Изможденное лицо исказила гримаса.

— Надо заняться этим сейчас, прежде чем Штульгерр появится, — сказал он «Бульдогу». — Кроме того, может, дамочка лжет. Может, карта до сих пор при ней.

Тут тощий почему-то глянул в его направлении, и Август тотчас убрал голову.

— Тогда ее надо обыскать, — сказал «Бульдог». Август слышал, как Эйприл возмущенно закричала. Очевидно, «Бульдог» не привык церемониться с жертвами даже во время обыска.

— Уберите руки! — крикнула Эйприл.

— Эй... а у нее тут что-то вроде бы есть, — пробормотал здоровяк.

Август услышал шелест разворачиваемого пергамента. Сделке Эйприл не суждено состояться. Теперь, когда карта у них, нет причин оставлять ее в живых. Август планировал свой следующий ход, но тут за него это сделали другие.

— А чего это там, а? — спросил тощий.

— Вроде как книжка какая-то, — ответил напарник.

И вот послышались тяжелые шаги, мужчина направлялся прямо к Августу. Тот сжал кулаки, весь напрягся в ожидании нападения. И тут вдруг его осенило.

«Бульдог» наклонился.

— Послушай-ка, а не та ли это книга, о которой говорил Штульгерр?

— Быть того не может, — пробурчал в ответ тощий.

Август прижался к стене затылком и начал толкать статую, вкладывая в эти движения всю свою силу. На миг показалось, что вот-вот лопнут все мышцы и сухожилия, виски снова пронзила невыносимая боль. И вот он заметил, что золотая голова статуи, отливающая в свете факелов оранжевым мерцанием, слегка качнулась.

— Я серьезно, — сказал «Бульдог». Он подходил все ближе. — Ты посмотри, тут нарисованы два маленьких ангелочка и крест посередине. Ну в точности как он говорил.

Тут уже и основание статуи затрещало и пошло трещинами; а потом все сооружение сорвалось с пьедестала, резко накренилось вперед и рухнуло, точно опрокинутый вандалами надгробный камень. Толстяк взвизгнул и вскинул перед собой руки, но было уже поздно. Золотая Дева Мария наклонилась и «попцеловала» его прямо в лоб, сломав при этом позвоночник. Он распростерся на полу, статуя — рядом. Вся пещера так и содрогнулась от мощного удара.

Лишившись укрытия, Август был теперь беззащитен. И беспомощно наблюдал за тем, как тощий мужчина выхватил пистолет и спустил курок. Пуля срикошетила от стены всего в нескольких дюймах от его головы. Он понимал: в следующий раз так не повезет. Но второго выстрела не последовало. Эйприл бросилась на его защиту, ударила тощего в челюсть, затем впилась в руку, стараясь вырвать пистолет.

Август перепрыгнул через дыру, образовавшуюся в том месте, где стояла статуя, и подбежал к дрожащему. Как раз в этот момент Эйприл получила сильнейший удар по голове. Мужчина поднялся на ноги, отирая кровь с разбитых губ. Пистолет был при нем, и он навел ствол на Августа.

— Не двигаться! — скомандовал он.

Эйприл лежала на полу. Она была без сознания.

Август вскинул руки.

— Чего вы хотите? Мы все отдадим. Только не делайте глупостей!

— Глупость совершила девчонка и вот валяется теперь на полу, — сказал тощий, облизывая верхнюю губу. — Ей это с рук не сойдет, будьте уверены.

Август крепко зажмурился и взмолился, чтобы дорога от земной жизни к загробной оказалась как можно короче.

Глава двадцать шестая

Чарли взглянул на ангела высоко у себя над головой. Тот протягивал к нему руки, и в этом жесте светилась доброта, а может, и предупреждение — он никак не мог решить, что именно. Крылья развернуты для полета, но Чарли знал: ангел никуда не денется. Здесь был его дом, место, которое так любил посещать Чарли, особенно во время прогулок с отцом.

— Пошли, дедушка, — сказал Чарли. — Мы уже совсем близко.

— Надеюсь, — проворчал Кливленд, сидевший на краю фонтана. — Потому как я того гляди рухну от усталости.

— Ну, ладно, посидим еще минутку. — И Чарли тоже присел рядом на край фонтана. — Когда-нибудь бывал здесь прежде?

— На Бетезда Террас? Просто не представляю себе поездки в Нью-Йорк без того, чтобы посетить Центральный парк и посмотреть на Фонтан Ангела.

Чарли улыбнулся:

— Когда я был маленьkim, думал, что ангел настоящий.

— Знаешь, я и сам до сих пор так думаю, — ответил Кливленд. И начал нервно озираться по сторонам.

— В чем дело?

— Хочу убедиться, что за нами нет хвоста.

Чарли поднялся и оглядел толпу. Кругом гуляло полно народу, но ни один человек не казался подозрительным. По крайней мере он не заметил никого, похожего на парней в черном, которые неожиданно ворвались в кофейню.

— Вроде бы все нормально.

— Хорошо.

Они мирно сидели у фонтана еще минуту-другую. «Странное ощущение, — подумал Чарли, — особенно с учетом событий сегодняшнего дня».

— Скажи, есть место, где тебя может искать отец?

— А ты готов его видеть?

— Думаю, да, — ответил Кливленд. И перед тем как подняться, опустил руку, плеснув водой.

Чарли шустро двинулся вперед и вскоре вошел в одну из арок под мостом Террас. Там Кливленд и догнал его, и они зашагали рядом по туннелю, затем подошли к лестнице. Чарли поднимался, перепрыгивая сразу через две ступеньки, остановился наверху, победно вскинул руки.

— Я выиграл! — крикнул он.

Кливленд, запыхавшись, подошел к внуку.

— А я проиграл, — сказал он и поднял руки в знак поражения.

— Не бойся. Мы уже близко. — Чарли прошел вдоль парапета и остановился возле квадратной колонны. — Вот оно!

Кливленд подошел, усмехнулся:

— Теперь я понимаю.

На одной из сторон колонны было вырезано изображение, мимо которого вряд ли мог пройти истинный библиофил, — раскрытая книга. За ней стояла лампа, и хотя пламя было ненастоящим, серые страницы книги мягко освещались лучами заходящего солнца.

— Круто, правда? — спросил деда Чарли. — И мне всегда нравилось представлять, какие слова тут были выбиты, прежде чем стерлись.

— Стерлись?

— Ну да. Может, на этом камне было выбито какое-то магическое изречение. А потом кто-то вытравил его кислотой...

Кливленд ласково взъерошил волосы внука.

— Ты очень похож на своего отца, очень!

— Правда? А люди говорят, я больше похож на маму.

— Кто говорит?

Тут Чарли покраснел.

— Ну, в основном мама...

— Не сомневаюсь, есть в ее высказываниях доля истины. И все равно ты сын своего отца. Точно тебе говорю.

— Знаешь, чем я похож на него? Умственными способностями!

— Объясни, будь другом, — попросил Кливленд.

— Папа все время заставляет меня запоминать разные вещи.

— К примеру, вот это место встречи?

— Да. Но не только. Значительно больше.

— Что-то интересное, занимательное?

— Да, наверное. Вся эта резьба по камню, что ты видишь здесь, выполнена человеком по имени Якоб Рей Моулд¹. Легко запомнить, стоит только представить, как зеленая плесень покрывает все вокруг.

— Очаровательно.

— На некоторых камнях изображено утро, на других — вечер. И мы с отцом договорились, что если вдруг потеряемся, разлучимся утром, то встречаться надо у изображения петуха. А если мы разлучились позже, ближе к концу дня...

¹ В переводе с английского «mould» — «плесень», «плесневый грибок».

— То тогда у книги с лампой, — закончил Кливленд. — Поскольку эти предметы символизируют вечер.

— Верно!

— Смотрю, твои «умственные способности» в прекрасном рабочем состоянии.

— Папа тоже так говорит!

Тут их беседа прервалась. От всех этих разговоров об отце Чарли страшно захотелось, чтобы он наконец появился. Был здесь, рядом с ними. Прошло минут десять, оба они молчали. А небо тем временем расцвело темно-пурпурными и рубиново-красными тонами, бесконечным каскадом красок, переходящих одна в другую и являющих контраст с темно-синей полоской на востоке.

— А почему вы с отцом так долго не разговаривали? — спросил Чарли, подойдя поближе к деду.

— Разве он тебе не говорил?

— Нет.

— Тогда, наверное, у него были на то свои причины. Сам спроси отца, когда вся эта заварушка закончится.

— Но что, если... — Тут Чарли на секунду запнулся. — Что, если он вообще никогда не вернется?

Кливленд пожал плечами, затем пробормотал еле слышно:

— Да будет тебе... — А потом после паузы добавил: — Знаешь, давай договоримся. Если он все же расскажет тебе всю эту историю, будешь вести себя так, точно никогда об этом не слышал. Идет?

— Идет, — ответил Чарли со всей убежденностью скаута, дающего клятву.

— Прежде всего хотел бы заметить, что твой отец очень хороший человек. И в детстве был очень хо-

рошим мальчиком. Но до сих пор так и не научился выбирать правильную дорожку.

— История будет грустной?

— В каком-то смысле да. Ты еще не раздумал? Хочешь выслушать до конца?

Чарли призвал на помощь всю свою храбрость.

— Да.

И Кливленд продолжил:

— Все неприятности начались после смерти Вайолет. Твоей бабушки. Жаль, что ты совсем не знал ее. Замечательная была женщина, ум острый как бритва, а уж красавица!.. Мне с женой повезло, мы счастливо прожили много лет. Когда Августу стало двенадцать, она умерла. И ему было очень трудно... пережить это. Да и мне тоже нелегко. Отношения между нами начали осложняться. По большей части, конечно, моя вина. Всякий раз, глядя на него, я видел перед собой ее лицо. Мне вовсе не хотелось отдалиться от сына. Но теперь, оглядываясь назад, понимаю: почти все время, что отсутствовал дома, я пытался бежать от боли. Это была моя ошибка. А ошибки твоего отца случились позже.

Чарли впитывал каждое его слово. Не так уж много он знал и слышал о ранних годах отца.

— Прошло шесть лет, — продолжил Кливленд. — Я все больше времени проводил в разъездах, а Август все чаще впутывался в неприятности. Я заметил это только после того, как он с дружками, такими же сорвиголовами, ворвался в школу и расписал спортивный зал разными непристойными граффити. Сам я в то время находился в России, и мне пришлось срочно вылететь ночным рейсом, чтобы спасти Августа от тюрьмы.

— Папа был в тюрьме?!

— Неудивительно, что он этого тебе никогда не рассказывал. Не самые приятные воспоминания в его жизни.

— Так кто-то пытался ударить его заточкой, да?
Кливленд не сдержал смешка.

— Нет. Ему было очень трудно и плохо. Но до заточки дело не дошло.

— Ну а что было после того, как он вернулся из тюрьмы? Ты пытался перевоспитать его, да?

— Пытался, — ответил Кливленд. — Но к тому времени Августу стукнуло уже восемнадцать. Почти совсем взрослый человек. И он меня совершенно не слушался. Против моего желания поселился вместе с одним дружком. Парень давно бросил школу и промышлял, как позже выяснилось, торгуя разным добром на черном рынке. Нет, не наркотиками, предметами искусства. Но не думай, оттого, что это искусство, само дело не менее опасное и не более законное. Я так и не выяснил, был ли напрямую замешан там Август. Но чем больше узнавал, тем чаще умолял его вернуться домой.

— И он вернулся?

— Как бы мне хотелось ответить тебе «да». Последний наш разговор с ним состоялся по телефону. День выдался ветреный, холодный, дождь лил как из ведра. Тогда я находился в Шотландии. Позвонил ему и сказал, что завтра возвращаюсь домой. А потом спросил, не хочет ли он пообедать со мной, посидеть, поболтать. Август отказался. Ну хорошо, тогда просто пообедаем. Ничего больше. А он все твердил: нет и нет. Тогда я сказал, что люблю его, и он тут же повесил трубку. Вот и все.

— А почему?

— Наверное, потому, что он совершил... ужасный, немыслимый поступок. Украл мою книгу.

— Какую?

— «Всемирные хроники». Известна также под названием «Нюрнбергская хроника». Ну и латинское тоже довольно известное. «*Liber Chronicarum*». Слышал когда-нибудь?

— Да. Мама о ней рассказывала. И еще вроде бы эта самая книга имела отношение к их знакомству. Мамы и папы.

— Это верно, — печально улыбнувшись, заметил Кливленд. — Но есть в этой истории и отрицательный момент. Книга изначально принадлежала мне. Я нашел ее за несколько лет до рождения Августа. Она была главным моим сокровищем, артефактом, который прославил мое имя в мире редких книг. И еще по одной причине я так дорожил ею. Благодаря «Хроникам» мы с Вайолет познакомились.

— О ней я вообще почти ничего не слышал.

— Жаль. Потому как она была женщиной замечательной, даже выдающейся. Но, конечно, не сразу стала таковой. Отец ее был очень богат и дочери ни в чем не отказывал. И когда мы познакомились, она была страшно избалованной девицей.

— Да, знаю. Такие у нас в школе тоже есть.

— Наверное, не пользуются большой популярностью?

— Ну, разве что если у них есть ИКС-Бокс¹. Тогда пользуются.

— Понимаю, куда ты клонишь, — улыбнулся Кливленд и продолжил: — И вот Вайолет должно было исполниться восемнадцать, и отец спросил, ка-

¹ ИКС-Бокс — популярная компьютерная игровая приставка.

кой она желает подарок. Наверное, думал, что она попросит какое-нибудь экстравагантное бриллиантовое колье или же нитку жемчуга длиной в милю. Но ничего подобного. Она попросила другое.

— ИКС-Бокс?

— Нет. Она попросила книгу под названием «Всемирные хроники».

— Ту самую, о которой рассказывала мама?

— Ту самую. А вот почему эта книга столь важна для нее, она так ничего и не сказала. Тем не менее отец Вайолет решил сдержать слово, найти эту книгу в подарок для дочери. Обращался к друзьям за помощью, но никто из них даже названия книги не знал, уж не говоря о том, где она находится. И тогда он принял очень разумное решение. Нанял меня для ее поисков.

— Так ты и познакомился с Вайолет?

— Нет, во всяком случае, не сразу. Ее отец меня нанял. До сегодняшнего дня для меня так и осталось загадкой, по какой именно причине. Должно быть, получил рекомендации от коллег или какого-нибудь бывшего моего нанимателя. Я, конечно же, так и ухватился за эту работу, ведь до сих пор успехи мои в охоте за редкой книгой можно было назвать весьма скромными. А теперь я впервые в жизни подписал большой контракт, на порядок выше, чем все прежние. Правда, наниматель предупредил, что никакого бюджета на расходы у меня не будет, и я поначалу подумал, что должен финансировать все поиски сам. Но быстро понял, что означали эти его слова: бюджет оказался поистине неограниченным. Я мог получить все, что душеньке угодно. Допустим, надо было вылететь в Гонконг, и я в ту же секунду получал билет. А если надо было нанять капитана судна или пилота

самолета, а то и целую команду вместе с цеппелином и лететь на нем, куда надобно, я мог сделать это, не колеблясь.

— Круто, ничего не скажешь!

— Да. Но потрудиться пришлось немало. Первые три месяца я знакомился с ведущими игроками на рынке редкой книги. Странные то были люди, куда странней и эксцентричней многих персонажей из книг, которые они так любили обсуждать. Но они очень помогли, и шаг за шагом я приближался к своей цели.

— Нашел книгу?

— Не сразу, нет. Просто удалось нащупать один след. Вайолет теряла терпение. Стала расспрашивать о моих методах и опыте. Один раз даже сказала, что прекрасно справилась бы сама. И с этого момента начала повсюду сопровождать меня.

— И она тебе уже тогда нравилась?

— Бог ты мой! Да ничуть! Постоянно ныла и капризничала, и я начал искренне жалеть, что не родился глухим. Суп холодный. Ложка грязная. В комнате слишком жарко. Ну и так далее в том же духе. Как-то раз довела меня до того, что я не выдержал, сорвался. И в приливе гнева высказал все, что о ней думаю. Изо рта моего вылетали такие слова... я даже не подозревал, что знал их. Должно быть, речь эта произвела на Вайолет сильное впечатление, потому что когда я наконец умолк, она разрыдалась. И проплакала всю ночь напролет. Чувствовал я себя, разумеется, ужасно, но хватило ума не идти к ней просить прощения и утешать.

— Просто смотрел, как она плачет?

— Знаю, выглядело это жестоко. Но поверь, все, что ни делается, к лучшему. С того момента отно-

шения у нас начали налаживаться. Мы были честны друг с другом, не утаивали своих чувств. Она рассказала, что сама себе не нравится, что хочет измениться. И спустя какое-то время чудесное превращение действительно произошло. Мы оба изменились. Пережили вместе немало приключений в погоне за постоянно ускользающей от нас «Нюрнбергской хроникой». И наконец в один прекрасный день нашли книгу. Путешествие наше подошло к концу.

— Что же было дальше?

— А дальше мы поступили, как любая нормальная пара влюбленных. Мы поженились.

— А что было с книгой?

— Мы поместили ее в застекленный стеллаж у нашей двери. Не самое безопасное место хранения для столь драгоценного предмета, но мы понимали: в банковском сейфе такое сокровище не спрячешь. Всякий раз, проходя мимо нее, мы вспоминали, как начались наши отношения... и почему мы по-прежнему любим друг друга.

Чарли почувствовал, как на глаза навернулись слезы. И сердито отер их тыльной стороной ладони.

— Тогда почему папа украл у тебя «Всемирные хроники»? Разве он не знал, как много для тебя значит эта книга?

Кливленд обнял внука за плечи.

— Он очень хорошо знал. Именно поэтому так и поступил. Он понимал, что если заберет ее у меня, это будет равносильно тому, что вонзить мне кинжал прямо в сердце. Он понимал, что отныне я порвусь с ним всякие отношения, перестану просить вернуться домой, исправиться. Но он ошибался.

— Ты его простил?

— Конечно, простили, — ответил Кливленд. — Не сразу, но слишком долго сердиться на родного сына просто невозможно. И потом, спустя какое-то время я понял еще одну важную вещь. Я больше переживал из-за памяти о Вайолет, чем о книге. Книга была важна, но в конечном счете это просто книга.

— Зато очень важная книга.

— Да. Но все это уже в прошлом. Теперь перед нами возникли новые проблемы.

— В том числе и папа, которого до сих пор нет, — сказал Чарли. — Как думаешь, сколько его еще ждать?

Тени кругом сгущались, начало темнеть. И Чарли вспомнил предупреждение мамы: «Никогда не оставайся в парке до наступления темноты». Она крепко вдолбила ему в голову эти слова.

— Мы прождали достаточно долго, — с оттенком грусти в голосе заметил Кливленд. — Пора уходить.

Чарли приложил ладонь к вырезанной в камне книге, точно прощался с ней.

— А куда мы пойдем?

Кливленд улыбнулся.

— Всегда надо иметь запасной план, — сказал он и повел Чарли по тропинке, ведущей к восточному краю Центрального парка.

— Так у тебя есть запасной план?

— Всегда!

Глава двадцать седьмая

Гаррет Дейрол подбежал к огромному «С 141 Стар-лифлер», стоявшему на взлетной полосе. Самолет был приобретен у военных и напичкан оборудованием, соответствующим целям и нуждам «Черных Фем».

Выполнение индивидуальных заказов стало первой и простейшей работой, которую Гаррет выполнял для тайной организации. Со временем задания становились все более сложными и опасными.

Он тосковал по тем самым первым дням своего членства в организации, когда цели «Фем» были ясны и четко определены, когда его собратья не были запятнаны непрестанным политиканством и внутренними расприами. Теперь же надо признавать отдельные фракции, ублажать их эго, постоянно следить за тем, чтобы соблюдался баланс между властными структурами. Теперь это сложно. Он тосковал по тем дням, когда «убить» или «был убит» — вот и все, что следовало знать.

Гаррет поднялся по металлическим ступенькам, постучал в дверь. Она немедленно распахнулась. Он вошел и выложил начальнику приятные новости:

— Они уже в пути.

— Давно пора, — последовал несколько невнятный ответ.

— Вы что же, пьете «Реми Мартен», который Штульгерр приберегал напоследок? — осторожно осведомился Гаррет, не желая навлекать на себя неприятности.

— Отметить немного раньше... не вижу в том ничего плохого, — ответил его начальник и, как бы в подтверждение сказанного, отпил еще глоток. — Враг уже сдался, война окончена.

— Не хотелось бы быть рядом, когда вы станете объяснять все это Штульгерру, — заметил Гаррет и выбрался из самолета.

Он не покривил душой. Штульгерр был безжалостен и мог, не раздумывая, отнять у человека жизнь, если ему казалось, что тот стоит у него на пути. Од-

нажды Гаррет стал свидетелем того, как Штульгерр лично отрубил указательные пальцы десятерым рабочим — только за то, что не справились с заданием в срок.

Он побрел к лимузину, стоявшему невдалеке от «Старлифтера», и постучал в боковое окно. Тонированное стекло сползло вниз на несколько дюймов, лицо сидевшего внутри человека удавалось различить с трудом.

— Место захвата определить удалось? — спросил водитель.

— Да, — кивнул Гаррет. Огляделся по сторонам, затем протянул собеседнику сложенный пополам листок бумаги.

Водитель развернул его.

— Отличается от того места, которое мы обсуждали раньше.

— Планы изменились, вам бы следовало это знать.

Водитель промолчал. Стекло поползло вверх, лимузин мурлыкнул мотором и отъехал.

Гаррет мысленно напомнил себе, что надо бы заменить этого человека, как только представится возможность. Но пока что заниматься этим некогда, следовало решать более насущные проблемы. Он достал из кармана изящный мобильный телефон, набрал номер, состоящий из длинного ряда цифр. После гудка включился автоответчик. Он нажал на «отбой» и набрал номер снова.

— Алло?

— Айви. Всегда отвечай сама.

— Извини. Просто была занята, закапывала труп в лед.

— Звучит заманчиво, — заметил Гаррет, не уверенный, шутит она или говорит серьезно. Взглянул на часы. — Как идут дела?

— По расписанию, — ответила она. — Будем готовы, когда ты прибудешь на место.

— Как-то меня не слишком греет мысль о полете.

— Но ты должен. Все может значительно осложниться со временем, когда вы прибудете. — Она сделала паузу. — Буду рада видеть тебя. Кажется, не виделись вечность.

— Да, давненько, — сказал Гаррет. Он пытался вспомнить, когда в последний раз видел Айви. Вроде бы после задания в Берлине? Или в Лондоне?.. Все эти города смешались, перепутались в голове — слились в какой-то нескончаемый поток грязных городов и не менее грязных делишек, которые они силились поскорее забыть. — А кстати, там у вас нет шикарных номеров в отеле, где можно было бы расслабиться, перевести дух?

— Боюсь, что нет. Только ты, я и льды.

Гаррет снова взглянул на часы. Это уже вошло у него в привычку. События в любой момент грозили принять не тот оборот, и его главной задачей было проследить за тем, чтобы все шло гладко и по расписанию.

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — бросил он в трубку. Ощущение неизбежности полета неприятно давило на него.

— Ага.

— Смотри, береги себя.

— Обязательно.

— И никому не доверяй.

— Даже тебе?

Гаррет усмехнулся и разъединился. Убрал телефон в карман, поправил пиджак и галстук и направился к самолету.

— Даже мне нельзя, — пробормотал он под нос, зная, как высоки ставки в этой игре, затеянной «Черными Фемами».

Глава двадцать восьмая

До сих пор Айви удалось побывать на базе Южноафриканской национальной экспедиции всего лишь раз. Располагалась она в местечке под названием Квин Мод, возле Vesleskarvet, что в переводе с норвежского означало «гора с плоской вершиной». И, надо сказать, это название подходило как нельзя лучше, поскольку научно-исследовательская станция находилась у самого хребта Альманна — ряда скал, что поднимались на высоту выше восьмисот футов над ледяным антарктическим шельфом. В дневные часы здесь все блестало иискрилось, как в каком-нибудь фантастическом фильме для детей. Но в темноте Айви видела лишь редкие крохотные огоньки базы, походившие на бумажные китайские фонарики, развесанные на ледяном ветру.

Она посадила вертолет на безопасном расстоянии от базы и в то же время не слишком далеко. Впрочем, теперь это не главное. Членам научно-исследовательской экспедиции из ЮАР деваться просто некуда, да и средств защиты у них тоже нет.

Айви обернулась к командующему операцией, он сидел рядом.

— С кем это ты недавно говорила по телефону? — спросил он.

Айви хотелось ответить, что с другом, но она понимала: это будет звучать как-то по-детски. Особен-

но с учетом того, что сам Гаррет вряд ли согласился бы с таким определением. Отношения между ними то затухали, то возобновлялись с новой силой, так продолжалось все то время, что они были знакомы.

— Да так. Был один парень в Нью-Йорке, — ответила она, решив не усложнять. И резко сменила тему: — Наши уже должны были вылететь.

— Вот и хорошо, — сказал командир. — Чем скорей они прибудут сюда, тем быстрей мы сможем убраться с этого Богом проклятого острова.

Он вылез из вертолета и затрусиł к другому, что находился ярдах в двадцати. Всего здесь приземлились пять вертолетов, в каждом — солдаты в полном боевом вооружении. Возможно, перестарались, но братство «Черных Фем» не любило рисковать. Взять контроль над базой Южноафриканской национальной экспедиции — это был еще один очень важный шаг для достижения великой цели.

Со своего места Айви наблюдала, как начал собираться целый полк. Скоро они двинутся в наступление. Сама она надеялась, что ей не придется принимать участие в этой операции, но командир, похоже, вознамерился держать ее под рукой. И хотя сам он ничего не говорил по этому поводу, Айви чувствовала: с нее не спускают пристальных глаз.

По большей части она ненавидела и саму организацию, и всех ее представителей. Но следовало признать: часть работы здесь ей нравилась, и даже очень. Одним из первых ее заданий был сбор исторической информации, детальное исследование оккупации нацистами Антарктиды. Был открыт специальный доступ в частные библиотеки, без него она никогда не ознакомилась бы с рядом любопытнейших документов. Узнала много новых поразительных фактов, в том числе о деталях холодной войны, которая раз-

вернулась между американцами и немцами, стремившимися контролировать Антарктиду.

Она слышала об этой «войне» и прежде. Читала в различных журналах материалы на основе частично рассекреченных документов, которые стали известны после Второй мировой войны. Большинство историй носило фантастический характер — сказки с описанием так называемых неопознанных летающих объектов. Эти летательные аппараты якобы проектировали немцы. В ряде случаев описывались попытки нацистов воссоздать «иноземную» технологию на закрытых от всевидящего ока цивилизации ледяных просторах Антарктиды. Другие истории рассказывали об увлечении Гитлера всевозможными религиозными реликвиями, его попытках отыскать и прибрать к рукам самые ценные из них, а затем спрятать где-то здесь же, во льдах. Иными словами, все это выдумки, годившиеся разве что для написания сценариев голливудских фильмов. Но были в этих историях крупицы правды — Айви чувствовала это и со временем находила тому доказательства. И все это, похоже, крутилось и вертелось вокруг одного главного события — операции под названием «Высокий прыжок».

Экспедицию эту предприняли американские военные. Началась она в конце лета 1946 года, а закончилась весной 1947-го — полным провалом. Организована экспедиция была контр-адмиралом Ричардом Э. Бердом — он знаменит тем, что являлся прямым потомком Покахонтас¹, а также первым перелетел

¹ Покахонтас (1595–1617) — дочь вождя Поухатана, спасла жизнь первому вирджинскому колонисту капитану Дж. Смиту. Была в плену у англичан, приняла христианство. Вышла замуж за колониста Дж. Рольфа и переехала с ним в Англию, где была представлена королю и королеве.

через Южный полюс в 1929 году. Целью перелета было дальнейшее освоение и исследование Антарктиды в интересах США. Такова, во всяком случае, была официальная версия.

Первое, что показалось Сегур странным, — это сама личность Берда. Она выяснила, что примерно за восемь лет до осуществления операции «Высокий прыжок» Берда пригласили в Гамбург обсудить возможность помочи немцам в исследовании Антарктиды. Встреча имела место, но сам Берд позже заявил, что предложение было им отклонено. Что и неудивительно, учитывая, что произошла встреча непосредственно перед началом Второй мировой войны. Несмотря на публичное отречивание контр-адмирала от связей с нацистами, Айви подозревала, что немцы все же поделились с ним кое-какой информацией в надежде на дальнейшее сотрудничество. Уж слишком горели желанием объять необъятные ледяные просторы Антарктиды. Именно поэтому, подозревала она, Берд и стал во главе американской экспедиции восемь лет спустя.

Истинные цели операции «Высокий прыжок», а также что удалось узнать в Антарктиде Берду, стали яснее после того, как Айви наткнулась в Библиотеке Конгресса на целую стопку частных писем.

8 ноября 1946, пятница

Дорогие мам и пап!

Пишу вам с Южного полюса. Можете верить или нет, но они действительно воткнули высоченную палку в красно-белую полоску в лед, прямо рядом с базой. Хотя есть мнение, что из-за смещения магнитных полюсов сам Южный полюс отклоняется

от этого места со скоростью около десяти метров в год, официально его местоположение они не меняли.

Само собой понятно, что здесь страшно холодно. Куда как холодней, чем в ту ночь в кемпинге, которую мы провели в северном Висконсине. Согреться почти невозможно, но все же мы пытаемся, стараемся все время пребывать в движении.

Страшно жаль, что я не попал на свадьбу Джоанны. Пожалуйста, передайте сестре, что я очень люблю ее и жду не дождусь, когда по возвращении увижу ее и Гарри. Мам, тебе это, конечно, не понравится, но поскольку зависит не от меня, должен признаться: вернуться к Рождеству я не успею. Пожалуйста, что нам придется остаться здесь до весны. Уверен, к тому времени все мы превратимся в сосульки.

Мне сказали, что через несколько дней нам предстоит обследовать какие-то пещеры, что находятся неподалеку от базы. Жутко интересно! А один сосед — наши койки рядом — утверждает: мы здесь для того, чтобы найти спрятанную нацистами ледянную станцию. Только вы не волнуйтесь, парень этот из Нью-Йорка, и у него весьма странные идеи относительно всего на свете!

Ваш сын,

Джек

6 декабря 1946, пятница

Дорогие мои!

Столько всего произошло со времени последнего моего письма! Есть вещи, которые я смогу объяснить только по возвращении домой, из-за секретности этой информации. Но могу сказать: мой сосед и то-

варищ (о котором я писал в последнем письме) оказался во многом прав.

Ты спрашиваешь, мама, завел ли я здесь новых друзей. Завел, хотя многие из этих ребят не соответствуют твоему представлению об истинно христианском воспитании. Примерно половина из них прошлой ночью напились, и даже уйдя к себе в каюту, я слышал, как они шумели и горлопанили чуть ли не до утра. Не знаю, что с ними происходит, но мой товарищ и сосед уверен: все это из-за того, что они решили — им предстоит здесь умереть. Я бы не стал придавать значения этим его словам, если бы многое, о чем он говорил, не оказалось правдой.

Пап, неужели ты и вправду поймал такую огромную рыбину? На снимке, который прислала мне мама, она выглядит просто гигантом. Впечатляет! Никто никогда такую не ловил, это уж точно! А в ответ на твой вопрос — нет, я не занимаюсь здесь подледным ловом. В том месте, где мы базируемся, лед слишком толстый. Поговаривают, что вместо рыбы под этим льдом водится кое-что другое, но придется подождать, пока я не вернусь домой и не расскажу вам поподробнее.

Большой привет Джоанне! И не забывайте угождать Тигра сырым гамбургером по воскресеньям, как это делал я!

Ваш сын,

Джек

13 декабря 1946, пятница
Мои любимые и родные!

Последняя неделя выдалась — сущий кошмар! Не хотелось бы понапрасну тревожить вас, но почти все люди из моего отряда бесследно исчезли. Умоляю,

молитесь, чтобы я вернулся домой! Слышал, что мы не останемся здесь дольше изначально запланированного срока, так что, возможно, Рождество мы все-таки проведем вместе.

Прежде я писал, что не могу рассказывать о вещах, которые здесь происходят, но теперь решил: если они не хотят, чтобы вы узнали, то просто не позволяют этому письму уйти с базы. (Если верить моему соседу и другу, который, к сожалению, умер два дня назад, они здесь читают всю переписку, даже личную.)

В понедельник мы продвинулись дальше, чем удавалось заходить до сих пор. Обследовали одну точку и обнаружили во льду нацистский флаг. Я сам его лично видел. Но самое интересное — это флагшток, к которому он был прикреплен. Примерно пяти футов в длину и сделан из железа. В верхней части флагштока свастика. У меня даже в животе похолодело от страха, на секунду подумал: а что, если нацисты все еще здесь? Но позже мне объяснили, что флаг этот — один из многих, которые побросали здесь немцы в конце тридцатых, во время их экспедиции в Новую Швабию.

Ночевать пришлось остаться в палатках, и едва не околели от холода. Ветер выл и свистел всю ночь напролет, и я не сомкнул глаз. Никто из наших не спал. Но думаю, спать нам не давал не только ветер. Мы боялись того, что ждет нас снаружи.

А утро вторника выдалось просто чудесное. Ветер стих, настроение у всех сразу поднялось. Мы пили кофе и смеялись. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, мы просто тогда сами себя обманывали. Остаток дня стал сущим кошмаром.

Недалеко от того места, где был найден нацистский флаг, во льду образовалось узкое отверстие. И походило оно на туннель, проложенный руками человека и ведущий прямо в самую глубину земли. И вот команда из шестнадцати человек получила задание обследовать этот туннель. К несчастью, я тоже вошел в эту группу.

Мы спускались в дыру по одному, используя лестницу, прибитую к краю. Я шел одним из последних. У нас были лампочки на батарейках, но и они не смогли полностью разогнать царившую здесь тьму. Командир группы, достигнув дна, дал всем приказ остановиться. И попросил спустить веревку. Сказал, что видит прямо под собой нечто вроде подземного ангара. Сказал, что там повсюду нацистские эмблемы. Мне так и не довелось увидеть этого собственными глазами, но другие наши ребята видели, перед тем как умереть.

Поскольку я шел в этом туннеле последним, моей задачей было привязать веревку к верхней части лестницы. Я сделал тройной узел, чтобы держалась надежнее, и вот по одному наши ребята начали заходить в это подземное сооружение. До сих пор помню их голоса. Они увидели там нечто необыкновенное, удивительное.

Трудно передать словами, сколь ужасно было случившееся дальше. Туннель издал какой-то ужасный утробный стон, и я увидел, как несколько болтов выпали из укрепляющих его по бокам пластин. Я тотчас понял, что туннель сейчас обрушится, крикнул ребятам, что находились внизу, и они начали карабкаться вверх. И тут туннель вдруг начал складываться. Кругом кричали, чтобы я поскорее убирался оттуда, но я не мог оставить в беде своих

товарищей. К сожалению, самые худшие мои опасения оправдались. Я начал поспешно подниматься по лестнице и едва успел выскочить, как туннель обрушился и всех ребят там завалило.

Сам я жив и здоров, это единственная добрая весть, которую на данный момент могу передать вам. Надеюсь, что это письмо дойдет, надеюсь, что скоро буду дома. Пожалуйста, передайте Джоанне, что я люблю ее и страшно по ней скучаю. И вас тоже очень люблю, мам и пап.

Ваш сын,

Джек

Айви могла лишь догадываться о том, что родители Джека так никогда и не получили этих писем. Позже она узнала, что дней через десять после написания этого последнего письма Джек таинственным образом скончался, буквально накануне отправки в Соединенные Штаты. Это обстоятельство наряду с десятком прочих подобных убедило ее, что в те годы во льдах Антарктиды происходило что-то ужасное и подлое.

Глава двадцать девятая

— Полная готовность!

Айви услышала голос командира в наушниках. Она опустила со лба очки, натянула капюшон. А потом схватила автомат, выскочила из вертолета и бросилась догонять отряд, продвигающийся к базе Южноафриканской экспедиции. И вот тридцать минут спустя они оказались под базой, которая была построена на высоких сваях, чтобы не занесло снегом во время буранов.

— Все отряды по местам! — сказал командир.

Сегур с половиной бойцов отошла влево, остальные заняли позицию справа. Указательный палец скользнул на спусковой крючок, хотя она надеялась, что на этот раз ее услуги в массовом побоище не понадобятся.

— По моей команде, — начал командир, а потом громко выкрикнул: — Пошли!

Грохнули взрывы, боковая дверь вылетела, точно пробка из бутылки шампанского. Айви наблюдала за тем, как бойцы по одному поднимаются и исчезают в дымящемся провале, оставшемся от двери. С другого конца базы доносился треск автоматных очередей, бойцы из ее отряда тоже открыли огонь. Если все пройдет по плану, через несколько минут на базе не останется ни единой живой души.

— Прекратить огонь! — крикнул командир. И голос его звучал в наушниках как-то странно, искаленно.

И тут вдруг Айви охватила паника. Что-то не так.

Стрельба прекратилась. Она медленно приблизилась к зияющему провалу в стене. Вокруг догорали мелкие кусочки дерева, но сквозь дым она все же разглядела бойцов. Те стояли посреди помещения неподвижные, точно окаменевшие. Она бросила в микрофон:

— Что там происходит?

Ответ последовал только через минуту:

— На базе никого.

— Никого? Как это понимать?

— Хотел спросить у тебя то же самое, — ответил командир. — Судя по всему, они покинули ее несколько часов, а может, даже и дней назад. Да чего там. Можешь сама войти и посмотреть.

Айви уже собралась что-то ответить, как вдруг услышала шум. Поначалу она не поняла, что это такое — какие-то приглушенные равномерные гудки, скорее даже попискивание. Но ей довелось не раз участвовать в боевых действиях, и память услужливо подсказала.

Она резко нажала на кнопку.

— Уходите отсюда, быстро! — крикнула она в микрофон, развернулась и бросилась бежать.

И одежда, и боевое снаряжение весили немало, ей казалось, что движется она со скоростью улитки, точно кто-то нарочно задал ей с помощью пульта дистанционного управления самый медленный режим.

В наушниках шумело и потрескивало, сквозь эти звуки пробивался топот бегущих солдат, стремившихся избежать верной гибели. Но она знала: времени им не хватит. Часовой механизм включился одновременно с их появлением на базе. Причем расчитано было так, что бомба взорвется с небольшой отсрочкой, дав возможность впустить как можно больше людей, но уже никого не выпустить живым.

Перед тем как услышать за спиной оглушительный взрыв, Айви ощущила, как жаркая волна воздуха налетела, сшибла с ног. Секунду-другую она лежала неподвижно, оглушенная, затем перекатилась на живот и услышала шипение — кто-то сбивал огонь у нее на спине с помощью огнетушителя. Она кашляла и задыхалась в дымах, хватала ртом воздух, казалось, что от взрывной волны сплющило легкие. Она повернула голову и увидела, как пылают развалины, оставшиеся от базы. Ясно, что выживших нет и быть не может.

Сегур приподнялась, опираясь на автомат, и немного выждала, пока туман в голове не рассеется.

Потом заставила себя встать и начала долгий путь к вертолетам. А по дороге задавала себе один и тот же вопрос: что же произошло?

Очевидно, это была ловушка. Но кто ее устроил? И с какой целью? Куда подевались работавшие на базе члены экспедиции, что они знали об этом? Отчасти она даже порадовалась тому, что люди эти пока еще живы. Если они знают об истинных целях «Черных Фем», то где бы теперь ни скрывались, жить им осталось недолго.

Но вот мучительный переход по льду закончился, и Айви подошла к вертолету, на котором прилетела. Уселась в кабину, надела наушники, набрала номер капитана на базе Ньюмайера.

— Мисс Сегур? Полагаю, вы звоните нам сообщить, что задание успешно выполнено?

— Провалилось, и мы в полной заднице! — рявкнула в микрофон Айви, не стесняясь в выражениях. — Нас кто-то подставил. Все люди погибли.

— Погодите, плохо слышно! Повторите, что вы сказали?

— Все наши погибли! — бросила в микрофон Айви. — База была пуста и заминирована. А человек, ответственный за это, возможно, находится сейчас рядом с вами.

— Понял. С кем-нибудь из Нью-Йорка связывались?

— Нет. И не уверена, что должна. Один из них точно в этом замешан. И если это так, лучше, если он будет считать меня мертвой тоже.

— Наверное, так и следует им доложить, — сказал капитан.

— Хорошая мысль, — заметила Айви и включила мотор вертолета.

Внезапно она порадовалась тому факту, что пребывание в «Черных Фемах» все же кое-чему ее научило. Прежде ей не доводилось управлять вертолетами именно этой конструкции, но она была уверена, что справится и быстро долетит до базы Ньюмайера.

— Мисс Сегур!

— Да?

— Еще один вопрос. Если мы найдем предателя, что вы хотите, чтобы мы с ним сделали?

— Сама им займусь, — ответила Айви, вертолет начал медленно подниматься в воздух. — Эту смерть никак не могу пропустить. Просто не имею права.

Глава тридцатая

Август открыл глаза. Неужели он все еще жив?

Над ним склонился худощавый мужчина. На лице застыло выражение крайнего любопытства.

— Погодите секундочку. — По глазам было видно, он его узнал. — А вы, случайно, не тот парень, о котором должен позаботиться Лукас?

— Ты об этом психе, помешанном на ножиках, да?

— Ага! Точно, он, — радостно констатировал мужчина.

— Этот ваш Лукас застрял где-то в пробке.

Мужчина с пистолетом остановился, посмотрел на книгу, лежавшую у подножия того, что совсем недавно было статуей. Потом улыбнулся, и глаза его радостно блеснули. Фрагменты головоломки наконец сложились.

— Лукас должен был забрать у тебя «Евангелие от Генриха Льва» и доставить нам. Но, видно, у него не вышло. Спасибо за то, что сам ее нам доставил.

Август уже, наверное, в десятый раз укорил себя за то, что оставил книгу на видном месте. Хотя, конечно, особого выбора у него в тот момент не было. Надо что-то срочно придумать, спасать ситуацию. Он пытался исправить ошибку.

— Да это просто копия. Думаешь, я стану таскать с собой оригинал?

Тощий мужчина, похоже, не купился.

— Почему бы не взглянуть? Сейчас разберемся. — И он, взмахнув рукой с пистолетом, приказал Августу следовать за ним.

Они пересекли помещение в полном молчании, слышалось лишь тихое шипение огня в факелах. Пройдя мимо того места, где лежал раздавленный статуей окровавленный труп «Бульдога», Август отвернулся — не слишком привлекательное зрелище. А этому хмырю — хоть бы что, лишь улыбнулся и удрученно покачал головой, точно предупреждал товарища, что ходить под падающими статуями небезопасно.

И вот они остановились возле книги.

— Подними, — скомандовал тощий.

Август опустился на колени и бережно взял «Евангелие от Генриха Льва» обеими руками, от души желая, чтобы сказанное им было правдой, что это всего лишь копия, подделка, а настоящая книга находится где-то далеко, на расстоянии тысячи миль отсюда, надежно запертая в сейфе. Затем он поднялся и придирчиво оглядел обложку.

— Что там?

— Думаю, сломана.

Тощий удивился:

— Как это можно сломать книгу?

— Эта обложка установлена примерно через четыреста лет после создания «Евангелия от Генриха

Льва». Книга изрядно пострадала во время пребывания в Праге, не получала должного ухода, а потому в 1594 году решили заменить обложку. Поставить новую, из красного шелка, и украсить искусствой работой богемских умельцев по металлу. — Август указал на двух летающих херувимчиков по бокам, а также на медальон, надписи, распятие и множество других фигур и символов, что украшали обложку.

— А чего это тут сказано, наверху?

— Здесь написано «PATRONORUN», это позлатыни производное от слова «patronus», и означает оно «защитник».

Тощий насмешливо фыркнул:

— Однако тебя эта надпись не защитила, верно? — Он ткнул в середину обложки кончиком ствола. — А это чего?

— А это как раз то место, где сломалась книга, — ответил Август, указывая на треснувший стеклянный кружок. Аккуратно снял мелкие осколки, опустил их в нагрудный карман рубашки. — Под ним хранятся реликвии святого Иоанна и святого Сигизмунда.

Тощий присмотрелся.

— Какие еще реликвии? Ничего не вижу!

— Они завернуты в клочок тончайшего льна. Не думаю, что кто-либо когда-нибудь вынимал их из этого гнездышка.

— Тогда ты вынь.

— Что?

— Вынимай, говорю! Хочу посмотреть на эти твои реликвии.

— Не думаю, что это хорошая идея, — заметил Август.

— Мне плевать, что ты там думаешь. Делай, что говорят!

Август осторожно достал из небольшого отверстия один из крохотных плотных узелков. И столь же бережно начал разворачивать его над книгой.

— Возможно, там просто зуб или фаланга пальца.

Мучитель его оживился.

— Слышал, будто все эти штуковины обладают магической силой.

— Определенно, особенно для такого умного парня, как ты...

— Давай показывай!

Август повиновался, аккуратно снял тонкую, пожелтевшую от времени ткань. Внутри лежала крохотная кучка серой пыли — пепел.

— И это все? — воскликнул тощий, не в силах скрыть разочарования.

— Нет... тут вроде бы есть кое-что еще... — пробормотал Август и присмотрелся к серой кучке. — Вроде бы фрагмент фаланги пальца...

— Где? — Тощий шагнул к нему.

— Да прямо... вот здесь. — И с этими словами Август сильно дунул, пепел разлетелся и угодил прямо в глаза ничего не подозревавшего стражника.

Тощий так и взвыл от боли и принял яростно тереть глаза, которые жгло, как огнем. И тут Август набросился на него и что было силы ударил по голове тяжелым «Евангелием от Генриха Льва». Сбил с ног, и тощий рухнул на пол рядом с разбитой статуей. Он издал яростный возглас, пистолет вылетел из его руки.

Август вцепился ему в горло и начал душить, придавливая к полу, в опасной близости от узкого прохода, образовавшегося на месте статуи. Находясь на самом краю, он на миг заглянул туда и был потрясен открывшимся зрелищем. Там находилась длинная

цепочка вращающихся цилиндров, каждый снабжен острыми шипами, закрепленными по спирали. Совершенно очевидно, что любой угодивший в эту ловушку — будь то живое существо или неодушевленный предмет — за несколько секунд будет превращен с помощью этой чудовищной машины в фарш. Измолов и раздроблен на миллионы крохотных кусочков. На ум пришло выражение «конфетти из человека», и Август содрогнулся, представив, как он проваливается в жерло этой безжалостной мясорубки.

Пальцы противника впились ему в шею, и он вскрикнул. Неким непостижимым образом тощему удалось вывернуться, и теперь уже он навалился на Августа сверху. Он словно припечатал его к полу, держал руки, давил коленями на грудь. Август задыхался. А тощий подталкивал его все ближе к опасному провалу. И вот уже голова Августа повисла над отверстием, и волосы на затылке обдало легким холодным ветерком.

— Прекратить! — раздался голос с другого конца комнаты.

Но тощий проигнорировал этот приказ, пальцы продолжали сжимать шею Августа, выдавливая из него жизнь.

— Прекратить, я сказал!

Август понимал: все эти призывы напрасны. Он чувствовал, как тело его начало соскальзывать вниз, медленно, постепенно, дюйм за дюймом, к мучительной и неминуемой гибели. И тут вдруг последовал мощный удар. Хватка на шее Августа тотчас ослабла, тело тощего соскользнуло в провал. Август приподнялся, стараясь не слушать тошнотворного хруста и чавканья, что доносились снизу. Он там еще больше отощает, пришла против воли на ум мрачная шутка.

Август огляделся. Кто же его спаситель?
Это был Алекс.

Он оставался в инвалидной коляске у двери, и выражение лица его постепенно менялось. Теперь на нем была написана уже не решимость, но ужас при виде невесты, неподвижно лежащей на полу. Пистолет выпал из руки, и он подъехал к Эйприл.

— Она в порядке? — подходя к ним, спросил Август.

— Не знаю, — ответил Алекс. Бережно приподнял голову женщины, положил себе на колени. Откинув волосы и поцеловал в лоб, и прошептал что-то на тему того, что больше никогда не выпустит ее из вида. Веки Эйприл дрогнули, она обняла его за шею.

Август замер на полпути. Впервые он увидел их вместе.

— Был бы рад оставить вас наедине, — произнес он, — но мы должны обсудить кое-какие серьезные проблемы.

— Ты прав, — ответил Алекс и подал Эйприл руку, помогая подняться. — Должны.

Эйприл ответила любезностью на любезность, помогла Алексу развернуть инвалидную коляску.

— Что это за место такое? — спросила она, озираясь по сторонам.

— Почему бы тебе не спросить своего жениха? — сказал Август. — И вообще он у нас может дать ответы на большинство вопросов.

— Понимаю, на что намекаешь. Но уверяю, ты ошибаешься.

— Разве? — насмешливо произнес Август и достал из кармана записку от доктора Ротшильда.

— Что это? — спросила Эйприл, шагнув к нему.
— Ты не захочешь это слушать.

— Не захочу чего?

— Правды.

Эйприл вырвала у него из рук записку и передала Алексу.

— И что же это такое? — невозмутимо произнес Алекс, разворачивая сложенный пополам листок.

Август молчал.

Эйприл бросила на него встревоженный взгляд.

— Что ты затеял?

— Даю тебе шанс передумать.

— Передумать? Нет, Август, не понимаю, о чем это ты.

— Довольно! — воскликнул Алекс и гневно устремился на Августа. — Если хочешь обвинить меня в чем-то, валяй выкладывай. Если нет, уходи.

— Не могу. И никто из нас не уйдет до тех пор, пока мы не выясним, что это такое. — Август указал на записку. — Читай вслух!

Алекс расправил листок бумаги.

— «Перевернуть гадкую мифологию библиотекарши»?.. Не понял.

— Это анаграмма, — пояснил Август. — Ее вручил мне доктор Ротшильд за минуту до того, как члены «Черных Фем» ворвались и застрелили его.

Эйприл ахнула:

— Ужас! Такой бесконечно добрый был человек!

Алекс еще раз перечитал написанное.

— Ну и при чем тут я?

— Доктор писал эти слова, зная, что я пытаюсь найти Штульгерра, — пояснил Август. — Вот я и решил плясать отсюда. Повозился какое-то время, поразмыслил и наконец получил ответ.

— И каков же этот ответ? — спросила Эйприл.

— «Штульгерр в библиотеке Моргана», — ответил Август, адресуя эти слова Алексу.

— Да, очень убедительно, — насмешливо протянул Алекс. — Тем более что, судя по всему, находимся мы в зале суда «Черных Фем». Но есть и другие варианты.

— К примеру?

Алекс с минуту изучал слова на листке бумаги. Потом поднял голову, улыбнулся:

— «Штульгерр в плену ада». Или: «Штульгерр в плену фобии». Как вам такой вариант?

— Да перестань, — отмахнулся Август. — Это ровным счетом ничего не означает.

— Почему же? Как раз мой случай, — ответил Алекс и приподнял палец. — В каком состоянии находился доктор Ротшильд, когда писал все это? Судя по твоему описанию ситуации, в не слишком хорошем. Есть тысячи объяснений тому, почему он написал именно это. И вообще, сама идея с анаграммой... С чего ты взял, что Ротшильд решил играть с тобой в какие-то загадки? «Перевернуть гадкую мифологию библиотекарши»... Может, именно это он имел в виду! Или подумал, что это может что-то для тебя значить. Но ты не смог понять, вот и решил перевести стрелки на меня. — Он захлопал в ладоши. — Браво, Август! Замечательный спектакль!

— Тогда как ты объяснишь все это? — И Август обвел рукой освещенную факелами пещеру.

— «Это» просуществовало здесь дольше, чем оба мы с тобой, вместе взятые! — парировал Алекс. — Понятия не имею, кто и почему создал здесь это помещение. Однако следует помнить: модель, по которой производились судилища «Черных Фем», использовалась затем в большинстве тайных обществ. И это

помещение могло быть местом встреч каких-нибудь там масонов, розенкрайцеров или же иллюминатов. Господи, да тысячи других фракций, которые от них откололись! Само по себе это место еще ничего не доказывает. Ты занялся охотой на ведьм, Август. И единственная причина, по которой твои поиски завершились здесь, заключается в том, что я женюсь на твоей жене!

На секунду в помещении воцарилось гробовое молчание.

— Бывшей жене, — поправил Август. Шагнул вперед, взял записку из рук Алекса. Он перечитывал ее снова и снова, в надежде отыскать какой-то новый потаенный ключ, который даст начало новому направлению поисков. — Прямо не знаю, что и сказать. Вам обоим.

— Просто извинись, и все, — вставила Эйприл. — Ты страшно похож на своего отца. Такой же упрямец и...

Внезапно Август побелел как полотно.

— Что с тобой?

— Погоди... ни слова больше... — И он беззвучно зашевелил губами.

— Он в порядке? — встревоженно спросил Алекс.

— Ш-ш-ш! — шикнул на него Август. А потом удрученно покачал головой: — Просто не верится!

— Не верится? Ты это о чем?

Август скомкал записку в руке.

— Эйприл, ты, сама не подозревая, дала мне ключ!

— Я?!

— Ты упомянула моего отца. Сегодня он кое-что рассказывал мне. О моем прошлом. Имя!.. Лорд Гарт! По прозвищу Мнимый.

— Лорд Гарт? — удивленно спросил Алекс. — Мнимый?..

Эйприл приоткрыла рот.

— Но разве это не означает...

— Теперь я точно знаю. Лорд Гарт Мнимый — это и есть Штульгерр. Вот оно, решение!

Алекс похлопал по подлокотнику кресла.

— Может, кто-то все же объяснит?

— Лорд Гарт Мнимый — это персонаж из книжки, которую отец написал для меня. И когда я был ребенком, он иногда называл меня так. И сегодня назвал. Ротшильд тоже иногда так его называл, ну, в основном, когда хотел распустить перышки.

— Вот уж не думал, что у твоего отца и доктора так далеко зашло, — насмешливо заметил Алекс.

— Все это произошло еще до моего рождения. — Август скомкал записку, а затем швырнул ее в огонь одного из факелов, где она мгновенно превратилась в пепел. — Если кто-то и знал самые сокровенные тайны отца, так это Ротшильд. Но потом отношения осложнились.

Эйприл испуганно прижала ладонь ко рту.

— Чарли... — прошептала она. — Он где? До сих пор с твоим отцом?

— Это моя вина, — пробормотал Август. — Подумал, что Чарли будет с ним безопаснее. Как я мог так ошибаться?.. До сих пор не верится!

— Но он же... не обидит Чарли, нет?

— Не думаю, — ответил Август. — Но не собираюсь торчать здесь и ждать, что будет дальше. Пока что ему неизвестно, что знаем мы. Так что еще есть шанс поймать его.

— Как?

— Я знаю, где он должен быть. И что он меня ждет.

Глава тридцать первая

Кливленд гневно взглянул на мужчину, сидевшего напротив него в лимузине.

— Что происходит? Мы так не договаривались!

— Просто планы изменились.

— Вы вообще кто?

Мужчина медленно повел левой рукой. Послышалось тихое поскрипывание механизма. Рука была механической, но выглядела как настоящая.

— Мое имя Конрад. Штульгерр прибег к моим услугам, чтобы исправить положение.

— Где мой внук?

— Едет в машине, прямо за нами. Это я распорядился держать вас раздельно. Послужит предметом торга, если вы вдруг заупрямитесь.

Кливленд посмотрел в окно. Они проезжали по мосту.

— Куда вы меня везете?

— Для человека, знающего ответы на все вопросы, вы чрезмерно любопытны.

— Не понимаю, о чем вы.

— Зато я так понял, что именно вам удалось установить связь между книгой и картой.

Кливленд усмехнулся:

— Тот, кто сказал вам это, солгал.

— Но ведь это вы говорили сами. В Германии.

У меня есть аудиозапись, если хотите, можно послушать.

— Я соврал. Не хотел, чтобы меня убили.

Хотя в лимузине стоял полумрак, Конрад носил узкие солнцезащитные очки в металлической оправе. Тянущийся из-под левой линзы шрам намекал на кровавую стычку с жестоким концом. Вот он послю-

нил указательный палец и смахнул соринку со ствола пистолета, что лежал у него на коленях.

— Собираетесь убить меня? — спросил Кливленд.

— Книги при вас нет. И карты — тоже. И вы утверждаете, будто вам неизвестна существующая между ними связь. — Он снял солнечные очки. Шрам тянулся через весь глаз, вместо него на Кливленда смотрела безжизненная темная глазница. — Иссякают все доводы и причины сохранить вам жизнь.

— Стало быть, люди из «Черных Фем» обнаружили и другие реликвии?

Одноглазый молча изучал его.

— Ну конечно, обнаружили, — ответил он после паузы.

Кливленд улыбнулся:

— Вы ведь понятия не имеете, о чем я, верно?

Конрад заметил еще какое-то пятнышко на стволе пистолета и принялся протирать его краем пиджака.

— Все остальные реликвии спрятаны на страницах книги. Могу показать.

— Блефуете?

— Ну, если даже и блефую, у вас всегда будет возможность пристрелить меня позже. А лучше всего — убейте прямо сейчас. Тогда уж точно ничего не узнаете.

Низко, над самым лимузином, пронесся самолет. Они приближались к какому-то аэродрому.

— Ладно. Поговорю со Штульгерром об этом.

— Со Штульгерром? Мне как раз надо обсудить с ним одно дельце.

Конрад проверил магазин в пистолете, снова надел солнечные очки.

— Уверен в этом. Однако придется подождать. Поэтому как прежде, чем поговорить с ним, придется добираться до Антарктиды.

Кливленд ощущил легкий озноб, словно в машину вдруг ворвались холодные ветры с ледяного континента.

— Так я полечу в Антарктиду?

— Ну, уж определенно, там без вас не обойтись.

У контрольно-пропускного пункта водитель предъявил свои права, шлагбаум подняли, машину пропустили на территорию.

— А как же мой внук?

— Не следовало брать его с собой.

— У меня не было другого выхода.

— Если вы солгали насчет реликвий, он разделит вашу участь.

— А как быть с Августом?

Лимузин остановился.

— Он скоро присоединится к нам.

— Вы его схватили?

— Нет, — ответил Конрад. — Он сам к нам придет. Мы слышали, о чем вы говорили в парке. Знали, что вы должны были встретиться у «каменной книги». Ну и оставили там ему записочку...

— Он сразу поймет, это ловушка.

Конрад сполз с сиденья и распахнул дверцу, готовясь выйти.

— Все это неважно. У него просто нет другого выбора, кроме как самому примчаться к нам. Разве не так?

— Он что-нибудь придумает.

— Посмотрим. Но это не так-то просто. Ведь он будет один против «Черных Фем». — С этими словами Конрад вышел из машины. И не преминул напо-

следок бросить Кливленду: — Не надо быть гением, чтобы понять — шансы у него нулевые.

Дверца лимузина за ним захлопнулась. Кливленд, сидя в тишине, взмолился о том, чтобы слова Конрада не оказались правдой.

Глава тридцать вторая

С наступлением ночи городские улицы опустели, и дорога до Центрального парка заняла немного времени. По пути Алекс рассказал, как ему помогли двое санитаров «Скорой». Они отвезли его в ближайшую клинику, откуда он сбежал до того, как прибыла полиция задать вопросы о сгоревшем у реки джипе.

— Полагаю, это было не слишком порядочно с моей стороны — украсть одно из больничных кресел-каталок, — заметил он. — Но я оставил им записку с обещанием непременно вернуть имущество.

По дороге все трое также обменивались соображениями о том, что удалось узнать о «Евангелии от Генриха Льва» и нацистской карте.

— Между ними определенно существует какая-то связь, — сказала Эйприл. — Но сейчас мы должны думать о другом — как спасти Чарли?

Такси остановилось, они вышли. Август повел всех к Бетезда Террас, туда, где была назначена встреча с Чарли и Кливлендом.

— А ты уверен, что Чарли ничего не перепутал? — спросила Эйприл.

— Он хорошо знал, что мы должны встретиться именно здесь, — ответил Август. — Должно быть, дед увез его куда-то. — Он положил руку на камень с вырезанной в нем книгой, отмечавшей место встречи, вспомнил весьма занимательные истории, которые

рассказывал ему Чарли, делая вид, что читает их на страницах. И вдруг увидел торчащую из щели записку. Выхватил ее, развернул.

— Ну что там?

— Ничего, кроме адреса. Вроде бы знакомое мес-тешко. Небольшой аэродром на окраине города. Я бывал там прежде. Здесь разные крупные шишки предпочитают держать свои частные самолеты.

— И что же нам теперь делать?

— Ехать на этот аэродром, что ж еще? Книга и карта пока что у нас. Может, они собираются предложить нам сделку.

— Насколько мне известно, члены «Черных Фем» не очень-то склонны заключать сделки, — заметил Алекс. — Вполне возможно, это ловушка.

— Тогда что ты предлагаешь? Да, это рискованная игра. Но альтернатива еще хуже — мы можем потерять Чарли.

— Он и твой сын тоже, — сказал Август, беря Эйприл за руку. — Так что скажи свое слово. Тебе решать.

Эйприл переводила взгляд с Августа на Алекса и обратно.

— Думаю, мы должны ехать на аэродром, — сказала она. — Хотя и с Алексом тоже согласна, они не станут с нами торговаться...

— Со всеми нами, конечно, не будут, — сказал Август. — Только со мной.

— Да они тебя просто убьют!

— Возможно. Но если ценой будет обмен моей жизни на Чарли, тогда дело того стоит. Так что поехали отсюда, пока я еще не передумал.

Глава тридцать третья

Гаррет склонился над ноутбуком на заднем сиденье внедорожника, прорабатывая окончательные детали операции. Его оторвал от этого занятия стук в окно. Гаррет нехотя опустил стекло, выражение его лица говорило — оставьте меня в покое, черт побери!

— Извините за беспокойство, — сказал охранник. — Понимаю, вы заняты и...

— Вы даже понятия не имеете, насколько занят, — проворчал в ответ Гаррет и опять уставился на экран. Пальцы снова запорхали по клавиатуре.

— Тут один человек хочет вас видеть.

— Видеть меня?

— Ну, он спросил, кто тут у нас сегодня главный. Вот я и подумал, будет лучше отвести его к вам.

Гаррет призадумался на секунду-другую. Кто бы это мог быть?

— Скажи ему, я занят.

— Его имя Август Адамс. И еще он сказал, что дело срочное.

— Август Адамс? Но о нем должен был позаботиться Лукас.

Что он скажет Штульгерру, если окажется, что Август до сих пор жив?

— Веди его сюда.

— Слушаюсь, сэр.

Гаррет закрыл ноутбук и ждал прибытия человека-мишени. Ждать долго не пришлось. Дверца джипа отворилась. В машину залез Август.

— Его обыскали? — придержав дверцу со своей стороны, осведомился Гаррет у охранника.

— Да. Он чист.

— Абсолютно чист, как стеклышко, — произнес Август. — А все благодаря этим похлопываниям. И пыль выбивает, и почти ежедневный массаж. Очень полезно для здоровья.

Охранник захлопнул дверцу.

— Полагаю, обмениваться номерами телефонов мы не будем, — сказал Август.

— Где мой брат? — спросил Гаррет. С этими словами он достал из кармана револьвер и положил его поверх ноутбука, ясно давая понять, что отвечать на вопросы придется.

— Ваш брат? Да откуда мне знать?

— Мое имя Гаррет Дейрол. А брата моего зовут Лукас Дейрол. Он должен был вас убить. Но, судя по вашему присутствию здесь, задания так и не выполнил.

— У меня возникло ощущение, что он просто очень невезучий парень. Я прав?

Гаррет промолчал. Лишь слегка постучал указательным пальцем по стволу.

Август откашлялся.

— Последний раз видел его в туннеле Линкольна. И он что-то говорил о смене карьеры. Вроде бы собрался стать дорожным рабочим, я так понял.

У Гаррета возникло сильнейшее желание пристрелить Августа прямо здесь, в машине, и немедленно.

— Если брат мертв, дискуссию можно считать законченной.

— Тогда он жив.

— Будем надеяться, для вашего же блага. А теперь вопрос: зачем вы здесь?

— Хочу заключить сделку.

Гаррет расхохотался.

— Вы, по всей видимости, плохо знакомы с «Черными Фемами».

— Книга у меня.

Гаррет сразу же помрачнел.

— Слушаю. Продолжайте.

— И карта — тоже.

Гаррет с трудом скрыл разочарование, услышав эти новости. Он-то считал, что оба эти сокровища находятся у «Черных Фем». Без них уезжать из Нью-Йорка никак нельзя, это очевидно.

— Чем докажете, что они у вас?

— Я все еще жив. Вот вам и доказательство.

— Не убедили, — проворчал Гаррет. — Но предположим, это правда. Что вы хотите взамен?

— Сына.

Гаррет кивнул:

— Согласен. Принесете мне книгу и карту, и я отдам вам сына.

— Слишком у вас все просто.

— Разве? — пробормотал Гаррет. — Послушайте, мистер Адамс, оба мы с вами бизнесмены. Оба знаем, что осуществить эту сделку проще простого, что она того стоит. Какая нам польза от вашего сына? Да ровным счетом никакой, можете мне поверить. А вот книга с картой очень даже пригодятся.

Август протянул руку.

— Тогда договорились?

— Не вижу причин, почему бы нет, — с улыбкой ответил Гаррет. Но не успел он пожать руку Августу, как в окно снова постучали. Он опустил стекло. — От добра добра не ищут.

— Мы только что схватили Эйприл Адамс и Алекса Пирсона. Они прятались в ангаре, здесь, поблизости, — доложил охранник.

— Что?!

— И что самое главное, при них были книга и карта.

— А это означает...

Август потянулся к пистолету. Но Гаррет опередил его и прицелился Августу прямо в лоб.

— Не дергайся!

Дверца, возле которой сидел Август, распахнулась, две мускулистые руки рывком выдернули его из машины.

— Отдайте мне сына! — крикнул он.

Охранник повалил его на землю. Двое других связали липкой лентой по рукам и ногам.

— Что прикажете с ним делать?

Гаррет открыл ноутбук. Стоило отвлечься на всякие глупости. Пора вернуться к работе.

— Убейте его, — коротко бросил он.

Глава тридцать четвертая

Веки дрогнули.

— Он жив!

Лукас снова заморгал глазами. Где он? Непонятно. Кругом все залито ярким белым светом. Он было подумал, что умер, но голова просто раскалывалась от боли.

— Не двигайтесь.

Хотелось повернуть голову, но не смог, что-то удерживало ее на месте, словно в тисках. На лоб давила нейлоновая полоска, потом заметил, что скован такой же лентой по рукам и ногам.

— Где я?.. — пробормотал он.

— В машине «Скорой». Вы серьезно ранены в ДТП. Мы везем вас в больницу.

В больницу? Но у него нет времени на это! Надо доложить Гаррету, придумать новый план по поимке и уничтожению Августа. Он до сих пор толком не понимал, как это охотнику за книгами удалось от него ускользнуть. Ах, ну да! Вроде бы тот врезал ему доской по башке, вот он и отключился.

— Сэр, пожалуйста, не надо крутиться. У вас серьезно повреждена шея.

Лукас пошевелил пальцами рук и ног. Вроде бы целы. Неужели шея действительно сломана? Да нет, вряд ли. И не нужна ему никакая больница, всего лишь несколько таблеток адвилла. Или перкосета. Да. Бутылочка виски и пара таблеток перкосета, и он снова будет как новенький.

Машина подпрыгнула на какой-то кочке.

Лукас закашлялся, затем ощущил на губах что-то липкое.

— Дайте салфетку, — сказал врач и вытер кровь, выступившую на губах.

— Выпустите меня отсюда!

— Но, сэр...

— Выпустите, говорю!

Лукас ощутил острую боль в шее. Игла. И белый свет померк перед его глазами. Тишина...

Затем сквозь нее начали прорезаться какие-то шумы. Шипение воздуха. Голоса.

Лукас открыл глаза. Он находился в операционной. Вокруг суетились люди — врачи, медсестры, все в белом. И ни один из них не заметил, что он очнулся. Все они страшно заняты. К чему-то готовились. Но к чему? Неужели будут резать и зашивать его?..

Рядом на столике лежал серебряный поднос с инструментами — по большей части они представляли собой разные вариации одного, а именно — скаль-

пеля. При виде этого Лукас вдруг спохватился: сохранилась ли его драгоценная коллекция?

Липкой ленты, которая раньше связывала его, теперь не было. С огромным трудом удалось слегка приподнять голову. Он скосил глаза, глянул вниз. Хорошо. Пальто еще на нем. И что еще лучше, ему удалось разглядеть выпирающие из-под подкладки ножи.

Тут одна из медсестер обернулась к нему, и Лукас тотчас закрыл глаза.

— Доктор Ричардс, все готово, можно начинать, — сказала медсестра.

— Тогда начнем, — ответил доктор. — Кто-нибудь знает имя этого парня?

— В карте нет.

— Его что, никто не осматривал? Никакого удостоверения личности?

— Парамедики только что уехали. Возможно, при нем был бумажник... Я проверю.

Лукас услышал, как к нему подходит медсестра. Его охватила паника.

— Ладно, неважно, — сказал врач. — Выясним все в приемной, после того как зашьем его.

Лукас на секунду расслабился, потом вновь ощутил страх — на лицо легла маска.

— По дороге сюда ему давали очень сильные успокаивающие. Но нам все ни к чему, чтобы он вдруг проснулся перед операцией.

Все присутствующие в операционной рассмеялись.

Лукас крепко сжал руки в кулаки. Он лежал тихо, как мышка, стараясь даже не дышать.

— Сестра! Надо разрезать на нем пальто.

— Только осторожней. Кто-нибудь поможет мне?

Под одежду Лукаса скользнули две пары рук.

— На счет «три», ладно? Раз... два...
Тут Лукас резко сел и сорвал маску с лица.
Медсестра взвизгнула.
Врач позвал кого-то на помощь.
Лукас одним рывком освободился от торчащих из руки трубочек внутривенного вливания. Брызнул фонтанчик крови. Он схватил лежавшую на подносе губку, крепко прижал к руке. Кровотечение сразу прекратилось.

— Я просто хочу уйти отсюда, — пояснил он. Голова страшно кружилась.

— Охрана!

— Да прекратишь ты орать или нет? — злобно спросил Лукас. Соскользнул с операционного стола, схватил с подноса один из скальпелей. Какой-то мелкий, никудышный... Он отбросил его на пол и вытащил из-под пальто выкидной нож марки «Немезида».

Доктор Ричардс так и ахнул:

— Это нож с несколькими лезвиями?

— Нет, — ответил Лукас. — Всего с одним. — И со щелчком выкинул лезвие. — Видите, вылетает спереди. А когда несколько лезвий, они вылетают сбоку. Вот, позвольте продемонстрировать разницу.

Доктор Ричардс попятился к стене и поднял вверх руки. Лукас продолжал наступать на него, в какуюто долю секунды оказался рядом и прижал кончик лезвия к мягкой ямке под подбородком.

— Пожалуйста, прошу вас...

— Заткнись!

Медсестра метнулась к выходу.

Лукас повел доктора к двери.

— Всегда мечтал стать хирургом, — пробормотал он и выдавил лезвием капельку крови. — Может, сегодня самое время начать.

— Я сделаю все, что скажете! Только не убивайте!

Лукас пинком распахнул дверь, за ней оказались два охранника. Увидев эту сцену, они сразу же выхватили пистолеты.

— Пусть уходит, — сказал тот охранник, что справа.

— Он едва меня не зарезал! Преступная врачебная халатность! Я его в суд веду!

Охранники явно растерялись, переглянулись.

— Вы что, шутите? — спросил один из них.

— Вроде того. Хотя клоун из меня никудышний. — И с этими словами Лукас толкнул Ричардса прямо на охранников, успев перед этим полоснуть его ножом по горлу. Мужчины бросились на помощь, подхватили падающего доктора, и Лукас воспользовался шансом. Стрелой метнулся к двери.

— За ним! Уходит! — крикнул один из охранников, он зажимал рану на горле врача. Напарник его бросился за Лукасом.

Выход из больницы находился всего в нескольких ярдах. Прямо перед Лукасом катил по коридору в инвалидной коляске какой-то старик. Лукас налетел на него, рывком выдернул с места и толкнул прямо на подбегающего охранника. Тот выронил пистолет.

— Стой!

Но Лукас уже выбежал из двери. С резким визгом, едва не сбив его с ног, затормозила «Скорая».

Выпрыгнул водитель, вне себя от ярости.

— Я мог убить тебя, придурок!

Парень взмахнул ножом, водитель медленно попятился.

— Ты чего, парень... Нет, ничего такого, серьезно. Просто хотел убедиться, что ты в порядке.

Лукас запрыгнул на водительское место, тронул машину с места. Поддал газу, услышал, как визжат шины, когда, описав дугу, резко отъехал от больницы. В зеркальце заднего вида увидел охранника, тот пытался догнать машину. Лукас выжал педаль газа до пола, вихрем пронесся мимо больничной стоянки. Потом проломил ворота, и «Скорая» вырвалась на улицу.

Скоро он сменит эту машину на что-то менее заметное. Но прежде надо пополнить запасы обезболивающего. И не для того, чтобы словить кайф.

Лукас осмотрел переднюю панель, попробовал нажать несколько кнопок и включил опознавательные огни. А когда над головой завыла сирена, предупреждая, чтобы все убирались прочь с дороги, тонкие его губы тронула довольная улыбка.

Глава тридцать пятая

Чарли даже приподнял пальцами веки, но мир по-прежнему был погружен во тьму. Попытался сесть, но ударился головой о крышу клетки, некоего непонятного приспособления, в котором находился, — то ли в большом деревянном ящике, то ли в багажнике автомобиля.

Он прижался ухом к полу, но рокота мотора не было слышно, и шуршания резиновых шин о мостовую — тоже. Это исключало багажник. Да и не так уж холодно тут, что, в свою очередь, исключало возможность, что он оказался в вертикально стоящем холодильнике, — идея, которая пришла в голову благодаря недавно увиденному в доме друга фильму ужасов. Таким образом, оставался деревянный ящик, что еще вовсе не означало, что идея верна.

Где-то послышались голоса. Чтобы развернуться, понадобилось несколько минут. Теперь он увидел дырочку в стене — совсем крохотную. И в нее просачивался луч света толщиной с карандаш, играл светлым переливающимся бликом у него на рубашке. Чарли прижался лицом к стенке, заглянул в дырочку. Голоса принадлежали двоим мужчинам в черном. Чарли решил, что это наемные убийцы из «Черных Фем», уж очень похожи они были на людей, преследовавших его раньше. Он прижал к отверстию ухо, в надежде расслышать, о чем они говорят. Но, к сожалению, до него донеслись лишь обрывки разговора, странный набор шипящих и свистящих звуков в перемешку с приглушенными гласными.

Тогда он снова прижался глазом к отверстию, попытался разглядеть помещение за пределами ящика под разными углами. Увидел слева стену, длинную и изогнутую, такие поверхности бывают... у самолетов? «Нет, — подумал Чарли. — Этого просто быть не может. Или все же может?..»

Он напрягся, стараясь избавиться от тумана в голове, пытаясь вспомнить, что происходило с ним с того момента, как они с дедушкой Кливлендом ушли от Бетезда Террас. Вспомнил, как дошел следом за дедом до конца Центрального парка, как стоял рядом у обочины с поднятой рукой, пытаясь поймать такси. Удивился, когда рядом притормозил лимузин, еще больше удивился, когда распахнулась дверца и кто-то пригласил их сесть в машину. А потом... нет, это было практически все, что он помнил. В тот момент к нему потянулась рука, закрыла ему рот толстой тряпкой — от нее исходил такой странный, сладковатый, усыпляющий запах, — и он сразу вырубился.

«Это был хлороформ, готов побиться об заклад», — подумал Чарли. Он слышал, что такие штуки про-деляют разные разбойники и убийцы, слышал от своего друга, с которым смотрел фильмы ужасов.

И вот Чарли отодвинулся от дырочки, не зная, что делать дальше. Попробовал потолкать доски ногами — напрасно, ничего не вышло. Силенок у него всегда было маловато. Наверное, именно поэтому они засадили его в простой деревянный ящик. Откуда никак не выбраться. Он подумал, что, если рядом находятся другие такие же ящики и в одном из них сидит дедушка Адамс? Или папа? А может, и мама тоже? С каждой минутой положение казалось все более отчаянным.

Но вот он снова услышал голоса, на этот раз они звучали возбужденно. Чарли взглянул в отверстие и увидел, что убийцы пришли не одни. С ними находился еще один человек, видимо, пленный, связанный по рукам и ногам. Внезапно он резко откинулся голову, и Чарли с ужасом увидел — это папа!

Вместе с этим появлением исчезли последние пробы-лески надежды. Мысль о том, что и отец страдает, запертый в какой-то коробке, была малоприятной, но это еще хуже. Он наслышался немало историй о том, как отцу удавалось выходить сухим из воды в самых скверных ситуациях, но на этот раз ситуация не просто скверная. Гораздо хуже. Они обречены, это ясно.

И Чарли, вне себя от горя и отчаяния, свернулся клубком. И потом вдруг почувствовал: что-то больно упирается ему в ногу. Потянулся и обнаружил ис-точник неприятных ощущений. Мобильный телефон отца, тот сунул ему его в карман сегодня утром. Чар-ли раскрыл его. Заряжен, уже хорошо. А вот сигнала не было, и это плохо.

Пальцы Чарли так и запорхали по клавиатуре, у него возник новый план использования телефона. Он прошелся по «меню» и наконец нашел нужную ему кнопку. На экране загорелась надпись: «Голосовая память». Примерно месяц назад, занимаясь поиском новых видеоигр в телефоне, он обнаружил этот ресурс и почти час слушал его. Просто поразительно, как много успел записать отец. По всей очевидности, он ничего не удалял. Тут хранились памятки разного рода. Списки покупок в магазинах. Идеи по продаже книг, наброски каких-то сценариев. Названия песен с привязкой к группе, исполняющей каждую. Ну и всякая частная информация. Вещи, которые не следовало слушать и знать Чарли. О том, как одинок отец. О том, как тоскует по семье. О том, что это он виноват, что именно он все разрушил. Чарли так и не понял, к чему отцу понадобилось записывать все эти вещи, но смелости спросить тогда не хватило.

Он надавил кнопку «play» — открылось довольно длинное послание. Совсем свежее, записанное накануне вечером.

— «Причины, по которым я ненавижу Алекса Пирсона»... — зазвучал в микрофоне голос отца.

Секунду-другую Чарли решал: может, стоит переключиться на что-то другое, но затем понял, времени у него маловато. Нажал на еще одну кнопку, добавил громкости. Качество звука при этом значительно ухудшилось, но все равно Чарли так весь и сжимался, слушая, какие мерзости говорит отец о новом женихе мамы.

И вот он поднес телефон к крохотной дырочке в стене ящика. Ждать пришлось всего несколько минут, вскоре он услышал приближающиеся шаги. И кто-то

громко постучал по ящику носком ботинка — как показалось Чарли, с металлической набойкой.

— Ты уверен, что мальчишка здесь? Я слышал какой-то мерзкий компьютерный голос. Он что, успел прихватить с собой ноутбук?

Чарли услышал, как к ящику, громко топая, приближается вторая пара ног.

— Ноутбук? Ты чего, с ума сошел?

— Да ты сам послушай! Вот, слышал?

— Ага. Вроде бы да.

По ящику пнули ногой еще раз.

— Ты там, малыш?

Чарли молчал, продолжая прижимать мобильник к отверстию в ящике.

— Похоже, откуда-то спереди исходит, — заметил один из убийц.

Чарли на миг убрал телефон, посмотрел в дырочку. И увидел глаз.

— Вроде бы там что-то светится, — пробормотал убийца. — Сдается мне, похоже на...

И тут Чарли изо всей силы ткнул пальцем ему прямо в глаз. Мужчина дико вскрикнул. Чарли отпрянул и вжался в противоположную стенку ящика. И обхватил голову руками, уже жалея о том, что натворил.

Глава тридцать шестая

— Убью, гаденыш!

Эти слова наемника донеслись до Чарли за секунду до того, как на крышку ящика обрушился удар ломом. Еще каких-то полдюйма, и он задел бы ногу Чарли. И вот мучитель его вскинул руку, намере-

ваяясь нанести очередной сокрушительный удар, и Чарли зажмурился и весь сжался.

Он ждал взрыва боли. Но удара не последовало.

Тогда он робко приоткрыл глаза и увидел, что остановил обидчика с ломом его напарник. Держал за плечи и пытался успокоить, впрочем, не слишком успешно. Чарли воспользовался этим моментом, чтобы бежать из плена. Выскочил из ящика и опрометью бросился в хвостовую часть самолета. Там находился грузовой отсек, и он был открыт, а настил опущен... Видя, что желанная свобода совсем близко, Чарли с каждой долей секунды набирал скорость.

Позади послышался грохот. Чарли обернулся и увидел, что его разъяренному обидчику удалось отшвырнуть напарника, что он бросился в погоню и теперь находился в каких-то двух ярдах у него за спиной. В одной руке он по-прежнему сжимал лом, другой прикрывал кровоточащую глазницу. Лицо его было искажено от боли и ярости, и Чарли не сомневался: стоит попасть в лапы этому страшному человеку, и он погиб.

Чарли с грохотом сбежал по настилу из металлических пластин, стуча по нему каблуками, точно маленькими молоточками. Вырвавшись из самолета, он вспомнил отца. Возможно, побег даст ему шанс на спасение. Может, они с отцом встретятся, может, сумеют найти маму и дедушку тоже.

«Слишком уж много этих «может быть», — подумал Чарли. Но в данный момент это все, что у него есть.

Под покровом ночи он стрелой метнулся к ближайшему ангару. Высоченные двери были слегка приоткрыты, но этой щелки вполне хватило Чарли, чтобы проскользнуть внутрь. Он оказался в огром-

ном ярко освещенном помещении, все пространство кругом было заполнено какими-то транспортными средствами на гусеничном ходу и с широченными шинами, с торчащими отовсюду шлангами и зубьями черпалок. Сцена эта напомнила мальчику музей, где экспонатами были скелеты тысяч механических динозавров.

За спиной он услышал шум, это его преследователь ворвался в ангар. Чарли бросился в дальний от входа угол, там виднелась лестница, по которой он рассчитывал вскарабкаться на мостки, откуда было удобно обозревать пространство. Взобравшись, он растянулся на животе и с высоты наблюдал за тем, как преследователь старается отыскать его.

— Я знаю, ты здесь! — крикнул наемный убийца. Он метался, точно безумный, время от времени налетая на предметы, и Чарли подумал, что это, должно быть, вызвано повреждением глаза.

Сам же Чарли затих, как мышка, стараясь ничем не выдавать своего присутствия. Поднял глаза — как раз вовремя — и увидел, как откуда-то сверху выскользнул из отверстия слабо закрепленный болт. Выскользнул и покатился к краю настила. Чарли успел поймать его. «Обошлось», — подумал он, но радость его была недолгой. Буквально через секунду-другую из конструкции вывалился и упал второй болт.

Крохотный серебристый кусочек металла падал, как в замедленной съемке, казалось, просто завис в воздухе, точно скорость его составляла один дюйм за миллион лет. Он напомнил Чарли спутник Земли, внезапно сошедший с привычной орбиты, который пролетал через плотные слои атмосферы, оставляя за собой дымный след. Но все это, конечно, было лишь

плодом его воображения. Чарли даже зажмурился и закрыл ладонями уши в ожидании триумфального падения болта — с оглушительным грохотом, прямо на кабину гигантского грузовика.

Убийца резко обернулся. Чарли застыл в надежде, что тело его он примет за ящик с инструментами. Это если, конечно, одноглазый догадается взглянуть вверх.

Что тот и сделал.

— Ага, попался, щенок! — заверещал он.

Чарли вскочил, но бежать было некуда. Единственный путь — все тот же, лестница, — только теперь его преграждает маньяк с ломом. Мальчик судорожно вертел головой в поисках какого-то другого выхода. И нашел единственно возможное решение, если его вообще можно было назвать таковым. Тонкий стальной трос — с его помощью настил крепился к противоположной стене. При мысли о том, что придется пройти по этому «канату» на такой высоте, Чарли даже затошило от страха. Но другого выхода просто не было, и он решил, что уж лучше разбиться насмерть, упав вниз, чем стать жертвой одноглазого с ломом.

— Давай! — сказал убийца, он уже долез до самого верха лестницы. — Прыгай сам. Все лучше, чем мне об тебя руки пачкать.

— Но я всего лишь ребенок! — жалобно возразил Чарли, ставя одну дрожащую ногу на металлический трос. — Разве тебе не известно, что это нехорошо — убивать детей?

— Прежде надо было думать, чем выбивать мне глаз! — рявкнул в ответ убийца и двинулся к нему по настилу, сжимая в руке ломик, точно бейсбольную биту.

Чарли сделал еще один шаг. Он старался смотреть только вперед, но не удержался, глянул вниз. «Ошибка, чтобы больше не смел», — сказал он себе и снова вскинул подбородок. Осторожно ставил одну ступню перед другой, воображая себя гимнастом, олимпийцем, лучшим в мире спортсменом на пути к завоеванию еще одной золотой медали.

Бэнг!

Тут Чарли ощутил, как проволока под ногами заходила ходуном. Это убийца безжалостно колотил по ней ломиком.

Бэнг!

Впрочем, выбрировала она не слишком сильно, но достаточно, чтобы действовать Чарли на нервы. Однако он понимал: этого хватит, чтобы потерять равновесие и свалиться вниз.

Бэнг!

«Смотри только вперед. Выбери точку в отдалении и не спускай с нее глаз», — эти слова отца прозвучали у Чарли в голове. Он подсказывал ему, как себя вести. Как некогда объяснял, как водить машину, Чарли тогда едва исполнилось шесть. Если смотреть на дорогу прямо перед собой, тогда будешь вилять из стороны в сторону. Но если смотреть вперед, туда, куда направляешься, машина будет идти ровно, по прямой.

Бэнг!

И вот Чарли выбрал себе такую точку впереди и уставиля на нее. Спокойно. Главное — спокойствие. Не спеши, просто иди вперед. Вниз не смотреть. И не думать об этом сумасшедшем за спиной, который хочет тебя убить. Просто иди себе вперед, и все.

Бряканье прекратилось.

Чарли не оборачивался, но нутром почуял: убийца затеял что-то новенькое.

— Думаешь, получится убежать?

Ага, теперь понятно. Преследователь тоже шагнул на канат и следует за ним. И судя по всему, он его догоняет.

— Вот разделяюсь с тобой и возьмусь за твоего драгоценного папочки. Лично мне до лампочки, что сынок, что папаша. Ну как тебе такая перспектива?

Чарли дошел до стенки. Ему не верилось, что он смог сделать это. Впрочем, теперь это не главное. Заслуга в достижении цели казалась просто микроскопической в сравнении с той опасностью, которая ему до сих пор грозила.

— Всегда можешь спрыгнуть, избавить меня от лишних хлопот.

Чарли медленно развернулся, вжался спиной в стену. И беспомощно наблюдал за тем, как одноглазый подходит к нему. Время истекает, просачивается, словно песок сквозь пальцы. Пальцы! Он разжал кулак и увидел на ладони болт, который успел подхватить в полете. Он так крепко сжимал его все это время в кулаке, что даже костяшки пальцев побелели. Так, теперь главное — успокоиться...

— Что это там у тебя, а, малыш?

— Да ничего особенного, — услышал Чарли свой голос, резко размахнулся и швырнул болт.

Тот описал в воздухе точно рассчитанную траекторию. Глаза у Чарли расширились при виде того, как маленький серебристый болт летит, точно пуля, к намеченной цели. И тут он увидел, что промахнулся.

Убийца расхохотался.

Лицо у Чарли вытянулось от разочарования, но тут вдруг он почувствовал, что проволока слегка под-

рагивает под ногами. Снова поднял глаза и увидел одноглазого — тот нелепо махал руками, стараясь сохранить равновесие. А потом глаза его удивленно расширились, убийца сорвался с проволоки и полетел вниз, навстречу безжалостному бетонному полу ангара. Тело его слепнулось с хлюпающим тошнотворным звуком — точно кто-то уронил на землю мешок с дынями.

— Есть! — торжествующе воскликнул Чарли.

Но радость быстро переросла в отвращение, когда он увидел расползающуюся на полу вокруг изуродованного тела одноглазого темную лужу крови. Его охватило чувство вины, и это несмотря на то, что преследователь его, несомненно, заслуживал смерти. Мальчик закрыл глаза и передернулся, стремясь избавиться от этого ощущения. Поплакать можно и позже.

И тут он вздрогнул — помещение наполнилось гулом какого-то гигантского мотора. Он прислушался, потом увидел, как гигантские двери ангара раздвинулись. В помещение вошел мужчина с пистолетом в руке. И направился прямо к тому месту, где столь неудачно приземлился потенциальный убийца Чарли.

— Стыд и позор, — пробормотал мужчина, удрученно качая головой. А потом покосился на мальчика. — Нет, я честно рад, что он тебя не достал.

Чарли вздрогнул, узнав, кто перед ним.

— В конце концов, — заметил Лукас, натягивая черные перчатки, — если уж кто-то и должен тебя убить, так только я.

Чарли закрыл лицо обеими руками, ожидая, что вот-вот грянет выстрел. И жизнь его оборвется.

— Да ты не бойся, — спокойно и даже как-то добродушно заметил Лукас. — Убивать тебя прямо сей-

час я не собираюсь. Сначала, пожалуй, воткну тебя в снеговика.

Чарли так и не понял, что означали эти странные слова, но выяснить как-то не очень-то и хотелось.

Глава тридцать седьмая

Мужчины захлопнули дверцы кабины, моторы «Старлифтера» взревели. Вскоре самолет ляжет на курс и полетит на самое «дно» мира, место еще более чуждое и таинственное, чем обратная сторона Луны.

— Еду у нас здесь не разносят, так что, надеюсь, пленка придется тебе по вкусу, — сказал Лукас и оторвал кусок скотча.

— Вкус, конечно, специфический, — ответил Август. — Но я уверен, мне понравится.

Лукас обмотал ленту вокруг его лица.

— Тебе это пойдет только на пользу, — заметил он. — И еще надеюсь, ты любишь холода, потому как скоро предстоит всей шкурой прочувствовать, что такое настоящий мороз.

— М-м-м-м-м, — замычал Август.

— Ну, в чем дело? — спросил Лукас и сорвал пленку.

— Уж куда лучше, чем жара, — пробормотал Август. И по щеке, теперь гладко выбритой, скатилась одинокая слезинка.

Лукас вернул полоску скотча на прежнее место, потом для надежности залепил сверху вторым и третьим слоями, что, в принципе, дела не меняло. Потом поднялся, осмотрел поле деятельности и не мог сдержать довольной улыбки при виде содеянного.

Август, Эйприл и Чарли аккуратно сидели рядом, прижавшись друг к другу, точно куклы. Они

были вынуждены оставаться в этом положении, поскольку тела их были опутаны шнурами и проводами, которые Лукас лично проверил и перепроверил несколько раз. Рты заклеены, и он с нетерпением ожидал момента, когда начнет мучить их по очереди, ведь полет предстоял долгий. Будет чем заняться, все лучше, чем проводить время в долгих спорах со старшим братом.

— Ну, как тут у вас дела?

— Намечается встреча в аду. С самим чертом, — неуклюже пошутил Лукас при виде подошедшего Гаррета.

— Меня имеешь в виду? Ты в зеркало давно смотрелся? Сам выглядишь в точности как персонаж «Баек из склепа».

— Именно поэтому хочу стать тем, кто будет отрывать у этих ублюдков одну конечность за другой, — сказал Лукас. Он не шутил.

— Да уймись ты! — прикрикнул Гаррет. — Чуть раньше я сам едва не казнил Августа. Но его, как и всех остальных, следует прежде доставить Штульгерру.

— Тогда дай мне знать, когда он с ними закончит, — сказал Лукас. — А то я столько сюрпризов им подготовил...

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, — насмешливо заметил Гаррет и похлопал брата по плечу. — Но учти, дорогой братец, нужды и задачи «Черных Фем» всегда должны быть на первом месте.

Лукас проводил глазами брата. Он ненавидел его потому, что тот обращался с ним, как с мальчиком на побегушках. Хуже того, Лукас ненавидел себя за то, что провалил важнейшее задание — вернуть организации «Евангелие Генриха Льва». Он сел на пол и

изредка бросал гневные взгляды на трех испуганных пленников.

«Что ж, каждому свое», — сказал себе Лукас, пытаясь успокоиться. Он понимал: возможно, Гаррет спас ему жизнь. «Черные Фемы» не были склонны прощать такие промахи.

Он переводил взгляд с Чарли на Эйприл, потом — на Августа и снова на Чарли. Почему Штульгерр до сих пор с ними не расправился?

— Должно быть, вы у нас какие-то особенные, — пробормотал он.

Тут в двери возник один из охранников «Черных Фем».

— Штульгерр хочет поговорить с тобой, — сказал он.

Лукас поднялся и последовал за охранником в небольшое помещение, расположенное в передней части самолета, прямо за пилотской кабиной. Охранник оставил его наедине с Штульгерром.

— Сэр? — произнес Лукас и уважительно потупил взгляд.

— Дорогой мой друг и помощник, — тихим, даже каким-то ласковым голосом начал Штульгерр. — Скажи, ты все время намерен проводить с пленными?

— Нет, сэр, — ответил Лукас. — Скоро будет очень холодно. Но во время полета... да, собираюсь нанести им визит-другой.

— Что ж, хорошо, если после этих «визитов» они останутся живыми и невредимыми, — заметил Штульгерр. — Твой брат опасается, что ты не сможешь... контролировать свои эмоции.

— Брат ошибается.

— Это будет не первой твоей ошибкой.

Лукас промолчал.

— Шанс заняться этими людьми у тебя будет, — продолжил Штульгерр. — Но ты должен проявить терпение.

— Вот терпения мне как раз всю жизнь не хватало, — сокрушенno заметил Лукас.

— Что ж, такова уж твоя натура, — сказал Штульгерр, и в голосе его звучали понимание и сострадание одновременно.

А потом без предупреждения он резко поднялся и полоснул острым изогнутым лезвием Лукаса прямо по горлу.

Глава тридцать восьмая

Время тянулось бесконечно. Правда, Лукаса Август больше не видел — первое приятное событие за весь день. Наверное, очень занят, точит свои ножички. И при мысли о том, с какой целью Лукас делает это, Август передернулся. Потом постарался выбросить эту зловещую картину из головы и сосредоточиться на теперешнем своем положении.

Чарли и Эйприл, прижавшиеся к нему с двух сторон, крепко спали. Все как в старые добрые времена, если не считать, что они связаны по рукам и ногам, а рты заклеены скотчем, подумал Август. Да еще предчувствие близкой смерти, оно никак не покидало. Август попытался изогнуть спину, потянуться всем телом, избавиться от онемения в конечностях — напрасно. Он застрял в этом самолете на неопределенное время. Хотя, возможно, определенное. До тех пор, пока они не долетят до Ушуая.

Чуть раньше он подслушал разговор охранников «Черных Фем», они обсуждали план полета. На пути к Антарктиде у них будет всего одна посадка для

дозаправки в аргентинском городке под названием Ушуая, который также называли самым южным городом. Хотя сам Август там никогда не бывал, он имел представление об этих краях, а также об Огненной Земле, потому что в свое время прочел весьма занимательную книгу «На краю света», написанную известным путешественником и искателем приключений Лукасом Бриджесом.

Август помнил, как выразительно автор описывал тамошние племена, несчастных людей, которых выживали с насиженных мест и обрекали тем самым на уничтожение. И вот Август задумался о судьбе своего «племени». Ждет ли его уничтожение в Ушуая, или им придется погибнуть в царстве холода под названием Антарктида?

Чем закончится это их путешествие, до сих пор было для него тайной. Однако Август догадывался, что разгадка ее связана с той странной картой, которую удалось найти Эйприл. Он успел только раз взглянуть на нее, но крохотные нацистские флагшки, отмечающие какие-то точки на местности, произвели самое неприятное впечатление. Нечто страшное и таинственное ждало их там, подо льдами, и Август вовсе не стремился узнать, что именно.

Отец недавно намекал, что это имеет какое-то отношение к знаменитому Копью Судьбы. Но Август не мог понять, почему эта древняя реликвия вызывала такой ажиотаж, особенно если учесть, что само существование ее под большим вопросом. Отец явно чего-то недоговаривал.

Август страшно сожалел о том, что нет при нем ручки и листа бумаги, чтобы изложить свои соображения по этому поводу. Впрочем, это можно сделать и мысленно. В надежде найти хоть какое-то подобие

упорядоченности, Август стал выкладывать фрагменты загадки в голове.

Копье Судьбы. Реликвия, которую, по словам Гитлера, ему удалось найти. И он спрятал это легендарное оружие в... Новой Швабии. На эту часть Антарктиды претендовали нацисты в конце тридцатых. Новая Швабия — это название территории получила в честь германских земель, известных как Швабия, где правил великий герцог... Барбаросса. Провозглашенный императором Священной Римской империи. Его кузеном и заклятым врагом был... Генрих Лев. Герцог Саксонский и Баварский. Известен знаменитым своим «Евангелием», включавшим иллюстрации... Копья Судьбы.

Какой-то замкнутый круг получается. Путаное сплетение фактов и вымысла. И Август затруднялся сказать, где здесь кончается реальность и начинается легенда. Но хуже всего то, что стоит ему разгадать загадку — и он умрет. Да, дела обстояли весьма печально. Но куда как сильнее Августа тревожило другое. Большая тайна, чем та, что окружала потерянную реликвию и связанные с ней легенды, — Эйприл.

Губами, залепленными скотчем, он поцеловал жену в макушку. Она пошевелилась, но не проснулась. Что ж, пусть себе спит. Он все равно пока что ничего не может сделать. Не может сказать ей, каким дураком был. Не может спросить, готова ли она простить, позволить ему вернуться и начать все сначала. Он не может спросить, любит ли она его до сих пор. Он не сумел воспользоваться ни одной представившейся возможностью — а их было не так уж и мало, — а теперь просто поздно.

Август закрыл глаза и взмолился о еще одном шансе. Всего одном. А потом провалился в сон, и во сне этом они снова были вместе. Вся семья.

Глава тридцать девятая

Август вздрогнул и сразу проснулся. Самолет резко накренился вправо, потом полого нырнул носом вниз. Август покосился на Эйприл и Чарли, посмотреть, как они. Их тоже разбудили эти кульбиты, и в ответ на его вопросительный взгляд они закивали, давая понять, что в порядке. Самолет швырнуло влево, от перепадов высоты мышцы у Августа заныли. А связанные за спиной руки, казалось, вот-вот сломаются. Он уперся в пол ногами, чтобы удержаться рядом с Эйприл и Чарли. Но тут вдруг самолет выровнялся, гул моторов стал стихать. Несколько минут спустя Август услышал, как взвизгнули шины шасси, машина катила по посадочной полосе. Они благополучно приземлились в Ушуаю.

Дверь отворилась, вошел Гаррет Дейрол. Подошел к Августу, наклонился, сорвал полоску скотча со рта.

— Уже во второй раз! — возмущенно воскликнул Август. Потер подбородок, смахнул повисшую на реснице слезу. — Ты в точности как твой братец.

Гаррет влепил ему пощечину, потом погрозил пальцем.

— Чтобы не смел больше упоминать моего брата! Понял?

— Ага, — ответил Август, скорее заинтригованный, нежели испуганный. — Понял.

— Вот и хорошо.

Затем Гаррет подтолкнул его вперед и начал отвязывать Августа и членов его семьи от планок на стене салона.

— Что происходит? — спросил Август.

— Отвечать тебе не обязан, но скажу: наши планы несколько изменились. Местные власти уже осмотре-

ли другой «Старлифттер», так что мы переводим тебя туда, пока они будут осматривать этот.

— О, — протянул Август, не уверенный, правда это или нет. Может, сейчас их отправят прямиком в могилу?

— Вставайте! Все!

— Может, хоть ноги развязете?

— Останетесь связанными. Властям сообщили, что мы перевозим преступников. Давайте поднимайтесь живо, иначе поднимем силой.

Август оттолкнулся от двери, мышцы ног онемели, казались мягкими, точно ватными. Вместе с ним с пола поднялись Чарли и Эйприл, повисли у него по бокам.

— Прежде чем сделаем следующий шаг, — заметил Гаррет, — хочу, чтобы вы пообещали мне одну вещь. Не делать глупостей, ясно?

Август кивнул.

— Скажи вслух.

— Обещаю.

— Одно неверное движение, и я их убью, — шепнул ему Гаррет. Затем подошел к стене, нажал какую-то кнопку. Хвостовая часть самолета открылась, одновременно выдвинулся настил для разгрузки. — За мной.

И вот Август поплелся следом за ним, причем путы на ногах позволяли передвигаться лишь крохотными шажочками длиной несколько дюймов каждый. Эйприл и Чарли тащились следом за ним, их путы тоже не оставляли места для маневра. Август с ужасом представлял, как кто-то споткнется и все они трое повалятся друг на друга, устроят куча-мала, и зрелище это вряд ли развеселит даже самых добродушных членов «Черных Фем».

Гаррет притормозил их, когда они начали спускаться по настилу. Хотя небо было сплошь затянуто тучами, Август при выходе сощурился от света. И обозрел окрестности — простой аэродром, с достаточно длинными взлетно-посадочными полосами, чтобы принимать гигантские «Старлифтеры». Вдали он разглядел горную гряду с покрытыми шапками снега вершинами, и это напомнило ему северную «версию» Скалистых гор в Колорадо. Хотя температура была ненамного ниже пятидесяти, он зябко поежился. Вдвое прохладнее, чем в Нью-Йорке, и это хорошо.

— Дальше будет гораздо холодней, — сказал Гаррет, заметив реакцию своих пленных. — Надеюсь, вы прихватили с собой теплые вещи.

Август шагнул на настил, увлекая за собой Эйприл и Чарли. Внизу он увидел бензовоз, который отъезжал от второго «Старлифтера», видно, те только что заправились.

После трудного и довольно унизительного путешествия они добрались наконец до второго самолета. Кругом никого, ни единой живой души, и Август в который уже раз с тревогой подумал об отце и Алексе. Какая уготована им судьба — он был не в силах понять, как и таинственную цель их полета в Антарктиду.

Люк в хвостовой части был открыт, и Гаррет подтолкнул их вперед. Август обернулся и увидел, как у первого, покинутого ими самолета выстраивается группа мужчин с автоматами.

— Давай пошевеливайся, — озабоченно произнес Гаррет.

Чарли поскользнулся, Август едва не упал на него.

Гаррет схватил мальчика за воротник, рывком поднял и поставил на настил.

— А ну, живо в самолет! — рявкнул он.

— Не смей говорить с моим сыном таким тоном! — злобно сказал Август, жалея, что руки связаны и он не может как следует врезать этому мерзавцу.

— Полезайте внутрь!

Август не понимал, к чему такая спешка. Задумался, и вдруг в лицо ему ударила волна нестерпимого жара. Он упал на настил, увлекая за собой Чарли и Эйприл. Гаррет метнулся в самолет, нажал кнопку, закрывающую вход. Настил тут же резко поднялся, и люди, находившиеся на нем, покатились по полу самолета.

— Позже зайду, — бросил Гаррет через плечо. И поспешил в переднюю часть «Старлифтера». Август услышал, как за ним захлопнулась дверь.

Он лежал лицом вниз, слышал тяжелое дыхание Эйприл и Чарли, которые до сих пор не могли прийти в себя. Самолет, на котором они сюда прилетели, превратился в огненный шар прямо у него на глазах. Кому понадобилось устраивать этот взрыв?

Завыла сирена, пол под ними задрожал. Моторы «Старлифтера» взревели, и самолет резко устремился вперед. По инерции Август, Эйприл и Чарли заскользили к люку. Август ощутил дуновение прохладного ветерка. Изогнул шею и увидел, что разгрузочный люк медленно открывается. Чем выше поднимался в небо самолет, тем шире становился зазор. Внутрь ворвался ветер, вокруг Августа летали какие-то полоски пластика и обрывки бумаги, точно взвихренные торнадо. Он понимал: еще несколько секунд, и они будут падать с самолета на землю без парашюта, даже помолиться не успеют.

Дверь распахнулась, вбежал Гаррет. Бросился к люку, на что-то нажал и закрыл его. Ветер тут же стих.

— Прошу прощения, ребята, — сухо произнес он, помогая своим пленникам подняться на ноги. — Турбулентность всему виной. Пилоты все сваливают на нее.

Он прислонил их к стене, затем привязал.

— Эта часть полета будет недолгой, — сказал он. Затем достал из ящика одеяло и накинул на них. — Думаю, вам пригодится.

Август вздохнул. Эйприл и Чарли еще крепче прижались к нему.

Следующая остановка — Антарктида.

Глава сороковая

Холод. Он был повсюду. Он обволакивал их со всех сторон. Август понимал — за бортом самолета еще хуже. Он слышал слабое посвистывание, исходящее от разгрузочного люка, видел, что он поврежден. Оттуда и просачивался ледяной воздух.

Август сильно выдохнул — из носа вылетели две струйка пара. Других действий со времени вылета из Аргентины он не предпринимал, просто не мог. Глядя на одеяло, накинutое на ноги, он жалел сейчас лишь об одном — что руки связаны за спиной, иначе можно было бы натянуть одеяло повыше, обнять Чарли и Эйприл, прижать к себе. Затем он услышал, как кто-то из них стучит зубами, и глянул сверху вниз на сына. У бедняжки даже лицо посинело от холода. И тут Август ощутил нарастающий гнев, его так и окатила жаркая волна ненависти к чертовым «Черным Фемам».

Температура в грузовом отсеке продолжала падать, и Август представил себе огромный термометр, высасывающий из тела кровь. Еще немного — и все они заболеют, причем серьезно. Со времени вылета из Нью-Йорка во рту у них не было ни крошки, Гаррет изредка давал им лишь несколько глотков воды, причем преподносил ее с таким видом, точно это была некая живительная влага для человеческого организма.

«Старлифттер» начал снижаться, гул моторов постепенно стихал по мере того, как они устремились к земле. Сердце у Августа тревожно забилось, он понял: они приближаются к последнему пункту назначения. Конечно, ему хотелось получить ответы на вопросы, но только не такой ценой. Самолет снижался, а он пытался припомнить, когда они в последний раз были вместе. Может, тому способствовал холод или же длинные сосульки, свисавшие с потолка, но вспомнилась такая картина. Рождество... четыре года назад.

У Чарли выпало два передних зуба. Август помнил, как безжалостно подразнивал сына, когда они уселись под елку открыть подарки.

— Скажи «тесто».

— Фесто, — хихикая, ответил Чарли.

— Скажи «Теодор».

— Один из бурундуков, что ли?

— Да нет. Просто скажи «Теодор».

— Но я не знаю, кого ты имеешь в виду, бурундуков из мультика или нет.

— Ну ладно, пусть будет один из тех бурундуков. Как их звали? Альвин, Саймон... Теодор!

— Феодор!

И оба они дружно рассмеялись.

— Ты должен дать ему более сложное задание, — заметила Эйприл. Она, улыбаясь, вошла в комнату. Протянула Августу чашку горячего шоколада, затем дала такую же Чарли.

— А суфле из кукурузного сиропа ты ему дала больше, — заметил Август.

— Это потому, что ему шесть.

— Зато я веду себя, словно мне шесть.

— Тут, знаешь ли, гордиться особенно нечем, — с сарказмом заметила Эйприл и уселась рядом с ними на диван.

— Чарли, скажи «кукурузный сироп».

— Кукурузный сироп.

— Ужасно! Не вижу никакой разницы!

— Да уж. Наверное, надо спросить у меня фотнибудь потрудней.

— Стоп! Ты это слышала?

— Что?

— Чарли, скажи «что-нибудь».

— Фото-нибудь!

И они снова расхохотались, и Август пролил себе на рубашку шоколад.

— Простите, — сказал он. Поднялся и пошел на кухню за полотенцем. Эйприл последовала за ним.

— Послушай... — начала она. — Как думаешь, надо говорить ему или нет?

Август промокал большое коричневое пятно на груди вафельным полотенцем.

— Кажется, только хуже сделал, — заметил он.

Эйприл обняла его за шею, поцеловала.

— Так сказать ему или нет?

— Сказать что?

Эйприл забрала у него полотенце, бросила в раковину.

— Ты прав, — пробормотала она. — Только еще хуже сделал.

— Знаю. Есть у меня такой талант.

— Думаю, мы все-таки должны ему сказать.

— Погоди, — сказал Август. — Я чего-то не понял. Ты это о чем?

Она взяла его руку, положила себе на живот.

— Сам знаешь.

Август знал. Эта мысль не давала ему покоя с тех пор, как Эйприл сообщила эту новость. Как-то не верилось, что он может стать отцом во второй раз.

— Нет, не надо ему говорить. По крайней мере пока. Слишком рано.

— Знаю, — кивнула Эйприл. — Но ведь сегодня Рождество.

Август начал расстегивать рубашку.

— Я просто... Ну, не знаю.

— Мы должны подождать.

— Ты что, передумала? — спросил он.

— Возможно. Что-то ты не слишком рад.

Август стащил с себя испачканную рубашку, бросил на спинку стула.

— Ну почему же? Очень рад. Просто тут надо проявить сдержанность. Но если хочешь сказать ему — говори, я не против.

Эйприл прикусила нижнюю губу.

— Теперь не уверена.

— Тогда нам надо подождать. И потом, думаю, он больше обрадуется новой игровой приставке.

— Мне дарят новую игровую приставку?

Они обернулись. В дверях стоял Чарли.

— И давно ты здесь стоишь? — осведомилась Эйприл.

— Достаточно, чтобы узнать, что мне дарят новую игровую приставку! — ответил Чарли, и глаза его сверкали ярче огоньков на елке. — В какой коробке?

Август взял сына за плечи и повел в гостиную.

— К чему такая спешка, мистер? Сперва надо открыть коробку с подарками от бабушки Роуз.

— Фу-у, папа! Опять всякие там свитеры и носки!

— И еще, возможно, галстук. Если повезет.

Остаток дня прошел в шуршании подарочной бумаги и развешивании веток омелы. Они решили пока что не сообщать Чарли о том, что Эйприл беременна. Еще успеют, скажут обязательно. Но увы, в канун Нового года, всего за несколько дней до назначенного врачом приема она потеряла ребенка.

И Чарли они так ничего и не сказали.

Несчастье, как известно, не приходит одно. Со временем Август понял, что эта потеря стала началом конца их отношений. Он начал все чаще уезжать из города в деловые поездки, проводить больше времени с клиентами, его целиком поглощала охота за бесценными редкими книгами. Он ненавидел себя за это, но не мог остановиться. Словно искал спасение в этих занятиях, до тех пор, пока не увяз в них окончательно. А вскоре и вовсе исчез из дома.

— Мы здесь.

Август услышал эти слова, но не видел, кто их произнес. Видно, задремал, и глаза его были закрыты.

— Выглядишь неважно.

Август ощутил, как рука в перчатке смахивает кристаллики инея у него с лица. Только тут он открыл глаза и увидел перед собой Гаррета.

— Ты чего, надеялся увидеть кого-то другого, а?

— Просто холод навеял на мысли о Санта-Клаусе, — пробормотал в ответ Август. — Но потом вспом-

нил, он находится на другом, противоположном полюсе.

— К тому же, — заметил Гаррет, — персонаж этот выдуманный.

— Как и твое Копье Судьбы, — ответил Август и насмешливо скривил губы. — А вы не поленились притащить нас всех сюда на его поиски.

Гаррет покачал головой:

— Так ты что же, действительно понятия не имеешь, во что впутался?

С этими словами он извлек большой острый нож.

— Валяй, — сказал Август, готовясь к смерти. — Я все равно ничего не почувствую. Промерз насовсем.

Гаррет наклонился и перерезал путы на ногах Августа. Затем сделал то же самое с Эйприл и Чарли и освободил связанные руки всей троице.

— Вы свободны, — объявил он. — Ну, не совсем, конечно. Просто немного свободнее, чем только что были.

Август торопливо обнял Эйприл и Чарли, затем снял липкую ленту, залепляющую им рты. Холод сделал эту операцию менее болезненной.

— Просто не верится, — заметил Август. — Вы так легко это перенесли. У меня же отдирали прямо как восковые полоски для эпилляции.

— А что такое восковые полоски для эпилляции? — с любопытством спросил Чарли. Щеки его немного порозовели.

— Тебе еще рано знать, — сказала Эйприл и укоризненно взглянула на Августа.

— Прости... — еле слышно пробормотал он.

Гаррет открыл какую-то большую коробку в углу.

— Ваша ОДСТ здесь, — сказал он. — На антарктическом сленге это означает «одежда для сохранения тепла».

Август поплелся к коробке, передвигался он неуклюже, чувствуя себя ходячей скульптурой изо льда. Порылся в коробке, вытащил три огромные оранжевые парки.

— Они что, пролежали здесь все это время?

— Да, — ответил Гаррет. — Жутко неудобные вещи.

Он отложил нож и достал пистолет. «Чтобы без глупостей у меня», — говорил этот жест.

Август понял и протянул две парки поменьше Эйприл и Чарли. Затем шапки, сапоги, перчатки, большие очки с темными стеклами. Словом, все необходимое. Они оделись, потом встали и начали разглядывать друг друга. Видок был странный.

— Готовы? — спросил Гаррет.

— Всегда готовы, — ответил за всю троицу Август.

Гаррет нажал на кнопку, люк открылся, затем начал медленно опускаться настил. И перед ними постепенно открывался искрящийся инеем и льдом северный пейзаж, освещенный яркими огоньками базы, что располагалась поодаль.

— Bay! — восторженно воскликнул Чарли, глядя, как земля перед ним блестит и переливается, словно миллиарды бриллиантов.

— Погоди. Вот увидишь все это при дневном свете... — заметил Гаррет. — Если, конечно, доживешь. Ладно, пошли. Пора познакомить вас с остальными членами команды.

Август двинулся первым, соскальзывая, сбежал по настилу. Протянул руки, надеясь поймать снежинки, но снега не было. Затем он вспомнил один из любопытнейших фактов, вычитанных им в какой-то научной книге давным-давно: в Антарктиде почти не

бывает осадков. Их так мало, что континент этот считается крупнейшей в мире пустыней. «Причудливая пустыня», — подумал Август, и тут Чарли с Эйприл присоединились к нему.

Гаррет повел их к базе Ньюмайера, издали, на взгляд Августа, она напоминала гигантскую белую зажигалку для сигарет, поставленную на ходули. Да, такого здания он, пожалуй, прежде никогда не видел. Сооружение было абсолютно функционально и в то же время обладало несомненной эстетической ценностью, просто образчик футуризма. И Август подумал, что писатели-фантасты пятидесятых были в конечном счете не так уж и не правы.

Они вошли, и Гаррет отвел их в небольшую, ничем не примечательную комнату.

— Можете снять свои доспехи, — сказал он.

Они нехотя скинули толстые оранжевые парки на специальной теплой подкладке. Они так еще до конца и не согрелись.

— Что теперь? — спросил Август.

— Ждите, — ответил Гаррет.

— Ждать чего?

Гаррет подошел к двери, набрал код на панели, размещенной рядом. И прежде чем дверь за ним плавно закрылась, небрежно бросил через плечо:

— Есть один человек. Хочу вас с ним познакомить...

Глава сорок первая

— Айви?

Она дотронулась до рации, но отвечать не стала. Пока нет.

— Ты меня слышишь?

Она надавила на кнопку, все еще не уверенная, стоит ли. Командир предупредил ее, что Гаррету не следует слишком доверять. Один из «Старлифтеров» неожиданно взорвался в Ушуая, и преступник, совершивший это, до сих пор неизвестен. Сегур лично знала нескольких человек, которые погибли во время взрыва. Впрочем, то, что они погибли, неудивительно — обычное, почти рутинное происшествие для тех, кто работает на «Черные Фемы». Но самые недавние события плюс таинственность, окружавшая всю деятельность организации, сделали Айви почти параноиком, подозревавшим всех, даже Гаррета.

— Айви? Если слышишь меня, давай встретимся в башне, прямо сейчас. Это срочно.

Она поднесла ко рту микрофон.

— Слышу тебя. Буду через десять минут.

Снегоход двинулся к башне — так здесь называли наспех возведенную испытательную вышку для бурения. На вершине ее сиял мощный прожектор, освещая всю внутреннюю часть. Основание этого сооружения составляли два прямоугольных барака, соединенных между собой высоким белым навесом, который плавно изгибался вверх, на высоте трехэтажного здания отходя от стального основания.

Башня не полностью защищена от холода, но здесь достаточно тепло, чтобы снять верхний слой одежды. По дороге она раздумывала над тем, что скажет Гаррету. Какая-то ее половинка доверяла ему или по крайней мере хотела доверять. Она уже поделилась с ним многими секретами. Но другая половинка — та, которая запрещала ей слишком тесно сближаться с кем бы то ни было, — чувствовала: что-то нечисто. Возможно, недоверие это продиктовано той властью и влиянием, которые Гаррет имел на нее, или же

просто странным, слишком ровным тоном голоса... она не могла точно сказать. Будь на его месте кто-то другой, она бы уж давно его убила.

— Айви?

Она вздрогнула от неожиданности.

— Извини, — сказал Гаррет. Снял тяжелую толстую куртку, подошел к ней. — Надо было не пугать, а предупредить.

— Это мне не следовало пугаться, зная твои ухватки, — ответила она. Он всегда подкрадывался тихо, как кот.

— Август Адамс здесь. Вместе с бывшей женой и сыном.

— Все трое?

— Изначально мы этого не планировали. Но когда имеешь дело с ковбоями, ничего нельзя предугадать. — Он умолк и после паузы добавил: — Лукас мертв.

Айви взяла его за руку.

— Как это случилось?

— Ни один из наших не подтверждает, но я знаю, чувствую, что Штульгерр убил его. Незадолго до того, как мы вылетели из Нью-Йорка.

— Но к чему ему понадобилось убивать?

— Брат должен был раздобыть «Евангелие от Генриха Льва». Не получилось. Зато книга теперь все равно у нас. — Гаррет крепко сжал ее руку. — Никому другому не стал бы говорить... Но знаешь, иногда Штульгерр меня беспокоит. Действует необдуманно.

— Ты ему не доверяешь?

Услышав это, Гаррет внезапно встревожился.

— Я этого не говорил. И если бы не доверял ему, меня бы здесь просто не было. Но это вовсе не означает, что он, по моему мнению, немного...

-
- Сумасшедший?
 - Ну, скажем, эксцентричный.
 - Очень мягкое определение безумия.
 - Возможно. Впрочем, пути назад все равно уже нет.

Девушка заглянула ему в глаза. И вся неуверенность, которую она испытывала чуть раньше, вдруг испарилась. Она притянула Гаррета к себе.

— А как же мы? Что будет с нами, когда все это закончится?

— Точно не знаю, — ответил он. — Мы проделали здесь хорошую работу и, возможно, еще какое-то время придется провести вместе. Если ты, конечно, решишь остаться с нами.

Айви поморщилась. И пожалела о том, что как-то рассказала Гаррету, что работает на «Черные Фемы» исключительно с целью узнать о своей давно потерянной семье.

— Надо подумать, — ответила она. — Если для того будет веская причина, тогда, конечно...

— Давай решать проблемы по мере их поступления. Нам сейчас лучше думать об одном: как выжить на протяжении ближайших двадцати четырех часов.

— Особенно с учетом того, что в наши ряды затесался предатель, — заметила Айви.

— Что?

— Я слышала, что «Старлифтер» взорвали, — сказала она. — И похоже на то, что это было делом рук одного из членов «Черных Фем». Причем это еще не все. Задание по захвату Южноафриканской базы с треском провалилось. Всех перебили, кроме меня.

— Что? Но ты не должна была участвовать в этой операции!

Айви отступила на шаг.

- О чём ты, не понимаю?
- Я специально попросил, чтобы тебя сняли с этого задания.
- Почему?
- Гаррет нервно провёл рукой по волосам.
- Могу я доверять тебе?
- Я... я не знаю.
- Он крепко обнял её, притянул к себе.
- Есть среди нас люди, пытающиеся привести к власти нового Штульгерра. Лучшего Штульгерра. Человека, у которого более грандиозные планы, нежели у нынешнего.
- Но это мятеж, — пробормотала Айви, чувствуя себя неуютно в объятиях Гаррета.
- Тише, прошу тебя, — сказал он.
- Почему? Нас кто-то подслушивает?
- Не знаю. Но последнее время за мной наблюдают очень пристально.
- Какое-то время Айви молчала. Единственным звуком было столь знакомое посвистывание ледяного ветра.
- Ты со мной? — спросил Гаррет.
- Не знаю, — пробормотала она в ответ, качая головой. — Не могу потерять последний шанс узнать имя своего отца.
- Гаррет сунул руку в карман.
- Тогда что собираешься делать? Сдать меня, так, что ли?
- Айви попыталась его успокоить:
- Уверена, они смогут выяснить это и без моей помощи.
- Нет, — покачал головой Гаррет. — Так не пойдет. Ты или с нами, или... Так как?
- Не знаю.

Он достал пистолет.

— Ты что?!

— Прости. Мне правда страшно не хочется этого.

— Гаррет... Прошу тебя!..

— Я поставил на кон все! — крикнул он. — Потерял из-за этого родного брата. И теперь ты говоришь, что для тебя важнее не потерять отца, которого ты никогда в жизни не видела?

— Это нечестно! — воскликнула она. — Сам знаешь, сколь многим я пожертвовала, чтобы узнать правду.

— Мы все жертвуем, — заметил Гаррет. — Тем или другим.

И спустил курок. Но пистолет дал осечку.

Айви развернулась и бросилась бежать. Единственным путем к спасению казалась ей лестница, тянущаяся параллельно буровой вышке. Она торопливо начала карабкаться наверх, Гаррет последовал за ней.

— Погоди!

Девушка посмотрела вниз. Гаррет остановился на полпути.

— Что, если я скажу, кто твой отец? Я знаю!

Она едва не свалилась с лестницы.

— Врешь!

— Нет. Я подслушал разговор Штульгерра с одним человеком, еще в Нью-Йорке.

— Я тебе не верю!

Гаррет начал медленно подниматься к ней.

— Мне следовало сказать тебе раньше, но я... Просто не был уверен, как будут складываться наши отношения.

— Не смей ко мне приближаться! — крикнула Айви, и глаза ее наполнились слезами.

Он продолжал лезть вверх.

— Просто дай мне еще один шанс. Это нам обоим только пойдет на пользу!

— Я сказала, не смей ко мне приближаться!

Гаррет остановился всего в нескольких ступеньках от нее.

— Пожалуйста... Неужели и вправду думаешь, что я тебе лгу?

— Да минуту назад ты хотел меня пристрелить!

— Сама меня спровоцировала, — спокойно заметил он. — А я-то всегда думал, ты мне доверяешь.

Айви крепко вцепилась в верхнюю металлическую перекладину лестницы. Она чувствовала, как башня слегка покачивается из стороны в сторону, точно высокое стройное дерево на ветру.

— Я поверю в тебя снова, — начала она, — как только выберусь отсюда живой и невредимой.

Лицо Гаррета исказила гримаса, рот оскалился в злобной волчьей улыбке.

— Тогда позволь помочь тебе, — сказал он. И снова стал подниматься, протянув к ней руку.

Айви вскрикнула, когда Гаррет вцепился в нее мертвой хваткой, потянул к себе изо всех сил. Она была не в силах сопротивляться, с ужасом чувствовала, как рука — ее якорь и спасение — соскальзывает с перекладины. В последней отчаянной попытке остановить его она резко дрыгнула ногой. Удар носком ботинка пришелся Гаррету прямо в подбородок.

Казалось, что тот завис в воздухе, и на какую-то долю секунды лицо его обрело выражение полного недоумения. Девушка молча и с ужасом наблюдала за тем, как тело несколько раз перевернулось и упало на торчащую вверх трубу, которая пронзила его насеквоздь прямо посередине.

Вся дрожа, она спустилась с лестницы. Дотронулась до изуродованного тела, и по щекам побежали слезы. Все время пребывания в «Черных Фемах» он был ее лучшим другом — и вот теперь ушел.

Айви отерла слезы, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Рано или поздно кто-нибудь неизменно заглянет сюда и увидит эту неприглядную картину. Тело надо спрятать, и быстро. К счастью, под рукой находилась вполне подходящая могила.

Она уселась в буровую кабинку, включила мотор. Конечно, шум услышат, но с учетом того, что происходит сейчас на базе, вряд ли это вызовет особый интерес. А когда кто-нибудь наконец придет, черное дело будет сделано. Девушка потянула за рукоятку управления буром и начала вытягивать его из толщи льда. И вот на месте, где только что был бур, открылась глубокая яма, достаточно широкая, чтобы приютить тело человека, бывшего ее любовника, предателя с золотым сердцем — Гаррета Дейрола.

Закончив похороны, Айви поспешила удалиться незамеченной. Добравшись до главной базы, она вошла и увидела, что повсюду снуют члены «Черных Фем». Командир закрыл ноутбук и поднялся ей навстречу.

— Гаррет везде тебя ищет, — сказал он.

— Правда? А я его нигде не видела. Мы договаривались встретиться здесь.

Командир окинул ее испытующим взглядом и поманил к себе.

— У тебя все в порядке?

— Все замечательно, — ответила девушка. По дороге сюда она прикидывала, стоит ли говорить командиру о том, что произошло с Гарретом, но потом решила, что не надо. Не тот момент, чтобы испытывать его лояльность. — Я же сказала. Нигде его не видела.

Командир устало откинулся на спинку стула, затем резко сменил тему.

— Хочу, чтобы ты проследила за тем, какую информацию можно выкачать из наших пленных, — сказал он. — Помнишь, что мы с тобой обсуждали чуть раньше?

— Да.

— Вот и хорошо. Они в комнате номер три.

— Ясно, — ответила Айви и нервно заложила пряди волос за уши.

Она сама до конца не понимала, что испытывает сейчас — чувство вины или всепоглощающий страх. Возможно, и то, и другое одновременно. Если тело Гаррета вдруг обнаружат, ей придется сознаться во всем. И вне зависимости от того, какая из противоборствующих сторон займет к тому времени верх, она ненадолго переживет своего любовника.

Командир снова вернулся к работе с ноутбуком, предоставив Айви выполнять задание. Она нашла комнату под номером три, где содержались пленные, набрала код на дверной панели и вошла, не зная, что за картина предстанет перед ее глазами. Надо сказать, картина вызвала немалое удивление. Все трое — Август, Эйприл и Чарли — сидели за небольшим круглым столом и громко смеялись, видимо, над какой-то только что произнесенной шуткой.

— Извините за вторжение, — сказала Айви, — но нам с вами предстоит проделать кое-какую работу.

Смех тотчас стих.

— А мы-то думали, к нам пришел мальчик, доставщик пиццы, — разочарованно протянул Август. — Господи, как же мы заблуждались!

Айви затворила за собой дверь.

— Нам нужна ваша помощь, — сказала она. — Полагаю, всем вам известно, что у нас имеются карта

и книга. Но мы до сих пор не разобрались, как они связаны между собой. Кливленд заставил «Фемы» поверить, что знает ответ на этот вопрос. Но один из наших оперативников узнал, что это не так.

— Короче говоря, тут вы беспомощны, — заключил Август.

— «Черные Фемы» никогда нельзя было назвать беспомощными, — парировала Айви. — Нас просто дезинформировали.

— А с чего это вы взяли, что они должны быть как-то связаны между собой? — спросила Эйприл.

— Чтобы ответить на этот вопрос, придется поведать всю историю моих взаимоотношений с «Черными Фемами», — сказала Айви. — А у нас просто нет на это времени. Поэтому придется вам поверить мне на слово. И полностью во всем довериться.

— Ну, не знаю, разумно ли это, — протянул Август.

— Не верите мне, тогда придется поверить Гитлеру. В его дневнике подтверждается связь между «Евангелием» и картой.

Август, Эйприл и Чарли на миг лишились дара речи. Тут в дверь постучали. Айви открыла.

— Вас ждут в конференц-зале, — сообщил охранник. Айви обернулась к своим пленным.

— Вы его слышали, — сказала она. — Так что идемте. Никакого давления на вас оказываться не будет. Но если вас постигнет неудача, последствия обещаю самые печальные.

— Спасибо за откровенность.

— Не хотелось этого говорить, — добавила Айви, — но, по моему личному глубокому убеждению, вы единственные на свете люди, которые могут расколоть этот крепкий орешек.

Глава сорок вторая

За дверью их встретили два вооруженных охранника, и вот вся группа двинулась по коридору в конференц-зал. В углу стояли складные стулья, к стене был придвинут длинный черный стол. А на нем два вполне ожидаемых предмета — нацистская карта и «Евангелие от Генриха Льва».

Август ломал голову над тем, где сейчас могут находиться отец и Алекс. Вполне возможно, что они были на борту того второго самолета, что взорвался в Ушуая, и погибли в огне. Или же они вовлечены в заговор «Черных Фем» и ждут удобного момента, чтобы раскрыть истинные намерения. Еще одна тайна из многих, но Август твердо вознамерился разгадать и ее.

Охранники заняли пост у дверей, Август, Эйприл и Чарли подошли к столу.

— Ну, с чего начнем?

— Думаю, с карты, — ответил Чарли.

— Это почему? — спросил Август сына. Хоть и знал, что у Чарли острый глаз, примечающий все мелочи и детали, и что он наделен даром отыскивать потайные ключи и знаки.

— Просто карты — это круто.

Август призадумался.

— Ну а еще какие-то причины есть?

— Ага, — ответил мальчик. — Это ведь карта. А карты указывают направления. И исходя из этих направлений...

— Узнаем, куда двигаться дальше, — закончил за него Август. — Молодец, сынок, умница.

Чарли весь так и расплылся в улыбке.

И вот Август разложил перед собой карту.

— Как думаешь, откуда она? — спросил он Эйприл.

— Из атласа под названием «Сборник путешественника», — ответила она. — Да, кстати, забыла тебе сказать. Получается, что Берни тоже работал на «Черные Фемы».

— Этот жалкий хорек... — пробормотал Август, вспомнив, сколько раз они с Берни бешено торговались из-за какой-нибудь редкой книги.

Эйприл снова взглянула на карту.

— Ты только посмотри, — заметила она. — Тут два разных набора флагжков. Одни на флагштоках, другие — без.

— Что вы сказали? — спросила Айви и тоже подошла к столу.

— С флагштоками и без них.

— Интересно... — протянула Айви. — Я много читала о флагах, которые нацисты расставляли на землях Антарктиды. Все они были с флагштоками.

— Это ключ! — воскликнул Чарли.

— Спасибо, маленький Шерлок, — улыбнулся сыну Август. — Ты прав. Вполне может быть ключом. Но вот что это означает?

— Может, флагжи без флагштоков и не флаги вовсе? — сказала Эйприл. — Может, они означают что-то другое?

Август пересчитал эти обозначения на карте.

— Три флага на флагштоках, их мы пока что отбросим, и ровно тринадцать без флагштоков.

— Это половина алфавита, — сказал Чарли.

— Да... Но возможно, имелось в виду нечто совсем другое.

— Так, дайте-ка подумать... Тринадцать — несчастливое число.

— Да, но и это, похоже, ничего нам не дает...

— Тогда это... это...

Август похлопал сына по плечу.

— Ты просто подумай над этим минуту-другую. А я попробую рассмотреть другие версии. Договорились?

Чарли был целиком погружен в какие-то свои мысли, взгляд его стал пустым, отсутствующим.

— Эй, приятель, ты меня слышишь? — спросил Август и помахал рукой перед лицом Чарли.

— Оставь его в покое, — сказала Эйприл. — Видела его в таком состоянии и прежде. Случается, когда он играет в видеоигры.

— Видеоигры? А я думал, ты не разрешаешь ему.

— Только по тридцать минут в день. И только когда он это заработает.

— С чем тебя и поздравляю, — проворчал Август. — Вот уж не думал, что у вас до этого дойдет!

— Считаешь, что это вредит его интеллекту?

— Нет, думаю, что это развивает наблюдательность и координацию зрения.

— Смотрю, ты всем всегда недоволен.

— Да, почти всем, — усмехнулся в ответ Август. — Ладно, проехали. Сосредоточьтесь! Какие еще здесь есть возможности? Тринадцать флагжков могут представлять... что?

И тут вдруг Чарли вышел из ступора.

— Мама только что говорила!

— Говорила что?

— Что эти флагжки должны означать нечто совсем другое. Что, если так? Что, если они вообще никак не связаны с картой? Отмечают что-то вне ее?..

— Вне ее?

Чарли придвинул карту к «Евангелию от Генриха Льва».

— Флагжки могут отмечать какие-то места в книге!

— То-то мне с самого начала показалось, карта какая-то маленькая, — заметила Эйприл.

Чарли усмехнулся:

— А мне показалось, что книга большая!

Август обернулся к Айви, протянул руку.

— Бумага? Карандаш?

— Сами возьмете, — сказала она и указала на небольшой шкафчик в углу. — Только бумага и карандаши — как-то немного старомодно, вам не кажется?

— Зато работают, когда случается энергетический коллапс, — заметил Август.

— Да, с этим не поспоришь, — кивнула Айви.

Август разделил лист бумаги на несколько колонок.

— Давай, Эйприл, начнем с запада. Будешь диктовать мне координаты каждого флагка.

— Почему именно с запада?

— Ну, как в чтении, слева направо, — пояснил он. — Может, и не сработает, но с чего-то надо начать.

И вот Эйприл стала водить по карте пальцами по точкам, где были расположены флагки, и называть, на какой широте и долготе расположен каждый из них, — по краям карты в раме была приведена система координат.

— Ну, все правильно записал? — спросила она.

Август вслуш прочел ей написанное.

— Да, все верно. И что теперь?

— Теперь мы попробуем найти какое-то применение этим координатам в книге. — Август подбежал к шкафчику, достал ножницы.

— Вы что же, собираетесь резать «Евангелие от Генриха Льва»? — удивленно спросила Айви.

— Нет. А вот карту разрежу.

— Ты не должен этого делать, — сказал Чарли.

— Знаю, это бесценная карта. Но это также бесценная нацистская карта, так что расстраиваться нечего.

Айви взглянула на охранников, в этой ситуации они чувствовали себя явно неуверенно.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете. В противном случае меня ждут большие неприятности.

— Знаю, — кивнул Август, и ножницы врезались в карту.

Он вырезал из нее прямоугольник, отделив рамку с маркерами координат от изображения Антарктиды внутри.

Эйприл с недоумением наблюдала за его действиями.

— Допустим, сама идея верна — пока что трудно понять, так это или нет. Но к каким именно страницам применимы эти координаты? И на что они должны указывать.

— Сейчас проверим, — ответил Август. И стал переворачивать страницы книги, пока не добрался до миниатюры, известной под названием «Бичевание Христа». — Это единственное в книге место, где изображено Копье Судьбы. Если координаты помогут получить какую-то информацию, значит, должны сработать и в других местах книги. — Он наложил раму с координатами на иллюстрацию и протянул Эйприл письменные принадлежности. — Я буду называть координаты вслух, а ты записывай, чему они соответствуют на этой странице.

— Поняла.

Он отчетливо и громко произносил каждый набор цифр, начав с самого западного флагка и постепенно продвигаясь на восток.

Эйприл нахмурилась:

— У меня две новости. Хорошая и плохая.

— Не понял?..

— Сначала дай мне все остальные координаты. До конца. Потом скажу.

Август закончил диктовать, последние несколько цифр выпали так нетерпеливо и быстро, что Эйприл едва успела записать.

— Ну, что там у тебя получилось? — спросил он.

Она протянула ему список из тринадцати букв: «uysykqmqprjza».

— Сперва я обрадовалась, — начала объяснять Эйприл, — потому что каждая продиктованная тобой координата идеально соответствовала букве на странице. Но чем больше букв записывала, тем быстрее впадала в недоумение. Это ведь вообще ни на что не похоже, ты согласен?

Август внимательно смотрел на набор букв.

— Понимаю, что ты имеешь в виду. Словно взяты наугад.

— Да, просто каша какая-то, — протянул Чарли, заглядывая отцу через плечо.

Тот нервно забарабанил пальцами по столу.

— О-о, — протянула Эйприл. — Он думает!

— И все же в этом что-то есть, — произнес Август и заходил кругами по комнате. — Чарли прав. Это каша. Совершенно бессмысленная каша. — Он прищелкнул пальцами. — Возможно, слишком, нарочито бессмысленная.

— Это шифр! — воскликнула Эйприл.

Август схватил листок с загадочными буквами, показал его Айви.

— Было нечто подобное в дневнике Гитлера?

— Нет. Там все было написано по-немецки, четко и ясно.

— Ну а какой-нибудь информации о дешифровке... шифровальных роторов, чего-то в этом роде там не было?

— Дешифровального ротора?..

— Прошу вас, вспомните, подумайте хорошенько! Может, там был список кодов?

— Вообще-то теперь... когда вы это сказали. Погодите минутку! — И Айви выбежала из комнаты. Вернулась через несколько минут с ноутбуком в руках.

— Думал, вы вернетесь с пистолетом.

— Как видите, пока вам везет, — пробормотала Айви, включила компьютер и развернула его монитором к присутствующим. — На внутренней стороне обложки дневника Гитлера мы нашли список установок.

— Установок? — удивился Август. — Для чего?

— Для роторов машины «Энигма».

Август кивнул с таким видом, точно ему сразу все стало ясно.

— А что такое машина «Энигма»? — с любопытством спросил Чарли.

— Специальный шифровальный прибор, который использовали фашисты, — объяснил отец. — В нем задействована целая серия вращающихся роторов для шифровки и дешифровки сообщений. И отправитель, и получатель каждого конкретного сообщения должен был знать точную установку роторов в машине, иначе в результате могла получиться полная ерунда. Машина работала весьма эффективно вплоть до той поры, пока британские разведчики-декодеры из Блетчли-Парк¹ не взломали их коды и не раскрыли секрет действия «Энигмы».

— Хочу стать декодером, — заявил Чарли.

¹ Б л е т ч л и - П а р к (известен также под названием «Станция X») — дешифровальный центр британской разведки, во время Второй мировой войны располагался в городке Блетчли в Бакингемшире, к северу от Лондона. Теперь там музей, открытый для свободного посещения.

— У тебя есть шанс стать им прямо сейчас, — сказал Август.

— Правда? Круто!

Айви между тем продолжила:

— В свое время «Энigma» была страшно засекреченным устройством. Но в наши дни существуют десятки аналогичных компьютерных программ, которые можно использовать с двойной отдачей.

— У вас есть?

— Теперь есть одна. Только что загрузила.

— У вас есть Интернет? — чуть ли не с благоговением спросил Чарли.

— Ты хоть имеешь представление, сколько часов я потратила, просматривая «Ю-Тьюб»?¹ — С этими словами Айви запустила в компьютере программу, предварительно убедившись, что все установки введены правильно. — Так, хорошо... Готова вводить данные.

Август начал считывать буквы с листка, Айви быстро напечатала.

— Да, — пробормотала она. — Ничего хорошего.

— Что, не получилось?

— Даже приблизительно, — ответила она. — Если, конечно, не считать Znvpxngesxgas словом.

— А мне кажется, это имя покемона, — сказал Чарли. — Но я могу и ошибаться.

— Даже если ты и прав, это нам все равно не поможет.

— Конечно. Если бы то было имя покемона пояпонски, тогда пришлось бы читать с конца.

¹ «Ю - Т ю б» (YouTube) — интернет-сервис, предоставляющий услуги хостинга любительского видео. Пользователи могут добавлять, просматривать и комментировать те или иные видеозаписи.

— С конца! — воскликнул Август и обнял сына. — Вот оно! Я предложил читать координаты с запада на восток. Но возможно, они читали с другой стороны. Вот что, попробуйте напечатать следующее: A-Z-J-R-P-Q-M-Q-K-Y-S-Y-U.

Айви набрала буквы и ввела информацию в программу «Энигма».

— Ого! — возбужденно воскликнула она. — А что, очень даже может быть.

Все столпились возле ноутбука. На экране высветились два слова: «BERLIN GERMANY».

— Получилось, пап! — воскликнул Чарли. — Я помог разгадать загадку!

Август торжественно пожал ему руку.

— Отлично сделано, парень. Но впереди еще море работы. Надо выяснить, что означают другие коды в «Евангелии от Генриха Льва».

И они принялись обрабатывать каждую из миниатюр тем же способом и получили еще четыре кода:

1. «Посвящение» дало код IHYQZJRJVGKKUC.
2. «Благовещение» — HIWSBQLOIFSYS.
3. «Воскрешение Лазаря» — XAKGMOFKMVBYC.
4. «Коронация» — THVTPQMWMWZKHCC.

— Так, давайте теперь введем эти коды в дешифровальную машину и посмотрим, что у нас получится.

И вот вскоре все радостно и удивленно взирали на результаты.

Первый код: IHYQZJRJVGKKUC

Расшифровка — CALCUTTA INDIA

Второй код: HIWSBQLOIFSYS

Расшифровка — LONDON ENGLAND

Третий код: XAKGMOFKMVBYC

Расшифровка — SHANGHAI CHINA

Четвертый код: THVTPQMWMWZKHCC

Расшифровка — WASHINGTON USA

— Ну вот, вроде бы все, — сказала Эйприл, прошматривая записи.

— Гм... Калькутта, Лондон, Шанхай, Вашингтон, целый список городов, — задумчиво протянул Август. — Причем во времена Гитлера это были весьма значимые места. Но я не понимаю, какая тут связь с Антарктидой. Может, «Черные Фемы» ошибаются? И Копье Судьбы спрятано не здесь, а в одном из этих городов?

Айви отрицательно помотала головой:

— Нет. Я читала дневники и заметки людей, которые видели его. Копье здесь, в Антарктиде, в том нет ни малейших сомнений. Просто мы не знаем, где именно.

— А глобус у вас есть? — спросила Эйприл.

— В библиотеке. Зачем он вам?

— Просто появилась одна идея.

— Подождите. — Айви поспешила вышла и вскоре вернулась с таким знакомым голубым шаром.

— Если не возражаете... — Эйприл взяла у нее глобус. — Скажите, а у вас нет прозрачного скотча?

— У нас все есть, — ответила она и достала из ящика шкафчика целый рулон прозрачной липкой ленты. — Поставки производятся нечасто, так что мы стараемся запастись всем.

Эйприл взяла рулон и оторвала от него несколько длинных полос, затем прилепила их на край стола.

— Просто мне вдруг пришло в голову, как эти города могут быть связаны с Антарктидой, — пояснила она. Взяла полоску ленты и прилепила одним концом к тому месту, где на глобусе обозначался Берлин. Потом опоясала остатком ленты глобус в соответствии с показателями долготы. Затем проделала ту же операцию со всеми остальными городами, и весь глобус оказался в паутине прозрачных лент.

— Что это? — спросил Чарли.

Эйприл повернула глобус, и все увидели, что все пять отрезков липкой ленты накладываются друг на друга в одной точке — прямо над белыми равнинами Антарктиды.

Глава сорок третья

Утреннее солнце окружал бледно-золотистый нимб, образованный повисшими в воздухе кристалликами льда. Ложные солнца впились в края этого нимба, точно дикие звери, пытающиеся порвать небо пополам. Это зловещий знак, Август знал. И хотя никогда не считал себя, да и не был, человеком суеверным, постарался поскорее забыть о тревожном предзнаменовании.

— Полезай, — сказал охранник, предварительно связав ему руки.

Август вскарабкался на заднее сиденье прицепа мощного вездехода на гусеничном ходу — такие здесь использовались в основном для поездок на дальние расстояния. И уселся рядом с Чарли и Эйприл. Они не виделись несколько часов, и он был счастлив снова оказаться вместе со своими близкими, пусть даже обстоятельства встречи далеки от идеальных.

— Поспали немного?

— Нет, — ответила Эйприл. — А ты?

— Нет.

— И я тоже не спал, — сказал Чарли.

Вездеход рывком двинулся вперед, они отъехали от базы. Август поглядел в заднее окно и увидел еще четыре точно такие же машины, они двигались следом. Возможно, подумал он, в одной из них находится отец — если, конечно, еще жив. В колонне шли и другие транспортные средства, в основном снегохо-

ды, несколько десятков. Самых разных моделей — и «Нодвеллы», и «Спрайты», и «Дельты», и все были битком набиты оборудованием, бойцами и еще бог знает кем и чем. Наверное, сверху, с неба, вся эта флотилия напоминает движущийся город, спешащий поскорее убраться с прежнего места.

— Поразительно, — пробормотал Август. — Нам забыли залепить рты скотчем.

Они оказались одни в кабине, которая тащилась на прицепе следом за широким приземистым вездеходом, точно волчонок, вцепившийся в хвост матери-волчицы.

— Они не боятся, что мы ударимся в бега, — заметил Август, видя, что дверцы не заперты.

— А куда нам бежать? — откликнулась Эйприл. — Тут же на тысячи миль вокруг ни души. Сплошная белизна и льды, льды. Никогда прежде не видела ничего подобного.

— Остается надеяться, что никто из нас больше этого не увидит, — сказал Август. И заметил, как помрачнела Эйприл. — О чём это ты задумалась?

Она безрадостно усмехнулась:

— Об Алексе.

— Алексе? А тебе не кажется, что он может стоять за всем этим?

— Мне думалось, ты отказался от этой идеи в библиотеке Моргана.

— Отказался. А потом, — он выразительно встряхнул связанными в запястьях руками, — произошло вот это.

— Ну а твой отец?

— Вполне возможно, он ни в чем не виновен.

— Но ведь это он похитил Чарли!

— Мы этого не знаем.

Эйприл обернулась к сыну.

— Скажи, дедушка тебя похитил, да?
 — Не уверен, — пробормотал в ответ сын.
 — Но ведь ты был с ним, верно?
 — Перестань, — сказал Август. — Парень не знает, это же очевидно.

— С чего это ты вдруг стал защищать человека, с которым не разговаривал лет двадцать, а?

— Да просто потому, что он мой отец, — ответил Август. — Почему ты защищаешь Алекса?

— Потому, что я ним помолвлена, или забыл?

Август собирался что-то ответить, но тут заметил слезы на глазах Чарли.

— Извини, — тихо пробормотал он.

И вот всю оставшуюся часть пути он сидел молча, слушая тарахтение вездехода, который увлекал их все дальше и дальше в неизвестность. База Ньюмайера превратилась в крошечную точку на горизонте, потом и вовсе исчезла из вида. Шли часы, Август не переставал думать, сколько им еще ехать. Он не замечал ни единой приметы — кругом на мили тянулось ровное заледеневшее пространство.

— Мы что, еще не доехали? — спросил Чарли.

И тут, словно по волшебству, ведущий вездеход затормозил.

Чарли посмотрел в окно.

— Ничего не вижу, — сказал он. — Почему мы остановились?

— Насколько я понял, — сказал Август, — Гитлер разместил свой банковский сейф подо льдом. Наверное, именно поэтому они и захватили с собой все это бурильное оборудование.

— Неужели не могли нам сказать, что происходит? — заметила Эйприл.

— Думаю, мы не входим в их первый круг приближенных.

Задняя дверца прицепа отворилась.

— Пошли! За мной! — скомандовал охранник.

И вот Август, Эйприл и Чарли шагнули на лед, под пронизывающий и завывающий ветер Антарктиды. Снег и иней, срываемый со льда, кружили вокруг, точно столбы сверкающего торнадо. В такую чудовищную погоду им было трудно поспевать за охранником, который повел их к основной транспортной колонне.

Они забрались в один из вездеходов и увидели там Айви. Девушка приподняла руку, давая понять «подождите секунду», и закончила вводить какую-то информацию в ноутбук.

— Ну что, мы попали в правильное место? — спросил Август.

— Надеюсь, что так, — ответила она. — Я перевела всю информацию, полученную нами на базе, в компьютерную модель 3D. Получила более точные данные по местоположению, и вот теперь мы здесь.

— И что же дальше?

— Пока что мы прикидываем, как попасть в хранилище, — ответила Айви. — В данный момент я собираю сейсмографические и гидролокационные данные о месте, которое находится прямо под нами. Скоро узнаем, на правильном ли мы пути.

— А что, если мы ошиблись?

— Не стоит задавать такие вопросы, — ответила Айви.

В дверь постучали. Вошел охранник с целой пачкой каких-то бумаг.

— Вы не поверите, мисс Сегур, — сказал он.

Айви забрала у него бумаги, начала быстро пролистывать их.

— Ты уверен, что все правильно? — спросила она.

— Мы дважды прогнали всю информацию через компьютер, так что ошибки быть не может.

Сердце у Августа екнуло. Дурные предчувствия оправдались. Под ними ничего, кроме льда. Тайник? Спрятанная нацистами реликвия? Все это сказки. Миф. И теперь во всем обвинят его. Но это будет не простая ошибка. Фатальная.

Он посмотрел на Эйприл и Чарли.

— Вы уж простите, ребята. Я и сам начал верить во все это. Действительно думал, что там может что-то быть. Но...

— Август?

Айви стояла прямо перед ним.

Он медленно поднял голову, встретился с ней взглядом.

— Знаю, что вы собираетесь сказать. Стыд мне и позор.

— Позор? Это почему?

— За то, что наговорил всю эту ерунду о машине «Энигма», о зашифрованных названиях городов и... Я мог бы продолжить, но все это теперь уже не имеет значения.

— Вы правы, — сказала она. — Теперь это никакого значения не имеет. Потому как мы нашли его.

— Простите?..

Айви протянула ему пачку бумаг.

— Не знаю, имеют ли для вас значение все эти данные, но подледный тайник просто огромен. Гораздо больше, чем мы могли себе представить. И — в том нет ни малейшего сомнения — сотворен руками человека.

— Так он существует?

— Да, существует. Но это вовсе не означает, что то, за чем мы пришли, находится там.

Тут вмешался охранник:

— Прошу прощения, мисс Сегур. Но на ваш ноутбук только что поступили данные сканирования подледного помещения.

— Спасибо. — Она защелкала клавишами, и через несколько секунд на мониторе возникло изображение. — Какой-нибудь из этих вертикальных туннелей открыт? — спросила она охранника.

— Командир считает, что туннель под номером три может обеспечить доступ, — ответил он. — Остальные, судя по всему, разрушены.

— Ну а боковой вход?

— Боковой вход? — вмешался в разговор Август.

— Мы находимся на вершине широкого хребта. А потому предположили, что где-то здесь, сбоку, должен находиться еще один вход, достаточно широкий, чтобы в хранилище можно было провезти громоздкое оборудование. И похоже, оказались правы.

— Тогда через него пробраться внутрь удобнее, чем через эти вертикальные туннели.

— Не совсем. Боковой вход забит льдом.

— Это ненадолго, — вмешался охранник. — Мы уже послали один вертолет обследовать его. Если понадобится, можно произвести серию взрывов и расчистить проход.

— Но тогда от взрывов может обрушиться и само хранилище, разве не так? — заметила Айви.

— Нет. Взрывы будут производиться только направленные.

— И все же...

— Обсудите это с командиром, мисс Сегур.

— Не стоит, пожалуй, — ответила она. И встала. Надела защитный костюм и шлем, направилась к вы-

ходу из вездехода. — Вы, Август, и вся ваша семья пойдете со мной.

— Куда пойдем? — спросил Август.

— А вы как думаете? — улыбнулась она. — Мы собираемся войти в хранилище.

Глава сорок четвертая

Кливленд протер запотевшее стекло в окне вертолета и стал наблюдать за тем, как бойцы «Черных Фем» бурят дыры в ледяной стене, что высилась перед ними. Каждую из пробуренных полостей заполняли взрывчаткой с проводками, чтобы затем привести в действие с помощью пульта дистанционного управления.

Кливленд обернулся к Алексу Пирсону, тот сидел напротив.

— Если повезет, сами подорвутся. И прямиком отправятся в ад. Туда им и дорога.

Алекс покачал головой:

— В аду их не примут.

Двое вооруженных охранников, похоже, не собирались комментировать эти высказывания. Один из них даже одобрительно усмехнулся.

Кливленд подергал шнур, связывающий ему запястья.

— Просто не верится, что они так долго сохраняют нам жизнь.

— Оставьте свои благодарности при себе. Они приберегают нас на закуску, для главного шоу, — заметил Алекс и тоже начал разглядывать свои «оковы».

Кливленд догадывался, что на этом «главном шоу» им обоим будет совсем невесело.

— Наверное, и Штульгерр будет присутствовать?

— Полагаю, что да.

— Странно, — задумчиво протянул Кливленд. — Я почему-то был уверен, что Штульгерр — это вы.

— И я думал про вас то же самое, — откликнулся Алекс. — И разумеется, вы не столь далеки от истины в оценке меня.

Еще в Германии Кливленд слышал разговоры на тему того, что в ряды «Черных Фем» просочился предатель.

— Это вы собирались устроить переворот?

— Смена лидерства просто необходима. Прежние «Фемы» таились во тьме. А мир должен видеть, как мы могущественны.

— Но не думали же вы, что это произойдет по вашей воле?

— Почему? Есть и другие люди. — Алекс рассеянно смотрел в окно. — Но большинство из них уничтожены в Ушуая.

Кливленд кивнул:

— Да. При взрыве самолета.

— Именно. И лично мне кажется, что они приберегли меня для более зрелищной экзекуции.

— Тогда считайте это особой привилегией. Подумайте, столько внимания... и исключительно для вас!

Алекс усмехнулся:

— У вас всегда было какое-то демонически мрачное чувство юмора.

— Это не юмор... нервы, — сказал Кливленд. — Да, мне страшно, причем я опасаюсь не только за свою жизнь. Неизвестно, что они сделали с Августом, Эйприл и Чарли.

— На базе я видел их. Правда, издали.

— Живыми, надеюсь?

— Да. Но выглядели они скверно.

Кливленд гневно топнул ногой. Охранник тут же прикрикнул на него.

— Это я во всем виноват. Не следовало втягивать их в эту историю.

— Но ведь у вас, судя по всему, просто не было выбора.

— Выбор был. Я мог отдать «Черным Фемам» то, чего они так жаждали.

— И я мог сделать то же самое. Был исполнительным солдатом. Плыть вместе с остальными по течению. Но не получилось. И знаете почему, Кливленд? Просто мы оба с вами лучше их!

— Или значительно глупее...

— Как там сказано у Оскара Уайльда? Самые глупые в жизни поступки человек совершает из самых благородных побуждений.

Кливленд кивнул:

— Это верно. Но уж если речь зашла о благородстве, позвольте поставить под сомнение ваше. Август сказал мне, что вы с Эйприл недавно решили пожениться...

— Да.

— Вы действительно собираетесь на ней жениться?

— Да.

— А существование «Черных Фем» в вашей жизни будете держать в тайне?

— Возможно. А может, и нет. Поживем — увидим.

— Ах вот как? Поживем — увидим?! — воскликнул Кливленд. И подавил смешок, который сразу перешел в кашель. — Ну и что же вы скажете ей, вернувшись домой в черном плаще и с разбитым в кровь носом?

— Что за стереотипы! «Черные Фемы» проделали долгий путь со времен императора Барбароссы.

— Ах да, конечно, вы правы. Они уже совсем не те убийцы, какими были несколько столетий назад! — Кливленд возмущенно воздел связанные руки.

По лицу Алекса невозможно было понять, согласен он с собеседником или нет.

— Знаете, — заговорил он, — если мой план сработает, я вас пощажу. Сохраню вам жизнь.

— Рад это слышать.

— Впрочем, теперь это не самое главное.

— Нет. Но само намерение. Оно тоже дорогое стоит.

— Разве?

— Нет. — Кливленд отрицательно покачал головой. — Ни черта оно не стоит!

Дверь вертолета отворилась.

— Через минуту начинается отсчет! — прокричал охранник. С грохотом захлопнул дверцу и бегом помчался в укрытие.

— Думаю, надо за что-нибудь ухватиться, — сказал Алекс.

Двое охранников не выпускали из рук автоматов. Кливленд ухватился за сиденье. Они с Алексом обменялись многозначительными взглядами. Несколько секунд стояла мертвая тишина.

А потом...

Грянул оглушительный взрыв. Вертолет затрясло, словно игрушку в руках рассерженного ребенка. Огромные куски льда били его по корпусу. Одно из стекол разлетелось вдребезги. Охранники сорвались со своих мест, попадали на пол.

— Не позволяй им встать! — крикнул Алекс. И хотя руки у него оставались связанными, буквально приковал одного из бойцов к полу, навалившись сверху всем своим весом.

Кливленд сполз со своего сиденья, прижался спиной к другому охраннику.

— Что теперь?

— Просто держи его, и все!

Охранники вертелись и ворочались под ними, пытаясь высвободиться. Кливленду казалось, что он придерживает живую и очень агрессивную акулу.

И тут один из бойцов «Черных Фем» рывком распахнул дверь вертолета.

— А ну встать! Живо! — Он шагнул в кабину и ухватил Алекса за воротник, приподнял и швырнулся его на сиденье. Затем настал черед Кливленда — тот поспешил занять свое место прежде, чем к нему применят силу.

Двоих охранников медленно поднялись с пола. Лица у обоих в крови, на лбу и щеках поблескивают крохотные осколки стекла.

— Всех вас поубиваю к чертовой матери! — злобно прошипел один из них.

— Прибереги свое рвение до суда, — заметил их спаситель. — Взрыв оказался успешным, мы расчистили путь. Скоро пойдем.

Кливленд выглянул из вертолета. В воздухе еще кружили густые клубы черного дыма, но ветер постепенно относил их в сторону, и ему удалось разглядеть гигантские металлические двери в ледяной горе. Над входом была выведена свастика, причем красная краска казалась совсем свежей, точно ее только что нанесли.

— Так оно настоящее, — прошептал Алекс. — Хранилище Гитлера настоящее...

— А ты сомневался?

— Конечно, сомневался. Только любопытство смогло завести меня столь далеко. И вот теперь... легенда оказалась правдой. — Алекс вздохнул. — И от этого становится особенно грустно, потому как я не смогу в должной мере насладиться найденными сокровищами.

— Вот тут я с тобой согласен. Да, боюсь, старина Штульгерр не из тех, кто любит делиться с другими. Особенно с теми, кто его предал.

— А ты знаешь, кто он?

— Штульгерр? — Кливленд нахмурился. — Нет, не знаю.

Но этот ответ, похоже, не убедил Алекса.

— Знаешь или нет? — повторил он вопрос.

Кливленд вздохнул и после паузы ответил, причем в голосе его слышалось сожаление:

— Может, и знаю.

Тут их стражи навострили ушки. И Кливленд внезапно понял, что и они знают о Штульгерре не намного больше, чем их пленные.

— Думаю, узнаем, причем очень скоро, — без особой радости заметил он.

Все вышли из вертолета. Кливленда подвели к небольшому вездеходу. Рядом с ним на сиденье разместился Алекс. Они покатили вперед и вскоре присоединились к основной колонне, продвигающейся ко входу в ледяное хранилище. Дорогу расчищали два мощных гусеничных вездехода, и все участники этого марша — кроме Алекса и Кливленда — были, похоже, счастливы.

Все остановились перед пробитым во льду туннелем.

— Куда он ведет? — спросил один из бойцов «Черных Фем». И взмахом руки подозвал к себе товарища, чтобы тот принес ему распечатку карты.

— Пряником в брюхо зверя, — заметил Кливленд и тут же получил удар по спине прикладом.

Охранник, ударивший его, рассмеялся.

— Знай свое место, старый дурак!

Кливленд хотел что-то ответить, но голос его заглушил рев мотора.

Члены «Черных Фем» немедленно выстроились в линейку. Отовсюду доносился шепот:

— Штульгерр прибыл! Штульгерр здесь!

Все присутствующие напряглись и затихли. И вот после паузы дверца вертолета распахнулась. Вышел Штульгерр. Снег похрустывал под подошвами его сапог, в наступившей мертвой тишине этот звук казался особенно громким.

— Он тот, кто ты думал? — еле слышным шепотом спросил Алекс.

Сердце у Кливленда упало.

— К сожалению, да.

Глава сорок пятая

Колоссальных размеров бур на вершине хребта отчаянно вонзился в лед, издавая при этом звук, подобный жужжанию злобного гигантского комара, пребывающего в поисках свежей крови.

— Стоп! — крикнул бригадир. — Прекратить бурение!

Август с любопытством и страхом наблюдал за тем, как бур начал выползать из земли.

Бригадир подбежал к проделанному отверстию, заглянул в него.

— Дело сделано, — объявил он. — Можете послать команду разведчиков вниз.

— Это означает... нас, — сказала Айви. Ухватила Августа за рукав и повела к дыре. За ними под присмотром охранников последовали Эйприл и Чарли.

— Разве мы разведывательная команда? — спросил Август.

— Вы должны меня поблагодарить, — ответила Айви. — Они хотели перерезать вам глотки. И мне удалось уговорить их, убедить, что ваше участие —

прекрасный способ испытать надежность первого туннеля.

— То есть сделать нас подопытными кроликами.

— Можно и так сказать.

— Что ж, спасибо большое.

— Не за что, — ответила она и начала облачаться в специальный костюм.

С помощью своих людей бригадир стал опускать в отверстие кабель.

— Стоп! Хватит! — скомандовал он и обернулся к Айви. — Кто там пойдет первым? Вы?

— Нет. — Девушка указала на Августа. — Он.

— Спасибо за оказанную честь, — пробормотал тот.

— Ну, кто-то должен работать канарейкой в угольной шахте.

Охранники начали обвязывать трос Августа сбруей из ремней и веревок.

— Надо бы снять с него вот это, — заметил бригадир и кивком указал на связанные руки Августа.

— Нет уж, извините, — ответила Айви. — Я получила особую инструкцию на этот счет. Руки должны остаться связанными.

— А если с ним внизу что-нибудь случится?

— Давно хотела сделать на него ставку.

К сбруе прикрепили конец троса.

— Ну, полезай, — сказал бригадир.

Август подергал трос, затем начал потихоньку опускаться в дыру. На миг он почувствовал себя огромной наживкой.

— Ты там осторожней, — сказала Эйприл, а охранники тем временем начали надевать сбрую на нее.

— Ты, главное, не волнуйся, пап, — сказал Чарли, когда и его обвязали вокруг талии широким ко-

жаным ремнем. — Похоже, мы с мамой спустимся следом за тобой.

И вот голова Августа скрылась из вида. А затем начался довольно быстрый спуск. Сам он практически не мог управлять этим процессом, просто крепко держался за висевший перед лицом трос, а ноги использовал, чтобы отталкиваться от стен этого узкого колодца. Над головой, у входа в туннель, свистел ветер, звук этот отдавался в колодце унылым завыванием.

— Как там у тебя? Что видишь? — окликнула его Айви, она тоже готовилась к спуску.

Август глянул вниз, между ног.

— Ничего не вижу! — ответил он.

— Ну а сам туннель? Надежен?

По некоей непонятной причине — возможно, из чувства протеста — Август даже не рассматривал возможности, что туннель окажется ненадежен.

— Хочешь сказать, этот туннель может на меня обрушиться?

— Я не говорю, что обязательно обрушится, — ответила Айви. — Я только сказала, что может. Но если ты считаешь, что все в порядке, то я начинаю спускаться.

— Да, конечно. Давай полезай.

Трос продолжал медленно опускаться, Август все глубже погружался в дыру. Айви тоже находилась в шахте, а также Эйприл и Чарли. Следом за ними начали спуск два охранника, в целом получалось шесть человек, спеленатых, точно коконы. Их сапоги с рифлеными подошвами с противным скрипом и стуком отталкивались от ледяной цилиндрической поверхности, и Август не мог удержаться от мысли о том, что тем самым они выдают свое при-

существие кому-то или чему-то, что может ждать их внизу.

И вот наконец он достиг дна туннеля. Почти весь свет, что проникал сверху, теперь заслоняли другие спускающиеся, так что оценить обстановку хотя бы визуально было сложно. Он понимал лишь одно благодаря звукам: помещение было огромным. Август крикнул, прислушался — казалось, прошла целая вечность, прежде чем эхо от его голоса стихло во тьме.

— Что там у тебя? — спросила Айви.

— Да никого. Только я.

— В следующий раз кричи не так громко, понял?

И тут вдруг послышались звуки совсем другого рода — более громкие, низкие и грозно рокочущие.

— Это опять ты?

— Нет, — ответил Август, и ему вдруг стало жутко. — Что-то другое. Это было похоже на...

Тут металлические скрип и скрежет заставили его замолчать.

Сверху прозвенел голос Эйприл:

— Туннель рушится!

Август услышал эти ужасные слова как раз в тот момент, когда ступни его коснулись земли.

— Все сюда! Быстро! — крикнул он. И натянул трос, навалившись на него всем своим весом.

Затем прислушался — те же звуки. Туннель продолжал рушиться. А потом ушёй его достиг новый пронзительный звук — визг. Трос бешено задергался, и Август понял — сейчас вся эта масса льда обрушился на него.

— Нажми на кнопку «отпустить»! Она у тебя на груди, на панели! — крикнула ему Айви. И секунду спустя приземлилась рядом с Августом. Полезла в рюкзак, достала два осветительных патрона, зажгла.

Тут начала обваливаться часть туннеля — неровные куски камня, льда, какой-то мусор. Август прикрыл руками голову и успел отскочить в сторону — острый металлический прут пролетел, как стрела, и вонзился в землю прямо возле его ног. Он оглядел рушащийся туннель, и сердце у него упало. Эйприл и Чарли нигде видно не было.

— Они в порядке? — спросил он Айви.

— Не знаю, не уверена, — громко ответила она, стараясь перекричать грохот.

Тут один из осветительных патронов погас, и Айви зажгла новый. Как только помещение вновь наполнилось бледным сиянием, Август увидел Чарли. Мальчик соскользнул с потолка и приземлился рядом с ним.

— Где мама?

Чарли плакал. И поначалу не мог вымолвить ни слова. А затем еле слышно пробормотал:

— Она все еще там...

— Она... жива?

Чарли неуверенно пожал плечами.

Постепенно грохот стих, стало слышно лишь мягкое шуршание оседающей вниз пыли.

— Зажги еще один патрон, — попросил Август. Он хотел разглядеть, не застряла ли в туннеле над ними Эйприл.

— Это последний.

— Эйприл! — отчаянно закричал Август, и эхо от голоса вновь раскатом отдaloсь от стен.

Ничего. Полное молчание.

— Эйприл! — крикнул он снова.

— Может, ей просто не удалось...

— Нет, — твердо заметил Август. — Она жива. Эйприл!..

По стене ссыпались вниз мелкие камушки, от пыли все вокруг покрылось серой копотью. А затем, точно капля воды, соскальзывающая с серебристой паутины огромного паука, с потолка спустилась Эйприл.

Чарли радостно потряс руками. Август с облегчением выдохнул.

Она тяжело плюхнулась на землю, с головы до ног покрытая толстым слоем пыли и грязи. Волосы спутаны, одежда порвана, щеки расцарапаны в кровь.

— Выглядишь просто чудесно, — сказал Август и прикоснулся связанными руками к ее шее. А потом наклонился и поцеловал.

Эйприл удивленно округлила глаза.

— Извини... Я просто подумал... — Он осторожно отнял руки, отодвинулся, позволил Чарли подбежать к матери.

— Господи, — пробормотала Айви, подходя к ним. — Вечно вы опаздываете, не можете рассчитать время.

— Я опоздал на собственную свадьбу, — сказал Август, глядя на то, как Эйприл крепко прижимает к себе Чарли, а по щекам ее потоком катятся слезы. — Всего на несколько минут, но и этого было достаточно.

— Вечно вы, мужчины, озабочены своей значимостью.

И тут находившийся неподалеку последний патрон замигал, а потом погас. Все вокруг погрузилось в непроницаемую тьму.

Август не терял ни секунды. Он запомнил, в каком направлении от него находилась Айви, метнулся туда и врезался прямо в нее. Они упали на пол, и Август умудрился оказаться у нее за спиной. Наки-

нул на шею связанные руки и стал ее душить. Айви отчаянно боролась, но он продолжал удерживать ее.

— Что ты делаешь? — прохрипела она.

— Беру тебя в заложники, — ответил Август. — Нас ведь привели сюда убивать, верно?

— Да откуда мне знать? — сказала Айви. — Я все-го лишь выполняю приказы.

— Зачем?

— Есть на то причины.

— Плевать мне на твои причины! Мне нужно выбраться отсюда самому и вывести свою семью.

Небольшие осколки льда продолжали падать вокруг с легким шелестом и звоном, точно миллионы крошечных колокольчиков звонили в унисон.

— Отсюда выхода нет, — сказала Айви. — Был один-единственный, но теперь его завалило.

— Ну а другая команда? Она наверняка тоже пробивается сюда.

Айви усмехнулась:

— Ты вообще имеешь представление, сколько всего людей сюда послали? Скоро кругом будут кишеть члены «Черных Фем». Так что выбраться отсюда все равно не получится. По крайней мере живым.

Август немного ослабил хватку. Он понимал: Айви права.

И девушка не преминула воспользоваться своим шансом: резко ударила Августа острым локтем в живот. Тот застонал от боли, а она тут же выскоцила из-под него. И через долю секунды, набросившись на Августа, приставила нож к его горлу.

— Ну назови хоть одну причину, по которой я не должна прикончить тебя прямо сейчас!

И тут вдруг стены пещеры взорвались ослепительно ярким светом. Август впервые увидел, как огромно это пространство, оценил величие архитектуры.

И немедленно понял, что это такое, потому как видел нечто аналогичное раньше — сильно уменьшенную копию в библиотеке Моргана. Это был зал суда «Черных Фем», но только огромный, величественный, как Римский стадион, погруженный под землю. Гигантские каменные ступени тянулись вдоль стен, образуя ряды сидений, здесь свободно могли разместиться несколько тысяч человек. А в центре помещения на постаменте, укрепленном на стенах этого чудовищного собора, высилась позолоченная статуя Девы Марии, и взгляд ее был преисполнен печали по тем, над кем она должна вершить правосудие.

В арку, находящуюся в задней части помещения, шагнул человек со связанными руками. По бокам вышагивали двое вооруженных до зубов охранников.

— Я назову тебе причину, — сказал мужчина Айви. — Он твой брат.

— Отец? — неуверенным тоном произнес Август. Айви встала.

— Доктор Адамс?

— О чём речь? — продолжал недоумевать Август.

— Уж не знаю, радостным ли для вас сюрпризом будет эта новость, — заметил Кливленд, когда один из охранников подтолкнул его вперед. Все остальные бойцы «Черных Фем» выстроились вдоль стен, по периметру зала.

— Вы... мой отец? — недоверчиво спросила Айви. — И вы знали об этом и раньше, когда мы работали вместе?

— Нет, — ответил Кливленд. — Даже не предполагал, что такое возможно. Мне нужно все вам объяснить. Предупреждаю, Август, слышать это будет больно.

— Ничего, думаю, как-нибудь справлюсь, — ответил тот и ощупал то место на шее, которое едва не расположовала ножом сестра.

Охранник проверил, надежно ли связаны руки у Кливленда, затем отступил и застыл с оружием на готове. Похоже, ему было безразлично, о чем говорят эти люди. И Август догадывался, по какой причине — ведь скоро все они будут мертвы.

— Я учился в колледже, — начал рассказ Кливленд. — Познакомился там с молодой девушкой, дочерью профессора. Добрая, милая, полная противоположность отцу, который был груб, резок, категоричен в суждениях. Как-то раз я работал над одним проектом в библиотеке колледжа. Было уже поздно, я настолько увлекся, что потерял счет времени. И вот меня там заперли — по чистой случайности, конечно. Наверное, какой-то выход найти было можно, и не успел я начать искать его, как обнаружил, что заперт не один, а с дочерью профессора. Сама судьба. К тому же проект я делал по заданию ее отца. И мы проговорили о нем несколько часов... точнее, она говорила, а я слушал. Для меня стало настоящим шоком услышать такие грубые и злые слова из уст этой красивой молоденькой девушки. Все эти разговоры об отце... они лишь разожгли во мне подспудную жажду мести. К тому же я и опомниться не успел, как ее губы прижались к моим. Не стоит, пожалуй, рассказывать вам остальное, потому как результат этого порыва... стоит сейчас прямо передо мной.

— Она забеременела, а ты так об этом и не узнал, верно?

— Вскоре после этого приключения в библиотеке она ушла из колледжа, и больше я ее никогда не видел. Правда, слышал, как профессор, ее отец, говорил что-то на тему того, что красивым девушкам не стоит

доверять парням, которые учатся в этом колледже. Наверное, был прав.

— Как ее звали?

— Элизабет Ворт.

Айви закрыла лицо обеими руками, тело ее сотрясала дрожь. Она рыдала.

— Они мне лгали, — сквозь слезы пробормотала она. — Все, что они говорили мне, было ложью.

Август не знал, что и делать. Он чувствовал: надо обнять Айви, попробовать как-то утешить ее. Ведь она ему сестра, пусть только по отцу. С другой стороны, он помнил, что несколько минут назад эта девушка едва не перерезала ему горло. Решение за него принял Кливленд — подошел и неловко обнял Айви связанными руками.

— Так, значит, у тебя есть сестра? — спросила Эйприл.

Август увидел, что теперь они с Чарли стоят рядом с ним, по бокам.

— Ну, как видишь, — пробормотал он в ответ. — Немного непривычно, конечно, ведь я всегда считал себя единственным ребенком в семье. Ну и привык к более чем снисходительному отношению.

— Хочешь сказать, считал себя пупом земли?

— Я бы сказал, имел предрасположенность к самолюбованию, но и твоя версия имеет право на жизнь.

— Не знаю, что и думать, — пробормотала Айви, отходя от Кливленда. — Я так давно, так долго ждала этого момента... И вот теперь, когда он наступил, вдруг испугалась.

— Меня тоже пугает это.

Услышав эти слова, она резко развернулась.

— Штульгерр!

— Связать их! — скомандовал он.

Охранники бросились выполнять приказ.

И тут на арену высыпало, похоже, все братство «Черных Фем». Они поспешили занимали места на

трибунах. Очевидно, собирались увидеть занимательное представление. И у Августа не было сомнений на тему того, кому суждено стать звездами этого шоу.

— Откуда они здесь взялись? — спросил он Кливленда.

— Прошли через боковой вход. Я был вместе с ними. А отряд, с которым продвигался ты сверху, давал им точную информацию с помощью радаров. Так что им не понадобилось много времени, чтобы найти все, на что рассчитывали, в этой фашистской могиле.

— Вряд ли подходящее название для столь потрясающего сооружения, — заметил Штульгерр.

Август скроил презрительную гримасу. И тут их всех бросили на пол и связали вместе.

— Это смертельная ловушка. А ты говоришь о ней, как о фешенебельном СПА-салоне.

— Может, ты и прав. Однако сомневаюсь, что предстоящие процедуры покажутся тебе и твоему семейству приятным времяпрепровождением.

— Ты бессердечная тварь!

— Напротив. Должен признать, я испытываю особую теплоту, видя, что вся ваша семья наконец-то оказалась вместе. Жаль только, что воссоединение это долго не продлится.

— Мне следовало бы догадаться, что это ты, — пробормотал Август.

Штульгерр улыбнулся:

— Откуда тебе было знать? Ты же считал меня мертвым.

Глава сорок шестая

Август терпеть не мог сюрпризы. Однажды, еще маленьkim, он вернулся из школы — мама была еще жива, — распахнул входную дверь и увидел, что в доме полно народу.

— Сюрприз! — радостно закричали все.

Он понимал, что должен засмеяться от радости или по крайней мере выразить удивление, что столько людей пришли отметить его день рождения. Но по некоей непонятной причине сделал обратное — заплакал, развернулся и бросился бегом вон из комнаты. Родители долго успокаивали его, считая, что мальчик просто смутился от неожиданности, и тогда Август был с ними согласен. Да, он смутился. Но позже, начав осознавать и анализировать все свои поступки и движения души, он, вспоминая этот случай, пришел к выводу, что никакое это было не смущение. Потеря контроля над собой и ситуацией — вот что его расстроило.

Понимание того, кем в действительности является Штульгерр, произвело аналогичный эффект. И Август вновь со всей силой осознал: «Я не контролирую ситуацию». Его обманули, обвели вокруг пальца, заставили гоняться за недостижимым. Он стал такой легкой мишенью и от этого чувствовал себя полным дураком.

— Что, не ожидал увидеть меня здесь? — насмешливо спросил доктор Ротшильд.

— Следует признать, никак не ожидал. Не каждый день видишь, как человек, умерший дважды, оказывается жив.

— Дважды?

— Первый раз в библиотеке, — сказал Август. — И второй — это когда я затолкал тебя внутрь этой омерзительной статуи.

Похоже, доктору Ротшильду понравилась его бравада.

— Ну и что будешь делать дальше? Каков план?

— Плана еще не придумал, — ответил Август. Он и все остальные — Эйприл, Чарли, Кливленд и

Айви — лежали связанными на полу. — Но как только придумаю, тут же тобой займусь.

— Ты уж будь любезен, дай мне знать, — усмехнулся доктор Ротшильд. — А пока «Черные Фемы» займутся первым из обвиняемых.

Тут появились два охранника «Фем» — фрейскоффен. Они волокли Алекса Пирсона. Вид его был ужасен: избитый, весь в крови и, похоже, не спал ни минуты со времени вылета из Нью-Йорка.

— Алекс! — воскликнула Эйприл. Бешено забилась, пытаясь освободиться от пут, потом вдруг затихла.

— Что происходит? — спросил Август. Но гадать долго не пришлось. Стражники протащили мимо него Алекса. При этом инвалидной коляске при нем не было. Он шел!

— Погодите! — воскликнул Алекс и выразительно взмахнул руками. — Прежде чем суд объявит свое решение, позвольте мне поговорить с Эйприл.

Доктор Ротшильд раздумывал недолго.

— Ладно, давайте тащите ее сюда! — И сделал знак охранникам. Те послушно развязали Эйприл.

Она вскочила, подбежала к Алексу. Собралась что-то сказать, но не находила слов.

— Так ты... можешь ходить? — после паузы прошептала она.

— Мне следовало сказать тебе об этом раньше. — В голосе Алекса звучали нотки сожаления. — Примерно с полгода тому назад, во время реабилитации я вдруг почувствовал боль в ногах. Для большинства людей ничего приятного в том нет, но я обрадовался. Верный признак того, что, возможно, начну ходить снова. Хотел сразу же поделиться с тобой этой новостью, но доктор посоветовал с этим не спешить.

— Почему?

— Чтобы не обнадеживать понапрасну. Врач знал немало случаев, когда люди, пошедшие вроде бы на поправку, первым делом сообщали об этом близким, а потом вдруг наступало резкое ухудшение. Вот и посоветовал мне подождать, посмотреть, не временный ли характер носят эти симптомы. Уж не знаю, правильно ли поступил, но я послушался его. А улучшение продолжалось. Я много занимался на тренажерах и через несколько месяцев снова пошел.

— Но тогда-то ты почему мне не сказал?

— Потому что у меня был план, — ответил Алекс. — Я хотел выждать... до свадьбы. Просто видел эту картину: я иду по проходу церкви к тебе, и лицо твое так и озаряется радостью. Собирался сделать такой вот свадебный подарок.

Глаза Эйприл наполнились слезами.

— Ах, Алекс! Ты должен был просто сказать мне...

— Теперь понимаю, — пробормотал он.

— Ты и в других вещах мне тоже лгал.

— Просто кое-чего недоговаривал, — объяснил Алекс. — На протяжении долгого времени я был членом «Черных Фем». Но мне не хотелось говорить тебе об этом до тех пор, пока я не объявлю себя новым Штульгерром.

Тут в беседу вмешался доктор Ротшильд:

— Видите ли, Эйприл, ваш жених хотел отобрать у меня контроль над «Черными Фемами». И, надо сказать, почти преуспел в этом. Сначала застрелил самого верного моего союзника, Кристофера Валодрина. Затем убил его жену, тоже близкого и дорогого мне друга. А потом сорвал одну из наших операций здесь, в Антарктиде. Ну и так далее, в том же духе. Да у нас уйдут недели на то, чтобы исследовать всю глубину его падения и предательства!

Он взглянул на статую Девы Марии.

— К счастью, наказание для предателей предусмотрено весьма строгое. Остальных же, кто стал частью этого подлого плана, тоже ждет суд, строгий, но справедливый. Но прежде всего мне хотелось бы, чтобы перед судом предстал именно Алекс. И получил приговор, которого заслуживает.

Эйприл схватила Алекса за руки.

— Ты и меня тоже пытался убить? Ну говори!

— Конечно, нет, — ответил он. — Напротив. Я пытался тебя спасти.

— Спасти? И это называется спасти?

— Мне казалось, что ты воспримешь мою идею, даже одобришь ее, — пробормотал Алекс. — А потом пришла другая мысль. Скорее всего, у нас ничего не получилось бы.

— Ты это о чем?

— Нельзя любить двух мужчин одновременно.

— Двух мужчин? О ком ты говоришь, Алекс? Об Августе?

— Не притворяйся, что не понимаешь. Да достаточно послушать, как ты иногда говоришь о нем. Или увидеть, сколько времени тратишь, прихорашиваясь, надеясь, что он может зайти. Ты все еще любишь его! Я надеялся, что это чувство рано или поздно пройдет, но оно не проходит. И что-то подсказывает мне, что никогда не пройдет.

Эйприл еще крепче сжала его руки.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Да, возможно, Август мне не безразличен, но я не люблю его.

— Теперь это уже не имеет значения, — заметил Алекс, и тут фрейсхоффен начали оттаскивать его от Эйприл.

— Нет! — закричала она.

Доктор Ротшильд поднял руку и обернулся лицом к суду.

— Пришло время Святой Деве вынести свое суждение!

Фрейсхоффен заставили Алекса опуститься на колени. Он поцеловал ступни статуи. Пол задрожал. Затем Алекс поднял голову и увидел, как передняя часть статуи расходится на две половинки, открывая взорам смертоносные свои внутренности.

— Пожалуйста! — взмолилась Эйприл. — Вы не можете так с ним поступить!

Доктор Ротшильд указал на Алекса.

— Он предатель. Но он также является истинным членом «Черных Фем». А потому принимает это наказание с радостью!

— Алекс! — вскрикнула Эйприл.

Фрейсхоффен рывком поставили Алекса на ноги. Казалось, он смирился с неизбежным концом. Он даже не сопротивлялся, когда стражи втолкнули его в ужасную машину и захлопнули дверцы.

Эйприл упала в обморок.

— Братья мои! — начал доктор Ротшильд. — В наши ряды затесался дракон, но Дева забрала его к себе!

Дверцы распахнулись снова. Алекс исчез. От него осталось лишь кровавое пятно.

Фрейсхоффен пересекли помещение и начали развязывать веревки на Кливленде.

— Оставьте его! — воскликнул Август. — Теперь мой черед.

Никто не обратил на эти слова ни малейшего внимания.

— Все нормально, сынок, — сказал Августу Кливленд. — Я сам подготовил себе это ложе. Теперь самое время на нем уснуть.

Фрейсхоффен оттащили его в сторону. Августу оставалось лишь наблюдать за тем, как они повели отца к позолоченной статуе.

Глава сорок седьмая

Кливленда заставили встать на колени.

— Целуй ноги Девы, — приказал доктор Ротшильд.

Кливленд прекрасно знал, что последует за этим.

— Зачем ты так со мной? — спросил он. — Мы ведь знакомы бог знает сколько лет.

— У меня нет выбора. Ты сам встал на опасную дорожку.

— Но разве наша дружба значит для тебя меньше, чем «Черные Фемы»?

— Дружба? — насмешливо переспросил Ротшильд, точно выплюнул это слово. — «Черные Фемы» для меня семья.

Кливленд обернулся, взглянул на Августа, Эйприл, Чарли и Айви.

— Нет, это не так, — сказал он. — Это у меня есть семья. Жаль, что я не понимал этого раньше.

Фрейсхоффен схватили его за плечи.

— Штульгерр!

Все присутствующие обернулись на этот крик.

— Штульгерр! — повторил охранник «Черных Фем», возникший в проходе. — Мы нашли копье!

Возбужденный ропот пробежал по рядам членов Черного братства.

— То самое, настоящее, одно-единственное копье? — спросил доктор Ротшильд.

— То самое. Ни малейших сомнений.
 — Тогда тащи его сюда.
 И толпа снова издала радостный гул.
 — Тишина! — воскликнул доктор Ротшильд.
 И обернулся к Кливленду. — Получаешь отсрочку.
 Впрочем, ненадолго.

Фрейсхоффен отвели Кливленда обратно, где находились все остальные пленные, в том числе и Эйприл. Там его снова связали по ногам и рукам и бросили в кучу, точно еще одно полено в огонь.

А через минуту в зал вошли четверо мужчин. Они несли продолговатую коробку, напоминающую узкий гроб. На футляре красовались несколько символов, самый большой и яркий сразу бросался в глаза — красная свастика в центре. Они поднесли футляр и осторожно опустили его у ног доктора Ротшильда.

— Откройте, — приказал он.

Август наблюдал за тем, как двое стражей начали приподнимать крышку. Внутри, на красной шелковой подкладке, лежало простое деревянное копье с серым стальным наконечником.

— Дайте мне, — распорядился Ротшильд.

Стражи переглянулись, точно спрашивая друг у друга, имеет ли на то право Штульгерр.

— Давайте сюда, говорю! — произнес хриплым от нетерпения голосом доктор Ротшильд.

Мужчины осторожно подложили пальцы под копье, вынули его из «гробика» и поместили на протянутые руки доктора Ротшильда. Тот принял копье и победно вскинул голову.

— Для тех, кто не знает истории этого копья, — обратился он к присутствующим, — скажу следующее. Оно отмечало путь многих известных мировых лидеров. Гитлер владел им, а до него оно принадлежало Сигизмунду, императору Священной Римской

империи. Вот что он сказал в те далекие времена: «Имперская корона, держава, скипетр, кресты, меч и священное копье никогда не должны покинуть родной земли — на то есть воля Божья». И я, как избранный вами Штульгерр, главный судья Священного Суда, готов откликнуться на этот призыв. Копье должно вернуться на свое законное место, на землю новой Священной Римской империи! И очень скоро!

Все присутствующие встали, радостные крики взорвали тишину огромного подземного зала.

Доктор Ротшильд терпеливо ждал, когда крики эти стихнут.

— Но одного копья недостаточно. Это могущественный символ, однако в мире, где мы сейчас живем, символов недостаточно. Было время, когда четыре буквы, SSGG, символ «Черных Фем» приводил в ужас любого, кто видел его. И было время, уже значительно позже, когда нацисты, приемля эти священные руны, создали организацию под названием SS, вселяющую страх в сердца людей. Но увы, те времена миновали. Возникла пустота, которую необходимо заполнить, у людей возникло стремление ощутить твердую руку новой власти. А власть эту, братья мои, и представляет данный суд.

После паузы он добавил:

— Мы находимся в самом сердце величайшего из достижений Гитлера. Я имею в виду не только этот грандиозный зал, но и все подземное сооружение. Оно простояло здесь десятилетия, в полном безлюдье, на ветрах и морозах, в ожидании, когда король гор проснется и вернется. Это время пришло, у подземной империи вновь появился хозяин. Она оказалась даже больше, чем мы предполагали, и здесь спрятаны ключи от сокровища, которое поможет нам обрести контроль над мировой экономикой. А сокрови-

ще это называют «черным золотом». Не правда ли, подходящее название для нашего братства «Черных Фем»? Нефть! Источники ее на нашей планете оскудеваают с каждым днем. Под нами сейчас последнее из гигантских нефтяных месторождений. И Гитлер, естественно, хотел присвоить его. Но там, где он потерпел провал, преуспеем мы. Пятьдесят миллиардов баррелей, на триллионы долларов сырой нефти, лежат практически под нашими ногами. И мы вправе их взять. Ко времени, когда весь остальной мир сообразит, чем мы занимаемся, будет уже поздно. Никаких законов здесь не существует. У Антарктиды нет правительства, которое могло бы защитить интересы этого континента, нет полиции или армии, которые могли бы противостоять нам. Соединенные Штаты здесь бессильны, и лично я сомневаюсь, что они получат благословение всего мира, если попробуют вышвырнуть нас отсюда. Так что поднимайтесь, братья мои! Поднимитесь и скажите миру: вот она, наша судьба!

И снова все присутствующие вскочили со своих мест. И гул их голосов был просто оглушителен.

Август содрогнулся. Сама мысль о том, что «Черные Фемы» захватили стратегические нефтяные запасы, приводила в ужас. Их контроль над нефтью Антарктиды пугал уже сам по себе, но были и другие последствия, возможно, куда более разрушительные и драматические. При очистке нефти наверняка расстают льды Южного полюса, уровень воды в Мировом океане резко поднимется, будут затоплены береговые линии целых стран и даже континентов. Города исчезнут под водой, миллионы людей потеряют жилье, дома и работу, бизнес, а также жизни. Последствия будут сравнимы с ураганом Катрина, но только в десятки, сотни раз катастрофичнее.

Доктор Ротшильд опустил руку с копьем и устался на Августа. В этот момент он походил на некую отвратительную разновидность «Дорифора» работы Поликлета, знаменитого «Копьеносца»¹. Он был падшим ангелом, пародией на святость, пугающим мифом. И ничто не могло остановить его здесь, где на протяжении тысяч и тысяч миль стыло безлюдное заледенелое пространство.

Еще несколько минут — и этот злодей и его приспешники бросят отца во чрево позолоченной богини. А что потом? Кто погибнет следующим? Может, он сам? Или это случится с Эйприл? А что, если — Господи упаси — с Чарли?.. И как быть с Айви? На протяжении всей этой церемонии она ни разу не раскрыла рта. И Август не мог винить ее за это молчание. Она наверняка слишком далеко зашла, чтобы узнать, кто ее семья и где сейчас. И вот теперь, когда только что обрела ее, эту семью у нее отбирают.

Семья... видно, для Айви она много значила. Значит ли что-нибудь для него?

— Эйприл...

— Да?

— Нам отсюда никак не выбраться.

— Знаю.

— Я... Просто подумал, что, наверное, должен сказать тебе...

— Август...

— Да?

— Совсем не обязательно это говорить.

— Да, но это единственный шанс. Больше не будет. И я должен сказать, какие чувства к тебе испытываю.

¹ «Копьеносец» (греч. «Дорифор») — одна из самых известных статуй Античности, работа древнегреческого скульптора Поликлета, создана в 450–440 гг. до н. э.

-
- Я и без того знаю, какие.
— Знаешь?
— Ну конечно.
— Выходит, нам нечего больше друг другу сказать?
— Ну разве что прощай...
— Тогда прощай.
— Прощай, Август.

Август сидел связанный по рукам и ногам. Удрученный, он от всего сердца желал сказать больше. Даже если это и конец, Эйприл должна знать, как он к ней относится. Ведь он любит ее по-настоящему. И она должна это услышать, а не просто знать. И вот он заговорил. Но тут к нему подскочил один из фрейсхоффен и заклеил ему рот скотчем.

— Штульгерр не желает слышать, как ты будешь орать, умирая, — заметил он.

Август кивнул в знак того, что понял.

Доктор Ротшильд разразился новой речью — видно, был прирожденным пустословом. Не переводя духа, он трещал о том, какие великие цели стоят перед могущественным братством под названием «Черные Фемы». Август перевел взгляд на отца — охранники оттащили его в сторону от статуи и стояли рядом. Губы отца шевелились. Он тоже что-то говорил, вроде: «Скажи, когда он окажется прямо перед статуей».

Август мог только смотреть на него. Заклеенный рот не давал возможности спросить, что затеял Кливленд.

Вот губы отца опять зашевелились: «Дай мне знать, когда доктор Ротшильд окажется прямо перед статуей».

Слова Август понял, а вот их значение — нет. К чему это все? Он пригляделся повнимательнее.

Из-за распахнутых дверец статуи отцу доктора Ротшильда было видно плохо. И опять же, что все это означает? И тут, заметив растерянное выражение на лице Августа, отец ответил: «Я больше не связан».

Август заволновался, это было заметно по его лицу.

«Обо мне не беспокойся. Только скажи, когда...»

Август сфокусировал все свое внимание на докторе Ротшильде. Он продолжал толкать речь, захлебываясь от восторга, упивался собой. Члены «Черных Фем» впитывали каждое его слово, точно голодная стая волков.

И тут Август часто заморгал глазами, давая отцу понять: «Сейчас! Сейчас! Самое время!»

Кливленд метнулся вперед, охранники никак не ожидали этого и растерялись. Он подбежал к распахнутым дверцам статуи и толкнул в разверстое смертоносное чрево Девы увлеckшегося речью Ротшильда.

Доктор Ротшильд вскрикнул — как-то жалобно и недоверчиво, — а вокруг него уже сомкнулись стальные лопасти. Кливленд захлопнул дверцы — они сомкнулись со зловещим металлическим лязгом. Фрейсхофен набросились на него, но было поздно. Доктор Ротшильд — всевластный Штульгерр «Черных Фем» — уже мертв.

Глава сорок восьмая

Он бы поубивал их всех.

Именно так просил поступить Алекс Пирсон, если дела пойдут плохо. А дела шли — хуже некуда.

Конраду было жаль свергнутого своего нанимателя. Ведь намерения у того были самые добрые. И пусть его обвинили, осудили, а затем и казнили,

как предателя, таковым он не являлся. Предатель — это тот, кто стремится передать организацию в руки другого человека. А Алексу казалось, что нынешнее руководство занимается именно этим — и он хотел это прекратить. Хотел сделать «Черные Фемы» сильнее, чем они были на протяжении всего своего существования. Создать истинный четвертый рейх, власть, с которой будет считаться весь мир.

И почти преуспел. Но ведь почти не считается, верно?

Вот и поплатился за это.

Он мученик, это совершенно очевидно. Он принял смерть охотно и с достоинством, точно показывая другим членам братства, что умирает за благородное дело. И ведь они могли откликнуться на этот молчаливый протест, подхватить его мантию, попробовать свергнуть нынешнего Штульгерра. Но они и пальцем не шевельнули, лишь тупо глазели на казнь. Не люди, а просто зомби какие-то, впали в ступор от радости, услышав, что братству удалось завладеть последним оплотом нацистов.

Конрад ненавидел этих тупых религиозных фанатиков. Перебить их всех до одного — вот будет радость-то.

К счастью, чуть раньше тем же днем он побывал в исследовательском центре «Черных Фем». И сам видел на экранах компьютеров план сооружения, созданную с помощью цифровой методики целую паутину туннелей, больших и маленьких помещений — все это на основе данных, полученных с помощью радиолокационных установок специальной разведывательной командой. Его поразили сложность и размеры этого сооружения. На секунду даже пришла мысль: что, если там остался и существует до

сих пор Снежный человек, который терпеливо ждет вдали от всего мира на протяжении десятилетий, когда его наконец обнаружат?

Но в «домике» никого не было. Они обшарили все углы и закоулки и не нашли там ни единого признака жизни. Огромный нацистский город, населенный лишь призраками прошлого, необитаемый остров величиной с континент, который ждал, когда плоды, произрастающие на нем, будут востребованы. И плодами этими оказались залежи миллиардов баррелей нефти, спрятанные в этой неприступной крепости, под толщей льда.

Нефть станет его спасением, его способом отомстить «Черным Фемам». Он чувствовал, что больше не контролирует себя, что разум его несколько помутился. Слишком уж возбуждали перспективы. Он заставит их всех страдать. Он хочет, чтобы все они до единого сгорели заживо. Смешно. Сама идея весьма занята — создать огненный ад подо льдом.

Он нажал несколько кнопок, прислушался к тому, как тут же тихо загудели моторчики, встроенные в его искусственную левую руку. Приборная доска, находившаяся прямо перед ним, засветилась. Его и раньше поражало то, что практически все оставленные нацистами подземные установки до сих пор действуют. Даже газ оставался в цистернах. А перед ним тянулись целые ряды этих емкостей, все прекрасно сохранились в оптимальных условиях хранения. Влажность практически нулевая, суровый климат не допускал появления ржавчины, плесени, прочих нежелательных явлений.

Приборы, управляющие емкостями с горючим, были обнаружены одними из первых после того, как бойцы «Черных Фем» пробились сюда. Их почему-то

поразил тот факт, как просто было зажечь факелы в «обители» Девы — в чисто символическом смысле для них это имело огромное значение. А теперь уже и Конрад понимал, что поджечь все вокруг не составит труда.

А вот выбраться отсюда будет не просто. Очень высок риск того, что и ему не выйти отсюда живым. Но с другой стороны, постоянная угроза смерти делает жизнь только интереснее, разве не так?

Да и потом, неважно, останется он на этой земле или нет. Искать его никто не будет. Скучать по нему — тоже. Дома у него нет. Нормальной семьи тоже никогда не было, друзей совсем мало. А люди, заметившие его отсутствие, только обрадуются.

Конрад осмотрел контрольную панель управления. Он знал шесть языков и понимал по-немецки, так что сообразить, на какие рычаги надо нажимать, труда не составит. Всего через несколько минут все помещения наполняются взрывчатой летучей смесью. Он проверил все еще раз, дабы убедиться, чтобы избыточный газ проник в помещение со статуей Девы Марии лишь в самый последний момент. Факелы станут последним звеном в его безумном адском плане всеобщего разрушения.

И вот он откинулся на спинку кресла и стал ждать, пока газ наполнит большинство помещений нацистской станции. Стрелки на измерительных приборах скакнули в красные зоны, тогда Конрад полез под приборную панель и вырвал проводку. Совсем ни к чему, если вдруг сработает система сигнализации, предупреждая всех и каждого о грозящей опасности.

Из вентиляционного люка над головой донесся свист — это ледяной воздух врывался снаружи в помещение. Очевидно, то была специально разработанная еще в те давние времена система сигнализации,

предупреждающая таких, как он, что происходит утечка газа.

Как раздражает этот звук!

Он поискал контрольную кнопку, не нашел, а потом сообразил, что можно выбраться отсюда через вентиляционные люки.

Приставил кресло к стене, встал на него и начал пробираться в вентиляционную шахту. И вскоре обнаружил источник проблемы — складная металлическая перегородка-воротца была открыта, что позволяло холодному воздуху просачиваться внутрь. Он прополз в воротца, потом толчком ноги захлопнул их, отсекая от вентиляционной шахты помещение, продолжавшее наполняться газом. И внезапно понял, что, решая эту проблему, он нашел выход отсюда. Теперь оставалось лишь ползти к свободе. Однако Конрад понимал, что медлить никак нельзя. Ведь очень скоро все сооружение, построенное нацистами, поглотит пламя, а все присутствующие в нем сгорят дотла.

Глава сорок девятая

Сумятица, полный хаос — вот что творилось в подземном зале судебных заседаний. Кливленд отчаянно сопротивлялся. Целая толпа охранников окружила Августа и других пленных, на тот случай, если те пытаются бежать. Иными словами, обстановка осложнялась. А потом произошло нечто невероятное.

Ничего подобного Август прежде никогда не видел. Из-под постамента статуи донесся свистящий звук. А потом со стены сорвался пылающий факел, ударили в статую, и она вспыхнула мгновенно, точно одинокое высокое дерево, пораженное молнией.

Дева загорелась. И это было только начало ада. За несколько секунд потолок превратился в круговерть оранжевых и красных всполохов. Факелы на стенах взрывались со страшной силой, осыпая тучами искр армию «Черных Фем». И скоро все кругом поглотило пламя.

В дыму и огне фрейсхоффен потеряли из вида Кливленда. Он бросился к Августу и развязал ве-ревки. Затем они уже вдвоем поспешно принялись освобождать от пут остальных. И вскоре те тоже оказались на свободе.

Кругом царило смятение. Такое пламя нельзя было погасить. Члены «Черных Фем», конечно, боролись с огнем, но все их усилия были напрасны.

Айви взмахнула рукой.

— Сюда! За мной!

— У нас есть какой-то другой выход? — пробормотал Август, глядя на море огня, бушующего у него за спиной.

— Говорю вам, сюда, — ответила Айви, указывая на квадратную решетку в полу. Тут откуда-то сбоку выскоцил и набросился на них солдат «Черных Фем». Айви нанесла ему резкий удар в солнечное сплетение, мужчина отлетел и безжизненно распростерся на полу.

— Быстрей! — крикнул Август и бросился вперед. Приподнял тяжелую металлическую крышку люка, и вот они по очереди начали спускаться вниз. Август лез последним и уже собрался было задвинуть крышку, как вдруг его ухватила за шиворот чья-то рука в шрамах. Тогда Август изо всей силы ударил крышкой по руке — раздался треск ломающихся костей пальцев. Рука исчезла, Август провалился в пустоту.

Впрочем, глубина колодца оказалась небольшой, всего несколько футов. Он услышал топот ног — это бывшие пленники бежали по туннелю, ответвлению от шахты. Август поспешил за ними в надежде, что дорога эта не кончится тупиком.

— Я увидела эту шахту на одной из последних распечаток данных, — пробормотала Айви, бегущая чуть впереди. — Думаю, предназначена для стока.

— Так мы в канализационной трубе?

— Ну да, что-то в этом роде. И если я права, она должна вывести нас наружу.

— А если нет?

Она не ответила.

По мере продвижения Август чувствовал, что воздух становится все теплее и теплее.

— Айви! — окликнул он девушку.

— Что?

— Беги быстрее!

Жар нарастил, где-то за спиной послышался грозный рев приближающегося огненного торнадо.

— Айви!

— Мы почти на месте! Я вижу выход!

Раздался грохот — это Айви что было сил замотила кулаками по внешней вентиляционной решетке. Затем послышался треск — решетка подалась и вывалилась наружу, на снег. Все поспешили начали выбираться из подземелья. Август успел как раз вовремя — еще секунда-другая, и его поглотило бы пламя, рвущееся вдогонку из шахты.

— Пошли! — крикнула Айви и устремилась к черному вертолету.

Они находились на гребне холма, там, где пробивал путь под лед второй отряд «Черных Фем». Кругом находилось буровое оборудование, стыло под холод-

ным небом Антарктиды, в то время как хозяева его умирали мучительной смертью от жара, дыма и пламени совсем недалеко отсюда.

Они влезли в вертолет, Айви включила мотор. И тут от мощнейшего взрыва содрогнулся и заходил ходуном лед вокруг.

— Что это? — спросила Эйприл.

— Думаю, гитлеровскому сооружению настал конец, — ответил Август. — Остается надеяться, что мы не исчезнем вместе с ним.

Моторы взвыли, винт вертолета начал вращаться. Все быстрее и быстрее. Лед снова заходил ходуном, как во время землетрясения, вертолет затрясся. Мотор заглох.

— Времени не хватает, — прошептала Айви.

— Не смей сдаваться! — Кливленд опустил ей руку на плечо.

Айви снова завела мотор, теперь винт вращался на полную силу. Айви потянула штурвал на себя, и железная птица медленно и как-то косо поднялась в небо.

— Быстрее! Давай прибавь! — отчаянно прокричал Август. Он сидел, прижав лицо к стеклу, наблюдая за сценой апокалипсиса, что разворачивалась внизу.

— Я стараюсь!

Вертолет все выше поднимался в голубое небо, но недостаточно быстро, чтобы избежать последствий подземного взрыва, сравнимого по мощности с небольшой атомной бомбой. Стальная птица содрогнулась, точно в конвульсиях, когда ее накрыло взрывной волной, опасно задрала нос вверх. Лишь каким-то чудом Айви удалось удержать ее в воздухе.

Но вот тряска прекратилась, Айви выровняла машину, и глазам всех присутствующих на борту от-

крылась чудовищная сцена. На месте, где только что находилось огромное подземное сооружение, зияла гигантская воронка, оттуда валил дым. Августу эта картина напомнила извержение вулкана, внизу образовалась зияющая дыра, кратер невиданных размеров, точно на Луне.

— Там никто не мог выжить, — сказала Айви. В голосе ее не улавливалось ни малейшего сожаления.

— «Черные Фемы» больше не существуют, они исчезли, — заметил Кливленд. — А вместе с ними — и нацистская карта, и «Евангелие от Генриха Льва».

— И Копье Судьбы, — добавил Чарли. — Не стоит об этом забывать.

Они направлялись на базу Ньюмайера. Август то и дело выглядывал в окно и наблюдал за тем, как клубы черного дыма поднимаются в небо, освещенные лучами заходящего солнца, что придавало им особенно зловещий вид. Памятник из пепла, воздвигнутый сотням погибших, в том числе и двум людям, которых он некогда считал друзьями, — доктору Ротшильду и Алексу Пирсону. Трудно представить, что их больше нет на свете. Еще труднее поверить, что в сердцах этих людей гнездилось такое зло. Что же произошло с ними? Как они могли пасть столь низко, докатиться до такого безумия? Август понимал: вряд ли он когда-нибудь получит ответы на эти вопросы.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они достигли базы. Возможность ночевки здесь даже не рассматривалась. Они не останутся ни на час, ни на минуту. Быстро погрузили свои пожитки в «Старлифтер», на котором сюда прилетели, Айви заняла пилотское кресло, и вскоре самолет взмыл в сумрак, унося с собой людей, мечтавших наконец оказаться дома.

Глава пятидесятая

— Отец!

— Да?

— У меня к тебе несколько вопросов, — сказал Август. — Ответишь на них?

Кливленд улыбнулся:

— Почему нет? Впереди еще целых двадцать четыре часа полета. Заняться все равно больше нечем.

— Я о «Евангелии от Генриха Льва», — сказал Август.

Кливленд нахмурился:

— А что, собственно, тебя беспокоит?

— Где книга?

— Где книга? — переспросил Кливленд. — Ты прекрасно знаешь где. Догорает во льду вместе с кучей трупов.

— Нет, это копия. А я имел в виду оригинал «Евангелия от Генриха Льва».

— Господи, мальчик мой, о чем это ты?

Август оглядел салон самолета. Кроме Айви, сидевшей за штурвалом, все остальные пассажиры крепко спали прямо на полу. Он снова обернулся к отцу.

— Первые подозрения закрались, когда ты прислал мне книгу по почте. И неважно, что, возможно, сделал ты это под давлением, попав в какую-то неприятную историю. Все равно не верится, что ты мог послать такую редчайшую и драгоценную книгу просто по почте.

— Но у меня не было выхода! Послать тебе книгу... это был единственный для меня способ благополучно выехать из Германии.

— Если загвоздка заключалась только в этом, я бы тебе поверил. И то вопрос.

— Но какие еще есть основания для выдвижения столь нелепых обвинений?

— Знаешь, в свое время я, как и ты, перевидал немало старинных книг. И в точности так же, как ты, обладал врожденной способностью верно угадывать возраст книги, вне зависимости от того, что говорил мне ее владелец. Сам знаешь, как это бывает. Человек пытается продать тебе книгу, уверяет, что ей не меньше ста лет, а на самом деле — пятьдесят.

— Да, такое со мной случалось неоднократно.

— Но ведь ты ни разу не дал себя провести, верно?

— Ну, разок, наверное, все же было.

— Когда? Назови хоть один раз.

— О... Думаю, все же был один раз в... гм... ну, в общем, наверное, вспомнил бы, если б постарался.

— Нет, не вспомнишь, даже и стараться не стоит, — заметил Август. — Потому как этого никогда не было, ни разу! Книга, которую ты мне прислал, была самым совершенным клоном «Евангелия от Генриха Льва», который мне только доводилось видеть, но все равно — подделка. Есть что-то такое в прикосновении к бумаге. В оттенке чернил. Не могу точно описать это словами, но всегда есть нечто подсказывающее мне — книга ненастоящая.

Кливленд насмешливо фыркнул:

— Так ты что же, опираешься лишь на чутье? Прости, сын, но на понт меня не взять; нужны более серьезные, материальные, что ли, доказательства.

— Да. Наверное. Но одними подозрениями тут не обойтись. Последнее веское подтверждение я получил на базе Ньюмайера, когда мы только приземлились в Антарктиде. Мы соображали, какая связь существует между книгой и картой, и использовали координаты карты, чтобы расшифровать коды в книге.

- Должен признать, блестящая была идея.
- Спасибо. У меня была сильная команда.
- А знаешь ли, каким образом...
- Послушай, отец...
- Что?
- Не пытайся сбить меня с толку.
- Ладно.
- Итак, как я уже говорил, мы использовали координаты, приведенные в карте. Затем с их помощью выделили ряд букв в книге. И получили первый код: AZJRPQMVKYSYU. Тебе этот код не кажется несколько странным?
- Да нет.
- Нет? — вскинул брови Август. — А как насчет буквы «J»?
- Ну... возможно, это был глиптический вариант. Ты об этом не подумал?
- Ни о каком таком варианте и речи быть не может, — ответил Август. — Это была буква «J», вне всяких сомнений. Сам видел, собственными глазами. Я еще тогда подумал: «Странно. Как это в книгу двенадцатого века затесалась буква времен постреконструкции?» И тут вдруг до меня дошло. Книга не двенадцатого века, а двадцатого!
- Какая нелепость!
- Думаю, нацисты создали весьма искусную копию «Евангелия от Генриха Льва». Совершенную, за исключением одного. Они изменили несколько букв специально, чтобы соответствовали ключу карты. И действовали при этом осторожно. Это несоответствие можно было заметить только при ближайшем и самом внимательном рассмотрении.
- Да, наверное, я просто недоглядел. Пропустил, прохлопал.
- Прохлопал? Да все время своего пребывания в Германии ты изучал эту книгу. И чтобы не заметить

такую существенную деталь? Ну если бы ты был неопытным антикваром, тогда еще простительно. Но ведь ты у нас профессионал. Возможно, самый лучший в мире. А это, в свою очередь, означает, что тебе известно, где в настоящее время находится оригинал «Евангелия от Генриха Льва».

— Понятия не имею, о чем это ты, — проворчал в ответ Кливленд.

Но от внимания Августа не укрылась искорка, вдруг блеснувшая в глазах отца, беглая, почти неразличимая, свидетельствующая о том, что он лукавит. Врет или же просто притворяется.

— Где книга?

— Если настоящий экземпляр «Евангелия от Генриха Льва» и существует, тогда, полагаю, он спрятан где-нибудь в надежном месте, в каком-нибудь сейфе, вдалеке от загребущих лап «Черных Фем» или какой-либо другой организации, страждущей завладеть этим сокровищем. — Он посмотрел сыну прямо в глаза. — В число этих страждущих входишь и ты, сын мой. А может, уже являешься тем владельцем?..

— Я?

— У тебя тоже далеко не безупречная репутация.

Август кивнул:

— Обо мне не беспокойся. Я усвоил все преподанные мне уроки.

— Разве? Тогда к чему все эти вопросы о книге?

Сын понимал — расспрашивать дальше нет никакого смысла.

— Я когда-нибудь узнаю правду?

Отец лишь улыбнулся:

— Всему свое время.

Эпилог

*Три месяца спустя
Нью-Йорк*

— С днем рожденья меня! — пропел Чарли, входя в распахнутую дверь и стряхивая опавшую листву с ботинок.

— Чарли! Зачем ты это делаешь?

— Извини, бабушка Роуз.

— Ладно, ерунда, — буркнула она, втянула внука в дом с холода и закрыла за ним дверь. — Так и быть, в день рождения прощается! А теперь давай быстренько на кухню, выпей горячего какао.

— С суфле из кукурузного сиропа, да?

— Прости, сын, но я все слопал дочиста, — входя в кухню, сказал Август.

— Пап! Ты что, правда съел все суфле?

— Да нет, конечно. Просто пошутил.

— Суфле из кукурузного сиропа — вещь настолько серьезная, что любые шутки тут неуместны.

Август скроил огорченную гримасу.

— Да. Очень серьезная штука, это суфле из кукурузного сиропа.

И тут оба они не выдержали, так и покатились со смеху, а бабушка Роуз тем временем налила в кружки густую ароматную жидкость и подала. Они чокнулись и отпили по глотку.

— С днем рождения, малыш.
 — Спасибо, пап.
 — А сколько, кстати, тебе стукнуло? Пять?
 Шесть?

— Пап! Ты же знаешь, сколько мне лет!
 — Семь? Или, может, целых восемь? Что-то я потерял счет твоим годам.

Чарли лишь удрученно покачал головой. В дверь позвонили.

— Я открою, — сказал Август. Поднялся, отворил дверь и увидел Кливленда, буквально обвешанного коробками и пакетами с подарками.

— Дедушка! — радостно воскликнул Чарли, бросился к Кливленду, крепко обнял его. И тут взгляд его упал на гору разноцветных коробок на полу. — О, вот это да! Это все мне? Что там?

— Невежливо задавать такие вопросы, — укорил сына Август. И обернулся к отцу. — Итак... ты слышал, что спросил мальчик. Что ты ему принес? Может, новую игровую приставку, о которой он так мечтал?

Кливленд снял пальто, повесил на вешалку.
 — Придется набраться немного терпения. Подождешь и увидишь.

— А можно открыть прямо сейчас? — Чарли чуть ли не слюни пускал при виде такого обилия подарков.

— Только после обеда. Ну ладно, так уж и быть. Один можешь открыть прямо сейчас.

— Ура!
 — Но только один, — вставил Август, многозначительно приподняв палец.

Кливленд задумчиво почесал бровь.
 — Смотри не промахнись. Если уж разрешили открыть один, сначала убедись, что это и есть самый главный.

Чарли начал срывать разноцветную оберточную бумагу.

— Новый «Нинтендо»¹! Вот это да! Просто глазам своим не верю!

— Я тоже не верю, — сказал Август. И шепнул на ухо Кливленду: — Спасибо тебе.

— Это для мальчика, должен понимать.

— Ну да, конечно. Но кому понравится, если эта чудесная игровая приставка будет простаивать, когда Чарли спит?

Чарли побежал на кухню показывать бабушке Роуз подарок деда. Август понимал: сейчас теща изо всех сил будет изображать восторг.

Тут в дверь снова позвонили. Август открыл.

— А вот и я, — входя, объявила Эйприл.

— Давай помогу. — Август отставил кружку, взял из ее рук объемистые пакеты с покупками. Потом наклонился и поцеловал Эйприл в щеку.

Она улыбнулась:

— Как мило...

— Будет и добавка для тех, кто ведет себя хорошо.

— Не сомневаюсь.

Август наблюдал за тем, как хлопочут на кухне Эйприл, бабушка Роуз и Чарли. Он до сих пор не мог окончательно поверить в то, что отношения у них наладились. Вскоре после возвращения из Антарктиды они с Эйприл стали встречаться все чаще и чаще. И был в этих встречах даже некий привкус романтики. Нет, они не строили никаких грандиозных планов на будущее, но события развивались в правильном направлении. И это было хорошо для них обоих, а для Чарли — особенно. Мальчик просто расцветал

¹ «Нинтендо» — название фирмы, производящей популярнейшие игровые приставки.

всякий раз, когда видел их вместе. Иногда он вдруг обнимал их и держал крепко-крепко, точно хотел склеить их, физически соединить навсегда, чтобы они больше уже никогда не расставались.

Бабушка Роуз заглянула в гостиную.

— Еще немного терпения, и сядем за стол.

— Ждать нет никаких сил! — воскликнул Кливленд. — Такие аппетитные запахи, с ума сойти!

— Что там у нас на обед? — спросил Август. — Надеюсь, Роуз, ты не спалила очередную лазанью?

— Прекрати дразниться! — Бабушка Роуз швырнула в него кухонным полотенцем. — Только раз такое случилось. А то еще Кливленд может подумать, что повариха из меня никудышная.

Август подошел к отцу.

— Повариха она совершенно изумительная, — шепнул он ему на ухо. — И поскольку я заинтересован, чтобы она осталась у нас как можно дольше, вот и даю лишний раз понять, что совершенству нет предела.

— Ужас, что за тип! — И с этими словами бабушка Роуз вновь захлопотала на кухне.

Август с Кливлендом вернулись в гостиную.

— От Айви что-нибудь слышно? — спросил Август.

— Вот уже больше месяца ничего. Очевидно, ей нужно время, чтобы разобраться с какими-то мелочами.

— Мелочами? Да уж, представляю. Уверен, в число этих «мелочей» входят вещи, о которых мне не следует знать.

— Дай ей шанс, Август. Это ведь она спасла нам жизни.

— Знаю. Но у меня все равно много вопросов к этой девице.

— Как и у всех нас. Ничего, всему свое время. Что, кстати, напомнило мне... — Кливленд улыбнулся. — У меня потрясающие новости!

— Новости?

— Да. Поскольку Ротшильд отныне в бессрочном отпуске, открылась вакансия в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

— И ты согласился занять этот пост?

Кливленд широко развел руками.

— Перед тобой новый начальник отдела редких книг и рукописей!

— Потрясающе, папа! Мои поздравления. Нет, честно, я очень рад.

— Ты непременно должен навестить меня там. У них имеется Библия Гуттенберга, просмотришь — крышу снесет! Ты должен это видеть.

Август едва не упал со стула.

— А я-то думал, меня к такому раритету теперь и на пушечный выстрел не подпустят. Спасибо, непременно заскочу.

Кливленд протянул Августу тяжелый прямоугольный пакет.

— Вот, держи. Это тебе.

— Мне? Подарок?

— Знаю, сегодня день рождения Чарли. Ну, можешь считать это моим предварительным подарком к твоему дню рождения. Это и для Эйприл тоже. Погоди минутку. — Он вышел из комнаты и вскоре вернулся вместе с ней. Усадил рядом с сыном, хлопнул в ладоши. — Это для вас обоих!

Эйприл и Август недоуменно переглянулись.

— Ты хоть догадываешься, что там?

— Нет. А ты?

Август взял коробку в оберточной бумаге, потряс ее, но Кливленд тотчас его остановил.

— А вот этого лучше не делать.

— Там что, бомба?

Никто не засмеялся.

— Прошу прощения, — сказал Август. — То была не слишком удачная шутка.

— Тогда просто открай, и все, — посоветовала Эйприл. И начала снимать оберточную бумагу.

Август поспешил на помощь, снял остатки бумаги. Под ними находилась красивая плоская подарочная коробка. Он приподнял крышку. Эйприл просунула внутрь руку. И достала предмет в обертке из тончайшей бумаги. Книга.

— Что это? — почти благоговейно спросил Август, не решаясь открыть этот том довольно солидных размеров.

— Давай же! — подстегнул его Кливленд. — Посмотри!

Август медленно развернул слой тонкой белой бумаги. И ахнул.

— Отец! Возможно ли это?..

В уголках глаз Эйприл выступили слезы.

— Неужели она действительно теперь наша?

— Да.

Август смотрел на роскошную книгу. «Всемирные хроники». Именно эта книга свела его родителей. Именно благодаря ей они познакомились с Эйприл. Но была в этой книге и темная сторона. Из-за нее они с отцом на протяжении стольких лет не поддерживали отношений.

— Не понимаю, — пробормотал Август. — Как она у тебя оказалась?

— А ты подумай хорошенъко. Помнишь имя человека, купившего у тебя эту книгу?

— Ты хочешь сказать, после того, как я ее у тебя украд?

Кливленд ответил кивком.

— Никогда не забуду. Кажется, он был румыном. А звали его мистер Гарольд Рымтий.

Кливленд протянул ему руку.

— Позвольте представиться. Лорд Гарт Мнимый к вашим услугам. Очень приятно наконец встретиться с вами лично.

— Но... этого просто быть не может!.. Очередная анаграмма!

— Выходит, ты так и не догадался?

— Нет.

— Наверное, платежный чек просто сбил с толку.

Август был потрясен.

— Тебе пришлось потратить на нее все свои сбережения, верно?

— Да, дыра образовалась изрядная.

— Чувствую себя просто ужасно, — пробормотал Август. И протянул книгу отцу. — Нет, я не могу принять такой подарок.

— Это называется дар, сын. — И Кливленд бережно отдал книгу обратно. — Кроме того, это не только тебе. Это вам обоим. Как думаешь, вы сможете ладить и дальше?

Август обернулся, взглянул на Эйприл. А потом с улыбкой ответил:

— Будем стараться изо всех сил.

ОТ АВТОРА

Все больше тайн и загадок

Еще во время написания первого своего романа «Тайны Библии Гуттенберга» я вдруг обнаружил, что лучшие загадки базируются на основе реальности. То же в полной мере можно отнести и к «Дому Волка». Вот что прежде всего подтолкнуло меня к написанию этих книг, вот почему я продолжал размышлять над ними еще долго после того, как дописал последние страницы.

Вообще «Дом Волка» преследовал меня на протяжении довольно длительного времени, поскольку мне так и не удалось раскрыть одну из главных ее тайн. Целый год я собирали и отслеживал бесконечный поток информации, но всякий раз заходил в тупик. Один простой вопрос так и оставался без ответа: кто являлся владельцем «Евангелия от Генриха Льва» после того, как книга была продана с аукциона Сотбис в 1983 году?

Поначалу я надеялся, что в Сотбис мне смогут предоставить информацию по этому поводу. Связался с их отделениями в Нью-Йорке и Лондоне. Тамошние сотрудники откликнулись на мою просьбу и страшно старались, но так и не смогли дать нужную информацию, мотивируя соображениями конфиденциальности.

Тем не менее они оказались достаточно любезны и прислали мне документы, могущие пролить хотя бы

немного света на ситуацию. Одним из них являлась неполная копия книги «Искусство на аукционах: Год в Сотбис, 1983—84». На стр. 164 ее автор Кристофер де Хамель описывает тайны, окружающие «Евангелие от Генриха Льва»: «...манускрипт стал своего рода сенсацией просто потому, что на протяжении почти пятидесяти лет о его местонахождении не было ничего известно. В 1861 году его привез из Пражского кафедрального собора последний король Ганновера, и вплоть до 1933 года книгой владели его потомки. Именно в этом году они обратились в Сотбис с вопросом: есть ли шанс продать эту книгу? После Второй мировой войны «Евангелие» было тайно выставлено на продажу (после того как Британский музей и библиотека Пирпойнта Моргана от нее отказались) и было продано некой группе лиц, пожелавших остаться неизвестными. Куда затем ее увезли новые владельцы — тоже осталось загадкой. Часть ауры этого манускрипта, безусловно, объясняется тем, что на протяжении полувека она считалась исчезнувшей».

Ну что, прочли? Что за группа, так и осталось неизвестным. Снова тупик. Но может, группа чем-то выдала себя после завершения торгов? Читайте, друг мой, на стр. 165 той же книги: «6 декабря торги по лоту под номером 50 открылись с 1 миллиона фунтов, сумма постепенно возрастала то на 100 000, то на 200 000 фунтов и наконец достигла 7 400 000 фунтов. Длились торги два часа с четвертью. И вот наконец книга была продана за вышеуказанную сумму некому консорциуму, действующему от имени западно-германского правительства. 11 января 1984 года из Берлина специально за этой книгой был выслан за-камуфлированный военный самолет; примерно в три часа дня манускрипт прибыл в Нижнюю Саксонию, в бывшие владения Генриха Льва».

Что? Как прикажете это понимать? Военный аэроплан в камуфляже? История становилась все занимательнее. Я уверен, должен быть кто-то, знающий, что представляла собой эта загадочная группа покупателей. (Может, тебе это известно, дорогой читатель?) Ряд исследований доказывает, что во время Второй мировой нацисты украли «Евангелие от Генриха Льва» из банковского сейфа. Конструируя сюжет «Дома Волка», я использовал эту версию, поскольку она прекрасно вписывалась в тайну, окружавшую Гитлера и его сокровища, спрятанные где-то в нацистской берлоге, подо льдами Антарктиды.

Тайник, берлога? Ну уж, конечно, чистой воды выдумки, скажете вы. И снова должен признаться — не я все это придумал. Существуют десятки книг и веб-сайтов, где приводятся свидетельства существования подобных тайников. А вот идея о том, что нацисты прятали там технологию по созданию неопознанных летающих объектов, не поддержана никакими сколько-нибудь достоверными доказательствами, хотя есть немало документов, свидетельствующих о вере американцев в то, что нацисты сильно продвинулись в этой области.

В частности, один такой документ приводится в номере «Нэшнл джиографик» за октябрь 1947 года. Там напечатана статья контр-адмирала Ричарда Берда, и называется она «Наш флот исследует Антарктиду». Это совершенно потрясающий рассказ о том, как американские ученые и военные исследовали подземный ледяной мир шестого континента, и там приведены планы, схемы и снимки сооружений, оставленных фашистами. Задание их называлось «Операция «Высокий прыжок», и если вы как следует пороетесь в справочной системе «Гугл», там на эту тему можно найти немало интересного и будоражащего мысль.

Теоретики заговора считают, что истинной целью операции было отыскать спрятанные нацистами со-кровища и залежи полезных ископаемых. Правы ли они? Может, научные исследования были для американцев лишь своего рода прикрытием? Вам судить.

Ну а что же Копье Судьбы? Какое отношение оно имеет ко всему этому? Есть немало свидетельств в пользу того, что Гитлер действительно стремился найти это копье. И нашел его (или же то была древняя копия знаменитого копья). А затем спрятал реликвию где-то в Антарктиде. Если вас заинтересовала эта тема, рекомендую прочесть книгу «Адольф Гитлер и тайны Священного Копья», написанную в соавторстве полковником Говардом А. Бьюкнером и капитаном Вильгельмом Бернхартом. Очень занимательно, особенно если верить в то, что Гитлер наложил свои грязные загребущие лапы на это мифическое копье. (Что же касается любителей комиксов, желающих как можно больше узнать о Священном Копье, вот совет: попробуйте раздобыть экземпляр «Индиана Джонс и Копье Судьбы» в четырех частях.)

Еще в «Тайнах Библии Гуттенберга» я пытался пролить свет на два тайных общества: «Сироты» и «Орден Дракона». В «Доме Волка» исследовал еще одно древнее и одновременно вполне реальное тайное общество — «Священные Фемы». Свидетельств и документов об этом братстве сохранилось немного, но если как следует поискать, можно найти немало тревожной информации. В продаже на эту тему имеется весьма занимательная книга: «Тайные общества: История», автором которой является Аркон Дейрол. (Вы, надеюсь, заметили, что в «Доме Волка» два героя носят эту фамилию, Дейрол? Теперь знаете почему!) Клятва новичка, вступающего в члены «Фем», отрывок из которой в романе зачитывает вслух док-

тор Кливленд Адамс, воспроизведена в точности по документам, приведенным в вышеупомянутой книге. От нее просто мурашки бегут по коже, как от одного только вида статуи Железной Девы, этого орудия средневековых пыток, которое, увы, никакая не выдумка, а является фактом истории. Одна мысль о том, что человек мог придумать и использовать столь чудовищное орудие, приводит в содрогание. Однако я благодарен хотя бы за то, что мне не пришлось выдумывать его самому.

Существуют ли «Фемы» до сих пор? Определенно существовали в рядах нацистов, пусть и символически, — исследования показывают, что история возникновения SS навеяна именно священными для Черного братства символами — SSGG. Ну а сегодня, в наши дни? Мне довелось прочесть отчет человека по имени Филипп Гардинер, который утверждал, что встречался с членами этого тайного общества в Берлине. Я отправил ему письмо по электронной почте с предложением встретиться. Он ответил коротко: «История есть чистая правда». И это пугает.

Надеюсь, я доказал тебе, дорогой читатель, что не являюсь колдуном и шарлатаном, создающим драконов из воздуха. Я всего лишь коллекционер, как мой герой Август Адамс, шарю по заброшенным пыльным полкам в поисках потерянных сокровищ. И я предлагаю, вернее, бросаю вам вызов — попробуйте хоть раз сами отыскать настоящее сокровище! Уверяю, вы будете вознаграждены за свои усилия. В любом случае дайте мне знать, что именно найдете. Возможно, это вдохновит меня на написание следующего романа!

Mир вам,

Мэтт Бронливи

Оглавление

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая.....	18
Глава третья.....	27
Глава четвертая	32
Глава пятая	42
Глава шестая	53
Глава седьмая.....	62
Глава восьмая	68
Глава девятая.....	70
Глава десятая.....	78
Глава одиннадцатая.....	82
Глава двенадцатая	91
Глава тринадцатая.....	95
Глава четырнадцатая	107
Глава пятнадцатая	117
Глава шестнадцатая	124
Глава семнадцатая.....	131
Глава восемнадцатая.....	141
Глава девятнадцатая	150
Глава двадцатая.....	160
Глава двадцать первая	166
Глава двадцать вторая.....	177
Глава двадцать третья.....	181

Глава двадцать четвертая	182
Глава двадцать пятая	188
Глава двадцать шестая	193
Глава двадцать седьмая.	203
Глава двадцать восьмая	207
Глава двадцать девятая.	215
Глава тридцатая.	219
Глава тридцать первая	229
Глава тридцать вторая	232
Глава тридцать третья.	234
Глава тридцать четвертая.	237
Глава тридцать пятая	242
Глава тридцать шестая	246
Глава тридцать седьмая	253
Глава тридцать восьмая	256
Глава тридцать девятая	259
Глава сороковая.	263
Глава сорок первая	270
Глава сорок вторая	280
Глава сорок третья	290
Глава сорок четвертая.	296
Глава сорок пятая	302
Глава сорок шестая	312
Глава сорок седьмая	318
Глава сорок восьмая	324
Глава сорок девятая	328
Глава пятидесятая.	333
Эпилог.	337
От автора	344

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТSELLER

Мэтт Бронливи

ДОМ ВОЛКА

Ответственный редактор *В. Хорос*

Редактор *В. Куницын*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цетпин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru . E-mail: info@eksмо.ru.

Қазақстан Республикасындағы Әкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көнсө. Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Қазақстан Республикасынан аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан

Республикасындағы Әкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көнсө.

Өнімдердің жаралық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству

РФ о техническом регулировании можно получить

по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Подписано в печать 01.04.2013.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура «SchoolBook».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 3000 экз. Заказ 2961

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-64497-1

9 785699 644971>

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Боронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Ставки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru**

МЭТТ
БРОНЛИВИ

ДОМ ВОЛКА

Торговец редкими книгами Август Адамс неожиданно получил почтовую посылку от отца, с которым он не разговаривал уже двадцать лет. В ней оказалось «Евангелие от Генриха Льва», написанное в конце двенадцатого века, — невероятный раритет огромной ценности. У Августа нет сомнений — это копия, ведь оригинал надежно укрыт в одном из германских книгохранилищ. Но сразу же после нежданной посылки в жизнь Адамса врываются странные и опасные люди, цель которых — отобрать у него эту книгу, причем неважно, у живого или мертвого. Неужели фолиант подлинный?.. Август еще не знает, что это «Евангелие» — не просто букинистическая редкость. Ибо на его страницах зашифрована древняя тайна, которой поистине нет цены...

ISBN 978-5-699-64497-1

9 785699 644971 >

ЭКСМО